

АЛЕКСАНДР

БУШКОВ

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

НАД САМӨЙ КЛЕТКӨЙ ЛЬВА

НАД САМӨЙ
КЛЕТКӨЙ ЛЬВА

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВАРОГА

В занимательности Александрю Бушкову не откажешь.
Книжное обозрение

Если вы читали хотя бы одну из историй о Станиславе Свароге, не сомневайтесь, дальше — только интересней.
Радио «Маяк»

В деле создания героев Александр Бушков никогда не промахивается... Герой Бушкова всегда обладает провинциальной самоуверенностью, здравомыслием и крепкой психикой советского офицера.

Сварог тут не исключение.
Книжная витрина

«Сварог» вывел Александра Бушкова в число фантастов первой лиги.
FANтастика

Книги Александра Бушкова о Свароге стали мгновенной классикой в то время, когда понятия «русское фэнтези» еще и не существовало.
Мир фантастики

СВАРОГ – фантастический боевик

Рыцарь из ниоткуда
Летающие острова
Нечаянный король
Железные паруса
По ту сторону льда
Чёртова мельница
Слепые солдаты
Из ниоткуда в никуда
Король и его королева
Вертикальная вода
Алый, как снег
Над самой клеткой льва
Радиант
(готовится к выходу)

Чужие берега
Чужие паруса
Чужие зеркала

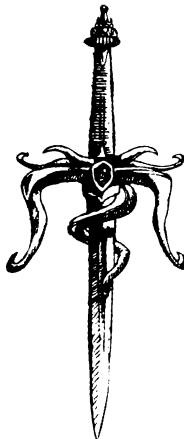

Пленник Короны
Враг Короны
Спаситель Короны

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

Над самой
клеткой льва

Роман

МОСКВА

ТОРГОВЫЙ ДОМ «АБРИС»
2017

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Б90

Серия «Сварог – фантастический боевик» основана в 2010 году.

Исключительное право публикации книги
принадлежит ООО «Торговый дом «Абрис».
Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону.

Главный художник Т. В. Евсеева

Печатается с сохранением особенностей авторского стиля,
орфографии и пунктуации

Бушков А. А.

Б90 Над самой клеткой льва: Роман / Александр Бушков. — М. : Абрис, 2017. — 331, [5] с. — (Сварог – фантастический боевик). — ISBN 978-5-00111-184-9.

Все ниже и ниже склоняется голова Сварога под тяжестью новых корон. Но звон бокалов и любимых женских голосов отвлекает его от горечи потерь. А нарастающий шорох, шелест, шум Соседних Странниц отзвуком древнего Шторма вновь заставляет взяться за королевское дело.

Сквозь нежный свет танцующей под тенью ночи Дриады Сварог видит, как рвутся потоком с небес тонкие полосы пронзительно-синего света. Вот-вот в них утонет Талар...

И против нового злодея наряжена такая армия, что едва ли не страшна соседям. Знать бы, куда нанести удар!

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-00111-184-9

© Бушков А. А., текст, 2016
© Торговый дом «Абрис», 2017
© Художественное оформление.
Торговый дом «Абрис», 2017
Все права защищены

*Быть счастливым вообще
как-то совестно, а в наши
печальный век и подавно.*

Владимир Соловьев

Глава I

МЕЧ И КОРОНА

Сварог, заложив руки за спину, стоял у высокого окна одной из комнат капитаната и не без досады смотрел вниз. Отсюда как на ладони можно было рассмотреть небольшой домик с вычурной зеленой крышей — еще с прошлого раза отведенный под Турнирное Собрание, зарегистрировавшее претендентов на трон. Вот только после прошлого раза его закрыли и собирались было передать какому-нибудь портовому учреждению — но кто же знал, что так обернется...

Кто знал, что Сварогу, помимо прочего, придется еще заниматься сегурскими делами? И никуда от них не денешься, нельзя чтобы сегурский трон достался кому попало — у него еще не было четкого плана, так, наметки...

Основная масса претендентов, как ему доложили, уже зарегистрировалась и склынула — но перед домиком еще чинно, как и полагается дворянам, прохаживалось человек семьдесят, каждый с футляром в руке, в каких здесь носят деловые бумаги: ну, понятно, как же тут без грамот, подтверждающих дворянские права...

Время от времени из домика показывался очередной зарегистрированный — то прямо-таки сияющий от радости (из тех, что поглупее), то, наоборот, с лицом напряженным и тревожным (значит, умный, хорошо представляет, что предприятие предстоит нелегкое).

— Сколько их уже набралось? — спросил он, не оборачиваясь.

Советник Айкес, начальник сегурской тайной полиции, ответил без промедления:

— Если считать и тех, что еще дожидаются регистрации, — не менее четырехсот. В прошлый раз мне докладывали, едва набралось двести, причем исключительно сегурцев, если не считать... — он склонил голову. — Теперь все обстоит совершенно иначе. Больше половины — приезжие из Снольдера, Ронеро, Харлана. Только лоранцев объявились две дюжины. Есть даже парочка владетелей Вольных Маноров. Вы же понимаете ситуацию...

Ну еще бы не понимать... Прежний Сегур, кукольное королевство, был мало кому интересен, и за корону дрались одни местные. Но вот теперь, когда к Сегуре присоединили еще и Дике со всеми тамошними богатствами, — игра стоила свеч... Тут можно было и рискнуть. И уж кто-то, а Лавиния Лоранская, никаких сомнений, постаралась отобрать лучших фехтовальщиков...

— Ага, — сказал Сварог. — Горротцы подтянулись. Видите вон ту компанию в сиреневых кружевах? Ну что же, логично... Десяток, не меньше.

— Мой учитель сказал бы: проблему нужно как-то решать...

— Сам знаю, — проворчал Сварог.

Учителем у Айкеса был не кто иной, как Интагар — как раз по поручению Сварога и подыскавший начальника тайной полиции из сююх, надежных. И первый министр был не из местных, и казначей, и еще несколько высокопоставленных сановников. Сварог в свое время позаботился, чтобы Мару окружали надежные люди, спо-

собные в ее отсутствие вести государственный корабль в правильном направлении и не допустить никаких с ю р п р и з о в.

Айкес сказал безразличным тоном:

— Вообще-то с теми силами, которыми вы здесь располагаете, государь...

Сварог и сам прекрасно знал, чем он здесь располагает. В трех портах — восемнадцать вымпелов (снольдерских и ронерских), а также двенадцать вооруженных кораблей ганзейцев и четырнадцать — пиратские, нанятые еще Марой. Вдобавок на Сегуре — три сотни Вольных Топоров (при том, что своей армии здесь нет с незапамятных времен, одна полиция). И военные корабли, и Топоры здесь пребывают абсолютно легитимно — по просьбе первого министра, в рамках одного из соглашений Морской Лиги, для обеспечения порядка и законности выборов. Ну, а Дике буквально набит войсками Сварога... Если что, получится бой тигра с котенком...

Айкес сказал вкрадчиво:

— Государь, мы с вами по своему ремеслу люди циничные... Не так уж трудно организовать в столице серьезные беспорядки уже к вечеру... Ну, а там обнаружится какое-нибудь собрание, которое потребует передачи престола вам... По примеру Балонга несколько лет назад...

Сварог раздумывал недолго.

— Не пойдет, советник, — сказал он решительно. — В Балонге тогда были совсем другие условия. Там мы не нарушили никаких законов, у нас была поддержка необходимого большинства патрициев и армейских генералов. А если мы устроим что-нибудь подобное здесь — нарушим законы даже не Виглафского Ковенанта, а имперские. «Положению о Турнире» совсем немного времени от роду, но оно признано Канцелярией земных дел и включено в соответствующие кодексы. Так что события не подведешь ни под ваганум, ни под за воевание. К сожалению. Очень скверно я буду выглядеть там — он указал пальцем на потолок, — сатрап и тиран,

нарушивший имперские законы... А мне это совершенно ни к чему. Здесь свои сложности...

- Можно откровенный вопрос, ваше величество?
- Конечно.

— Почему вы не послали сюда искусных фехтовальщиков из н а ш и х? Не тех, что приплыли сюда по своему желанию, людей с особой миссией?

— Была такая мысль, — сказал Сварог. — Вот только, согласитесь, не было полной гарантии, что кто-то из наших бретеров окажется самым лучшим. А ведь на сей раз игра пойдет в с е р ь е з — ставки велики... А впрочем... Я как-то не подумал сразу... Маркиз Оклер здесь?

- Да, появился часа три назад.

— Прекрасно, — сказал Сварог. — Ну что ж. Как говорится, держите руку на пульсе, а я вас ненадолго покину...

Именно в этом порту Оклер устроил тайную подводную стоянку для своих «Ящеров» (как он откровенно признался Сварогу, используя опыт токеретов). Сварог спустился этажом ниже, вошел в небольшую приемную. Секретарь (лар, но одетый в ронерский военно-морской мундир) вытянулся.

— Посетителей нет? — кивнул Сварог на дверь кабинета.

— Никого, ваше величество. Вам, конечно же, положено без доклада...

Сварог вошел. Оклер радостно поднялся ему навстречу, протянул руку:

- Рад вас видеть! «Драконья кровь»?
- Да, пожалуй, — сказал Сварог.

На Оклере тоже был мундир ронерского офицера — ничего интересного, их здесь много, и в гораздо более высоких чинах. Кому надо — тот знает.

— Видели, сколько их там собралось? — фыркнул Оклер, кивнув на окно, выходившее на ту же сторону. — Всех, конечно же, манит Дике... Но я надеюсь, вы давно успели что-нибудь придумать? Даже я догадался. Любой из дворян, приплывших из ваших Коро-

левств, вынужден будет оглядываться на вас решительно во всем...

— Если только победит, — хмуро сказал Сварог, приканчивая свой стакан. — Поэтому не будем ходить вокруг да около. Оклер, а вы не хотите стать сегурским королем?

— Я?! — маркиз даже стакан отставил от удивления.

— А почему бы и нет? — серьезно спросил Сварог. — Вы отличный фехтовальщик, я помню, сколько призов вы взяли там, наверху. Вы владеете неизвестными на земле приемами боя. Вы их всех сделаете одной левой. Мне нужен свой, абсолютно надежный человек на здешнем троне. Будь один только Сегур, я бы махнул рукой и ни во что не вмешивался. Но теперь есть еще и Дике... Так что нельзя отдаваться на волю случая, никак нельзя... У вас еще есть время зарегистрироваться, до вечера далеко. К тому же вы еще и здешний дворянин — совсем просто...

— Но у меня попросту не будет времени управляться еще и со здешними делами. Особенно Дике отнимет масу времени, я примерно представляю...

— Ну, это дело поправимое, — сказал Сварог. — Практически все здешние сановники, от которых зависят серьезные решения, — люди из моих королевств. Подберем и для Дике толковых управителей, есть уже на примете кандидатуры... От вас, собственно, ничего и не требуется — разок-другой поучаствовать в необходимых торжествах...

Оклер смотрел в стол с непонятным выражением лица. Наконец поднял глаза:

— Лорд Сварог, я прекрасно помню, чем вам обязан...

— Вздор, — сказал Сварог. — Честное слово, я вовсе не хочу, чтобы вы чувствовали себя чем-то мне обязанным. Я, собственно, ничего для вас и не сделал, это все... королева. Уясните это себе накрепко, хорошо?

— Хорошо, — сказал Оклер. — И все равно мне чертовски неловко перед вами... Я все понимаю, но вынужден отказаться.

— Почему? Не хотите мне помочь?

— Я вам всегда готов помочь в чем угодно д р у г о м, — сказал Оклер, глядя упрямо и непреклонно. — Но вот кем ни за что не соглашусь быть, так это марионеткой. Вы только поймите меня правильно, лорд Сварог! Я вас уважаю, смею считать себя вашим другом, но марионеткой не буду даже у вас. Полноценного короля из меня не получится, не то что из вас, а быть декоративной куклой...

Сварог видел, что любые уговоры здесь бесполезны — не тот человек. Как там звучит его фамильный девиз? «Оклеры служат, но не прислуживают».

— Ну, что же, — сказал он, вставая. — Жаль, я на вас рассчитывал...

— Лорд Сварог...

— Да?

— Ваше отношение ко мне изменилось?

— Честное слово, ни капельки, — сказал Сварог, подавая ему руку. — Скажу больше: такое поведение делает вам честь, маркиз

«Это все прекрасно, — думал он, шагая по длинному коридору, — честь, благородство, гордые фамильные девизы.. Но вот что теперь прикажете делать? Пускать все на волю случая? Чревато, ох как чревато... Местных байбаков, уже забывших, с какой стороны у меча эфес, в расчет принимать особенно не стоит. Если королем станет кто-то из е г о дворян, все устроится. А если победит лоранец или горротец? Непременно начнется большая война, главным образом за Дике — а мне бы сейчас парочку мирных лет, чтобы и дальше обустраивать Три Королевства...» — Когда он вошел, лицо Айкеса было откровенно тревожным.

— Государь, — сказал он тихо, понуро. — Только что в соседнем порту пришвартовалась лоранская бригантина. Агенты донесли: с нее сошел герцог Орк, взял извозчика и поехал сюда, в Турнирное собрание...

«Только его тут не хватало, — зло подумал Сварог. — Зачем он приплыл, догадаться нетрудно и, судя по все-

му, на сей раз крутит шашни с Лавинией, отнюдь не постельные (хотя, зная эту парочку, легко заподозрить, что он совмещает приятное с полезным). Орк — это уже совсем серьезно. Человек, владеющий неизвестными на земле приемами боя, которые ему позволяют в конце концов вить с доски все остальные фигуры. И противопоставить ему некого. Кроме...»

— Будут какие-нибудь распоряжения, государь? — спросил Айкес.

— А какие тут могут быть распоряжения? — пожал плечами Сварог. — Оставайтесь здесь и собираите информацию. А я пошел. Записываться на Турнир, — он хищно улыбнулся. — В конце концов, это не запрещено никакими законами, верно?

«Вот так, — думал он, спускаясь по лестнице и стараясь не спешить, — кое-кто знал его здесь, как короля, и следовало заботиться об этикете. — Наконец-то выпал случай сойтись лицом к лицу, а там уж будем полагаться на удачу...»

Перед домиком оставалось еще человек пятьдесят. Тут только Сварог сообразил, что представления не имеет, как происходит эта процедура. Скромно встал в сторонке. Знакомых лиц поблизости не увидел, и особенного внимания на него не обращали: одет был не так уж и богато, разве что с орденом «Звезда двух островов» на шее.

Подумав, вежливо спросил соседа:

— Не подскажете ли, лаур, как здесь все происходит?

Субъект с повадками записного бретера окинул его не самым уважительным взглядом, но все же объяснил вежливо:

— Ничего сложного, лаур. Все, кого вы здесь видите, уже сдали патенты и грамоты. Какое-то время их проверяют, потом выкликают очередного претендента, признанного достойным участником.

«Вот черт, — подумал Сварог. — Откуда у меня патенты и грамоты, отроду их с собой не таскал, разве что в те времена, когда не был королем. Короли всегда обходи-

лись без подобной бюрократии... Ладно, наглость — стра таланта...»

Он стал осторожно прятываться к крыльцу, благо претенденты особенно и не толпились. Кое-кто на него косился, всегда на лице было одно и то же выражение: «...Ну вот, еще один приперся...»

Он был уже шагах в пяти от невысокого крыльца, когда очередной дворянин, которого он было миновал, вдруг сорвал бадагар и раскланялся по всем правилам этикета:

— Ваше величество?!

Сварог присмотрелся: камзол несомненно пошил в Снольдере, золотая пряжка на бадагаре овальная, на отворотах сапог золотистые кружева — опять-таки по снольдерской моде. Подданный, ага.

Ближайшие моментально обернулись к ним, в толпе возникли шепотки, еще несколько человек торопливо сорвали шляпы и раскланялись. Не раздумывая ни секунды, Сварог направился к крыльцу, величественным королевским кивком отвечая на очередные поклоны. Слышал, как за спиной шепотки превратились в сущий гул, — новость, судя по всему, распространилась мгновенно.

В не особенно большом помещении с куполообразным потолком за двумя заваленными бумагами столами вовсю трудились два чиновника — изучали бумаги (сплошь и рядом невероятно ветхие с виду), рассматривали на просвет, в лупы, порой вставали с мест и шепотом обменивались мнениями. Видно было, что люди свое дело знают.

Третий стол, ближе к двери, был пуст, сидевший за ним чиновник откровенно скучал, скорее всего, догадался Сварог, он и принимал документы от соискателей, а сейчас ему было абсолютно нечем заняться. Не зря он откровенно оживился при виде Сварога, вежливо приподнялся, указал на стул:

— Прошу вас, лаур. Ваши бумаги?

Сварог посмотрел в дальний конец комнаты — там за очередным столом, где бумаг лежала всего-то парочка,

тоже откровенно скучали трое: один в синем мундире с нашивками ганзейского капитан-бургомистра, двое в зеленых с золотом кафтанах министерства двора. Ага, наблюдательная комиссия или как она там...

На Сварога они не обратили никакого внимания: один из «зеленых» откровенно подремывал, а второй и ганзец, судя по их позам, чуть отодвинулись от стола и, положив на колени игральную доску, рубились то ли в шакра-чатурандж, то ли в слайн.

— Ваши бумаги, лаур? — уже настойчивее попросил чиновник, нацеливаясь стилосом на длинный список.

— Вот с бумагами у меня некоторые затруднения, — сказал Сварог чуть громче, чем следовало, чтобы привлечь внимание троицы в углу.

Чиновник на него форменным образом вытаращился, словно на восьмое чудо света:

— Простите, то есть как?

Сварог задушевно сказал:

— Я и не предполагал, что они понадобятся. Понимаете, обычно у королей не бывает ни патентов, ни прочих бумаг. Разве что коронационные грамоты, но они обычно хранятся за семью замками в королевских дворцах, и никто из королей их с собой не носит...

Чиновник таращился на него в совершеннейшем обалдении, явно не представляя, что ему сказать и как себя повести. В углу стукнуло — это упала на пол доска в черно-белых квадратиках, но не разбилась (на совесть была сделана), звонко раскатились по полу фигурки шакра-чатуранджа, дремлющий мгновенно проснулся, все трое вскочили и практически хором возопили:

— Ваше величество!

Ничего от легковерия тут не было — именно с этим ганзейцем Сварог утром разговаривал в капитанате, а что до бездельников из министерства двора — очень многие прекрасно знали Сварога по прежним прилетам к Маре.

Сварог ответил милостивым наклонением головы и спросил:

— Не откажетесь ли подтвердить этим господам, что я говорю чистую правду?

Ганзеец проворно кинулся к одному из чиновников, а служивые из министерства двора подскочили к другому сразу с двух сторон и принялись шептать в уши так громко и азартно, что Сварог прекрасно рассыпал:

— Сварог Барг... Доподлинный... Король королей...

Вот тут и чиновники, рассыпая бумаги и роняя лупы, вскочили, согнувшись в поклонах. На всех лицах возникли, как по волшебству, льстивые улыбки, только ганзеец кланялся не так низко и улыбался не так льстиво — любили ганзейцы порой демонстрировать и толику независимости даже перед Сварогом: вольные мореходы, однако, у них собственная гордость...

Ганзеец и спросил первым:

— Значит вы, ваше величество, тоже хотите участвовать в Турнире?

Глаза у него определенно стали радостные — ну конечно, лучше иметь дело с сегурским королем в лице собственного Генерала-Старшины, чем с неким неизвестным субъектом, заброшенным на трон волей удачи...

— Да вот, возникло такое желание, — сказал Сварог. — Законом не запрещается, верно?

— Конечно, господин Генерал-Старшина, — он повернулся к одному из чиновников: — Я полагаю, в *данном* случае можно обойтись без документов? Благо есть кому удостоверить личность соискателя?

— Конечно, — торопливо кивнул чиновник.

Перед ним лежала стопка одинаковых листов бумаги, украшенных сегурским гербом, обрамленных какими-то завитушками, с большой печатью и подписью. Проворно схватив стилос, он написал что-то на верхнем, поставил какую-то цифру и с поклоном протянул Сварогу:

— Извольте, ваше величество. Удачи!

Сварог мельком проглядел бумагу — красиво украшенное свидетельство на право участия в Королевском Турнире за номером 402 — да, набежало их со всех кон-

цов света. Поблагодарил кивком и вышел, так и держа лист в руке.

Должно быть, уже всех собравшихся снаружи облетела новость о нежданном визитере — они проворно раздались на обе стороны, многие сняли шляпы. Сварог, скупо кивая направо и налево, миновал их и направился к капитанату.

И остановился. Сказал без всякого удивления:

— Какая встреча! Тоже решили поучаствовать, герцог?

Герцог Орк, раскланявшись по всем правилам политеса, уставился на него пытливо и, надо сказать, чуточку неприязненно. Одного в его взгляде не было — страха, кем-кем, а трусом герцог никогда не был. С легким удивлением он справился моментально, ухмыльнулся своей неподражаемой хищно-дерзкой улыбочкой:

— Насколько мне известно, законы этого не запрещают? Благо, все бумаги у меня в порядке.

— Горротские, я так понимаю? — спросил Сварог (он давно знал по агентурным сообщениям, что Орк получил от несостоявшегося короля-мальчишки за несколько дней сидения того на троне титул горротского графа).

— По-моему, они ничуть не хуже любых других? — с улыбочкой спросил Орк.

— Ну, конечно, — сказал Сварог. — Что же, желаю удачи...

Они вежливо раскланялись и отправились каждый своей дорогой. Вот так, добавилась еще одна головная боль: что э то м у понадобилось на Турнире? Теперь, когда он точно знает, что участвует и Сварог? Мечом они должны владеть примерно одинаково — одна школа (правда, у Сварога есть в запасе и кое-какие приемчики, Орку совершенно неизвестные). Рано или поздно в порядке жребьевки им придется сойтись лицом к лицу: пр очих Орк — как и Сварог — наверняка быстренько выведет из игры. И что тогда? Неужели рассчитывает победить? Но даже если ему это удастся, должен понимать: королем Сегура ему ни за что не бывать: и Сегур, и Дике набиты

людьми Сварога, войсками, Вольными Топорами, флотскими, которые с этаким вот повелителем ни за что не смирятся и уж что-нибудь быстро придумают. Особенно если учесть, что здесь люди из тайной полиции интагировой выучки, адмирал Амонд и лично Сварогу известные капитаны Вольных Топоров, люди поголовно не сентиментальные. С его-то умом и опытом интриг должен понимать: покоролевствует недолго, хорошо еще, если успеет на троне посидеть...

Тогда? Учитывая их давнюю неприязнь и то, что в деле вдруг замаячил лоранский след? Уж не рассчитывает ли вульгарно избавить этот мир от Сварога, который ему столько лет мешает жить? А что, если он все же владеет мечом лучше? Вообще-то и в этом случае, если он убьет Сварога, ноги ему живым не унести — о с о б е н н о в этом...

Ну ладно, не стоит паниковать раньше времени. Случались передряги и похуже. А кто лучше владеет мечом, мы еще посмотрим, не надо умирать прежде смерти...

Он аккуратно свернул казенную бумагу в трубочку, сунул за отворот кафана и направился к капитанату.

...Советник Айкес откровенно улыбался:

— Появление вашего величества наделало переполоха... В последний день перед Турниром еще можно вернуть свидетельство и убраться восвояси без всякого ущерба для дворянской чести. Разбегаются, простите, как тараканы, до вечера еще несколько часов, а из четырехсот четырех человек уже осталось двести одиннадцать, и, как мне докладывают, дело этим не ограничится...

Сварог хмыкнул:

— Вот уж не думал, что у меня та к а я репутация...

— Ну, что поделать, ваше величество, — Айкес тоже позволил себе легкую улыбку. — Что есть то есть... Вас интересует состав беглецов?

— Конечно. Уже выяснили?

— Там сидел мой человек и старательно всех отмечал... Во-первых, отступились три четверти сегурцев,

остались, надо полагать, самые отчаянные. Или просто такие, которые, разок скрестив меч с вашим величеством, тут же выйдут из боя, а потом до старости будут рассказывать, что однажды дрались с самим королем Сварогом. Благо там есть пункт «До первой крови», а под него можно подверстать самую пустяковую царпину, дающую возможность без ущерба для чести выйти из боя. Уплыли, конечно, все дворяне из подвластных вам королевств. Сами понимаете, дело тут уже не в трусости: дворянин не имеет права драться на дуэли со своим королем... Зато горротцы и лоранцы остались все до одного.

— Оптимисты... — проворчал Сварог.

— Или, что вероятнее, выполняют соответствующий приказ... Орк тоже остался как ни в чем не бывало. Ваше величество... Вот э т а персона меня беспокоит больше всего, простите за откровенность.

— Опасаетесь, он владеет мечом лучше меня?

Советник с непроницаемым лицом пожал плечами:

— Я бы не стал утверждать что-то определенное... Вы сами мне показывали его досье. За пять лет не проиграл ни одной из примерно семидесяти дуэлей — и это только те, о которых вашей службе... да и нам известно.

— И что же вы мне предлагаете? — усмехнулся Сварог. — Сдать бумагу и смирнехонько уплыть восвояси?

— Я понимаю, вы на это никогда не согласитесь... Но, в конце концов, тут крайне серьезное государственное дело. За оставшееся время можно что-нибудь придумать. Я не говорю об убийстве, не подумайте...

— Кружкой по башке в каком-нибудь кабаке, где он каждый вечер сидит? — не без цинизма усмехнулся Сварог.

— Хотя бы, — серьезно сказал советник. — Простите, ваше величество, но в данной ситуации, по-моему, правила чести не обязательно и соблюдать во всей полноте... Слишком уж велики ставки, нельзя полагаться на случайности...

— Не вздумайте предпринять что бы то ни было, — сказал Сварог. — Я вам категорически запрещаю, ясно? Встречались мне в жизни опасности и посеребренее герцога Орка... — он усмехнулся. — И наконец... Не забывайте, что это — лар. Разбитую кружкой голову, а то и сломанную ногу, он залечит за квадранс, и все будет бессмысленно. — Он подошел и похлопал советника по плечу: — Не беспокойтесь, Айкес. И не с такими препятствиями справлялись...

Турнир должен был состояться на огромном ипподроме, построенным давным-давно, во времена процветания Сегура, еще не превратившегося в крошечный островок. Со времен катастрофы его по прямому назначению больше не использовали — обедневшим сегурским дворянам, вынужденным самим зарабатывать себе на хлеб, было не до конских ристалищ. Но сохранился каменный амфитеатр неплохо. И публикой обоего пола и всех возрастов был набит сверху донизу — такое впечатление, что здесь собралось все нынешнее население Сегура. По гребню — сплошная череда штандартов, знамен, вексиллумов и щитов с сегурскими гербами. Высокая трава на овальном скаковом поле старательно выкошена, поле покрыто кругами из щедро насыпанного красного мела диаметром уардов в пять — еще один пункт из трех: тот из дуэлянтов, кто отступал за круг, считался проигравшим схватку бесповоротно, пусть даже оставался целехонек.

Сварог смирнехонько стоял в шеренге соискателей. После вчерашнего Великого Драпа шеренга значительно поредела — осталось только сто двадцать восемь человек. То есть, как легко вычислить — предстоит семь поединков, не столь уж тяжкое предприятие...

Орка он со своего места не видел — тот помещался где-то далеко на левом фланге. Выглядели все одинаково: сапоги, штаны и рубахи с распахнутым воротом: чтобы ни у кого не возникло соблазна поддеть кольчугу под каftан, камзол или колет. Мечи без ножен все держали

в руках — ножны порой при серьезном поединке только мешают...

Шестьдесят четыре меловых круга, как легко догадаться. Между ними все еще суетилась целая орава пышно наряженных распорядителей — делать им вроде больше было нечего, видимо, просто хотелось покрасоваться на публике — когда еще выпадет такой случай? Главный герольд в накидке с гербом Сегура и высоким золоченым жезлом стоял левее, окруженный несколькими помощниками, а рядом с ним помещался здешний лотерейный барабан — горизонтально установленный на оси бочонок, который как раз старательно раскручивал один из младших герольдов, перемешивая бляшки с номерами. Сварогу это настолько напомнило полузаытое земное «Спортлото», что он не удержался от легкой улыбки.

Герольд сделал жест — и один из его помощников звонко затрубил в рог. Ага, началось... Бочку остановили, один из младших герольдов откинул дверцу, запустил туда руку, извлек бляшку, пару секунд присматривался к ней, потом зычным голосом заорал едва ли не на весь ипподром:

— Триста сорок три!

Человек через пять от Сварога из шеренги выступил усатый субъект довольно-таки бретерского вида. Соискателей осталось гораздо меньше четырехсот, но здешние чиновники решили не устраивать еще на целый день возню с перерегистрацией: попросту оставили в бочонке бляшки тех участников, что не уехали, с их прежними номерами.

Усатый подошел к ближайшему красному кругу и остановился посередине — как человек, хорошо знающий правила.

— Семьдесят один!

Вот тут уж вышел человек совершенно другого облика: на вид здешний дворянин от сохи или гончарного круга, шагавший явно более робко и державший меч гораздо неувереннее. Когда они встали в круге, к ним тут же подбежал распорядитель — их было шестьдесят четыре, по числу

кругов — и что-то спросил у второго. Сварог не рассыпал ответа, но по лицу бретера скользнула пренебрежительная гримаса. Благодаря Айкесу, Сварог знал весь механизм до тонкостей: именно у второго распорядитель спрашивает, на каких условиях будет идти бой: «до невозможности продолжать схватку» или «до первой крови». Судя по усмешке бретера, он услышал именно второе: конечно, способ трусовато выйти из боя, но законом не запрещено...

Какое-то время все происходило крайне скучно: помощник герольда выкрикивал номера, вызванные проходили в круг, распорядитель спрашивал пришедшего вторым об избранных им условиях боя... Скука. Когда были заполнены четыре ряда целиком и половина пятого, Сварог встрепенулся, услышав:

— Четыреста два!

И бодро направился к свободному кругу, не без любопытства гадая, с кем сведет судьба поначалу.

— Девяносто один!

Так-так-так... Похоже, и ему достался очередной дворянин от сохи: довольно молодой, лихие усики, лицо является собой примечательную смесь робости и натужной отваги. Есть сильные подозрения... Ну да, так и есть, на вопрос распорядителя соперник быстро ответил:

— До первой крови!

И на елку сесть, и рыбку съесть... Еще долго пришлось стоять, положив руки на эфес упретого в землю меча, — не менее получаса продолжалась жеребьевка. Сварог хотел поискать взглядом Орка, но вовремя вспомнил, что вертеть головой тут не полагается, не в цирке. Уставился на противника, как он рассчитывал, ничуть не зверским взглядом. Тот чувствовал себя неуютно, но держался. Сварог вежливо спросил:

— Прекрасная погода, лаур, не правда ли?

И перед дуэлью, и даже во время нее, согласно стариинному дульному кодексу, можно разговаривать, о чем угодно — главное, чтобы этот разговор не имел отношения к предмету дуэли и не содержал оскорблений.

— Да-да, прекрасная... — ответил соперник, явственно поеживаясь.

Сварог быстренько прикинул в уме: сто двадцать восемь участников, значит, восемь поединков. Побольше бы попалось вот таких, готовых после первой царапины выйти из боя — сэкономит время и силы перед гла в н о й дракой. У него сложилось стойкое убеждение, что им с Орком придется вскоре сойтись в последней паре: два лучших фехтовальщика здесь, без хвастовства...

— Господа мои, бой!

Сварог где-то даже лениво сделал первый выпад, проверяя оборону противника, тот сумел заслониться клинком, и стало ясно: фехтовать ему все же приходилось. Охваченный внезапным нетерпением — к чему эти дурацкие игры согласно старинным традициям? — Сварог откровенно насел, пустив в ход пару ратагайских приемов, о которых противник, сразу видно, и понятия не имел, так что едва не лишился меча, но в последний миг успел его удержать и даже заслониться. Отступил на два шага. Твердо решив покончить все побыстрее, Сварог насел, крутя клинком, — и, усмотрев брешь в довольно бездарной защите противника, сделал выпад, полоснул сверху вниз. Как и предписывал дуэльный кодекс «с уговором», отступил на шаг, отсалютовав противнику мечом. Тот, бледнея на глазах, отступил за пределы круга. К нему уже спешила парочка лекарей. Сварог усмехнулся про себя. Все было проделано изящно и без серьезного членовредительства: всего-навсего острием меча распорол руку от плеча до запястья, рана не глубокая, серьезные кровеносные сосуды на задеты, даже зашивать не придется, походит с месяц с рукой на перевязи. Зато до седых волос будет живописать всем и каждому, как однажды скрестил клинки с самим Сварогом Баргом, да не где-нибудь, а на Королевском Турнире. То-то и физиономия у него вовсе не скорбная, а, скорее, довольная — успел рассмотреть, что рана пустяковая, и свою секундочку славы урвал...

Сварог встал на прежнем месте. Буквально сразу же к нему присоединились еще двое «победителей» — судя по виду, из того же разряда, что и его поцарапанный соперник: местные малость позвенели клинками, поцарапали противника и навсегда остались в гордом звании участников Королевского Турнира — благо, согласно старым правилам, каждому участнику, чем бы для него ни кончилась схватка, полагается памятный медальон. Ага, вон там бредут явно их противники — каждый в сопровождении двух врачей, но на своих ногах, один прижимает к груди перевязанную окровавленным бинтом руку, второй хромает, нога перевязана выше колена. «Ну, вашим противникам повезло, ребятки, — подумал Сварог, — покосившись на гордых собой победителей, — а вы, поскольку впереди еще шесть схваток, еще неизвестно, на кого можете нарваться...»

Так-так... А вот там бодрой походочкой возвращается Орк — а в другую сторону, в боковые ворота, прислужники в темном проворно уволакивают носилки, покрытые грубой материей, из-под которой торчат каблуки сапог с золотыми дворянскими шпорами. Судя по всему, герцог не намерен ни шутить, ни маяться гуманизмом — на свой лад хочет закончить дело побыстрее. Как явствует из финала, он наверняка вышел в круг вторым — вот и предложил свои условия, от которых соперник, понятное дело, не мог отказаться... Судя по тому, что лицо человека на носилках закрыто, убит наповал.

Схватки продолжались еще минут сорок. Толпа дерущихся довольно быстро редела, причем многие уходили на своих ногах, только двоих пронесли на носилках, но с незакрытыми лицами. Отсеивалась м е л о ч ь...

К месту второго поединка Сварогу выпало идти вторым, а потому он заранее наметил план действий: ему вовсе не нужны были звонкие победы, ему требовалось побыстрее со всем этим покончить... Второй противник оказался гораздо серьезнее: судя по сиреневым кружевам на отворотах сапог и пряжкам — несомненный горротец.

И смотрел он иначе: с холодной, устремленной с язлобой. Безусловно, «первая кровь» его ничуть не прельщала, замыслы простирались гораздо шире, но что поделать, если он пришел первым... А потому Сварог со спокойной совестью ответил на вопрос распорядителя:

— До первой крови...

Судя по лицу горротца, тому такое явно пришлось не по вкусу, но вслух неудовольствие он выразить не мог...

«Господа, бой!»

Вот горротец о защите не думал николечко — сразу перешел в атаку, и довольно хватко. Тут уже ни о какой небрежности речь не шла — Сварог дрался всерьез, отмечая, что противник старательно защищается и от серьезных ударов, и от шанса получить легкую ссадину — присоединился, как банный лист, ни за что не хочет выходить из боя...

Выпад! Столь молниеносный и ловкий, что в два счета мог загнать пол-uarда стали в кого-нибудь неопытнее Сварога.

Сварог не стал парировать — ушел вправо. Это тем, кто видел поединки только в кино, может показаться, что главная задача дуэлянтов — как можно чаще и красивее эффектно скрещивать клинки, чтобы лязг стали не утихал ни на миг.

В жизни многое иначе. Часто скрещиваясь, клинки портятся — щербятся, тупятся. Поэтому настолько и бой состоит не из дурацкого лязганья клинков, а из выпадов и ударов — иногда лучше уйти, иногда лучше парировать... Если сможешь и успеешь.

Злющие глаза, тонкие бледные губы скаты в ниточку, лицо без малейшего выражения. Быть может, он по жизни такой злой — а может, прекрасно знает, скем дерется. Как бы там ни было, он себя заставляет на убийство: целит то в сердце, то в шею, то норовит приложить по голове или по виску. И все время старается, чтобы не попасться на «первую кровь». Ага! На миг упав на колено, попытался достать Сварога лезвием по внутренней поверхности

бедра — а там одна из самых крупных артерий, кровь хлынет фонтаном...

Так... Парочкой знакомых маневров попытался повернуть Сварога лицом к солнцу — ну, эти фокусы мы знаем и уходить от них умеем... Точно, он вовсе не старается привести Сварога в непригодное для боя состояние, планы у него покруче: он пришел у б и в а т ь. Значит, кто-то умный просчитал все заранее и понял, что Сварог неизменно полезет на Турнир — и не так уж трудно было это вычислить... Лар, конечно, самые разные раны может залечить себе и другим, но, во-первых, далеко не все, а во-вторых, чтобы излечить себя, он должен быть в сознании.

Значит, пора кончать. Ему отчего-то совершенно не хотелось убивать — здесь, под ясным солнцем, под азартные крики публики, на дурацком состязании за королевский трон... Даже горротца не хотелось. Будь это где-нибудь на обочине грязной, мокрой дороги, под серым, набухшим дождевыми тучами небом...

Но и делать что-то пора. Противник все это время не дает возможности пустить ему «первую кровь». Значит, надо пожестче.

И Сварог стал драться совершенно по-другому — так, словно и он намеревался убить. Он заметил мелькнувшее в злых глазах удивление: противник и, в самом деле, решил, что за него взялись в с е р ь е з. И не должен видеть в этом ничего удивительного: не раз случалось, что на турнире, что на дуэли, когда один из бойцов о с а т а н е т и, не думая абсолютно, что нарушает кодексы, пойдет на крайность...

Так, он поверил. Он стал обороняться так, что ясно уже: всерьез опасается смертельного удара. Подержим его в этом заблуждении еще немного, еще парочка выпадов «на смерть» — те, что он должен знать. Знает, оба отбил, это же классика... Но вряд ли у него за спиной ратагайская школа боя... проверим... нет, и гланских приемов не знает... и каталаунских... Не говоря уж о тех, которым учат на в е р х у... Держи!

Сварог сделал пируэт по всем правилам — и, отбив эфесом вверх эфес чужого меча, с невероятной быстрой крутнув лезвие своего, загнал клинок тому в правую руку чуть повыше локтя, почти на ладонь.

Пальцы горротца моментально разжались, и меч упал в траву. Распорядитель, прямо-таки гопака танцевавший вокруг красного мелового круга, конечно, тут же закричал:

— Бой кончен, господа! Врача!

Ох ты ж, сволочь упрямая! Горротец, присев на корточки, попытался схватить меч левой (на что, согласно кодексу, имел полное право, драться здоровой левой не запрещено, другое дело, чтобы ты это умел, иначе зарежут, как барана) — но кровь плыла из сквозной раны густым потоком, противник побледнел, пошатнулся и по инерции завалился на левый бок, уже не предринимая попытку встать. Только тогда распорядитель выхватил серебряный свисток — позвать лекарей.

И на этот раз схватки продолжались еще достаточно долго, чтобы Сварог успел отдохнуть и как следует восстановить дыхание, — горротец его не измотал, но оказался крепким орешком.

Жаль, что не достать сигарету из воздуха, чтобы не смущать собратьев по Турниру и зрителей. Вообще-то, на приличных турнирах для отдыха участников стоят скамейки, дуэлянтов поят прохладительным — но здесь, очевидно, были свои правила: преодолеть на пути к воожделенному королевскому трону как можно больше трудностей. Вообще-то правильно, если подумать, — не за золотой кубок из королевских рук махаловка идет и не за ленту с плеча прекрасной дамы: уж ради трона изволь выложиться по полной...

Когда в третий раз выкрикнули его номер, он уже уверенно направился в с в о й круг, как и полагалось победителю. Он шел вторым — а в круге уже стоял субъект, которого Сварог сразу узнал и досадливо поморщился: и этот туда же... Это был хозяин трактира «Якорь и осьминог» в одном из портов, где Сварог уже сиживал раза

четыре, — вино там, вопреки ожиданиям, оказалось хорошее, да и тушенные в горшочках «морские гребешки» неплохи — как, впрочем, и многое другое. Как там его? Ах, да, Ласар. Несомненно, потомственный дворянин, иначе не допустили бы на турнир. И чего человеку не сиделось? Самая мирная профессия, две дочки на выданье, сынишка подрастает, процветает заведение, в армии никогда не служил, а вот поди ж ты, сунулся в эту опасную забаву, где можно и жизни лишиться — смотря на кого нарвешься, попадется какой-нибудь бретер-скотина в дурном настроении, наподобие Орка...

Сварог едва не фыркнул в голос — меч Ласар держал, как держат палку, когда хотят прогнать из огорода нахальную соседскую свинью. И таращился на Сварога с несказанной тревогой — ну конечно, ждал, какие прозвучат условия...

Вот уж кого Сварог не хотел обижать, так это веселого толстяка, с которым успел не раз поболтать о том о сем и выслушать кучу неизвестных ему анекдотов, в том числе и весьма пикантных. А потому он сказал спокойно:

— До первой крови.

И мог поклясться, что на лице трактирщика пошли нуло нешуточное облегчение. Заметил краем глаза, что распорядитель тоже готов ухмыльнуться — но в последний момент сделал лицо непроницаемым, как ему по обязанности и полагалось. Звонко выкрикнул:

— Господа, бой!

Ласар, полное впечатление, просто-напросто не знал, что ему делать. Он переступил с ноги на ногу, грозно нахмурил брови в тщетных попытках сделать румяную толстощекую физиономию суворой и грозной.

Неуверенно выбросил меч в сторону Сварога — едва ли не втыкал. Сварог, сохраняя на лице полнейшую серьезность, отбил клинок в сторону, черкнул острием по руке трактирщика повыше запястья. «Рана» получилась смешная: длиной в палец, едва кожу рассадило — но все правила были соблюдены. И распорядитель с явным об-

легчением — быть может, тоже завсегдатай кабачка — за-
кричал:

— Бой кончен, господа! Врача!

Свистеть лекарей, впрочем, не спешил: прекрасно видел, что за «рана» — иная разъяренная кошка, а то и разъяренная дама с острыми ноготками распахает починце. Ласар просто-напросто извлек огромный клетчатый носовой платок, которого хватило бы, чтобы прикрыть три таких раны, посмотрел на Сварога не без благодарности и направился к той арке, в которую уходили — а кого и уносили — побежденные. Неторопливо шагая следом к месту для победителей (которых уже не осталось и двух десятков), Сварог подумал, что у толстяка Ласара были свои резоны рисковать. Чего не сделаешь для повышения репутации заведения? Штука в том, что каждый участник Турнира, и победитель, и проигравший по традиции получали памятный знак, и роскошный — золотой кружок чуть не с блюдце с выгравированной полукругом надписью «Королевский Турнир», мечом и короной. До самой смерти его можно было носить на груди на такой розетке цветов национального флага, а после смерти он оставался потомкам вкупе с прочими регалиями, если имелись, — наглядное доказательство того, что его обладатель однажды дрался за королевскую корону (за подделку полагалось какое-то суровое наказание). (Естественно, из всех оставшихся в живых участников турнира знака такового не получал один-единственный — тот, кому и доставалась корона).

Ручаться можно, что дядюшка Ласар знак носить на груди не будет, а прикрепит над стойкой, начистив до немыслимого блеска. А может быть, и будет — но его изображение поместит на вывеску, переименовав заведение, скажем, в «Меч и корону». И уж болтовни ему хватит на всю оставшуюся жизнь. Кто такой Сварог, он понятия не имел. Сварог подумал: надо будет как-нибудь зайти и представиться, чтобы рассказы стали еще красочнее, — жалко, что ли, для хорошего человека, который в жизни

вино водичкой не разбавлял, а если обсчитывал, то на сущие гроши.

Четвертым противником — подошедшим вторым — оказался лоранец. Что Сварог моментально определил по штанам из черного бархата, расшитым сложным узором из серебряной канители (в каждом королевстве была своя мода в одежде, так что опознать нетрудно).

Интересно, Лавиния его подослала или по собственной инициативе возмечтал в короли? Сварог ждал, упервшись в противника тяжелым взглядом. Тот, хотя и бравый на вид — одни усиши чего стоят, — все же сразу видно, чувствовал себя неуверенно. Полное впечатление, что он прекрасно знал, кто такой Сварог, и отнюдь не пытал восторгом с ним схватиться.

Пауза, с точки зрения правил Турнира, неприлично затянулась. Справа и слева уже звенели клинки. И распорядитель поторопил недовольным тоном:

— Условия, благородный лаур!

Еще секунда — и лоранец выпалил как в воду бросился:

— До невозможности продолжать схватку!

Хотя на лице у него явственно читалось, что он предпочел бы «первую кровь». Точно, подосланный. И страшно, и отказаться нельзя — с Лавинией шутки плохи, терпеть не может, когда ее приказы не выполняются или выполняются скверно...

Первые выпады, лязг скрестившихся клинов — это лоранец заслонился от рубящего удара (которым Сварог просто-напросто хотел проверить, на что годится противник). Тот дрался не так уж плохо, это вам не дядюшка Ласар. Расслабляться не приходилось.

Слева послышался заливистый свисток — призывали лекаря. Ага, там стоял Орк — он и на сей раз наверняка не играл в гуманность и хотел закончить схватку быстрее. Сварог, впрочем, тоже не испытывал ни малейшего желания красоваться перед публикой отточенными пирами и красивыми выпадами. Хотелось, чтобы побыстрее все кончилось, вот и все.

Ему в голову пришла отличная идея. Кто сказал, что этого усача в расшищих серебром портках непременно нужно прорыгать так, чтобы он оказался не в состоянии продолжать бой? Турнирные правила допускают самые разнообразные приемы...

Противник попытался повернуть его лицом к солнцу — ну уж на этот прием не поймаешь, не дети малые... Сварог тщательно все прикинул, качнулся на расставленных ногах вправо-влево (чтобы противник не понял, с какой стороны ждать атаки) — и пустил в ход классическую каталаунскую «мельницу», малоизвестную за пределами Хребта. Каталяунские мастера меча считали ее одним из своих секретов, и, не будь Сварог добрым знакомым принца Элвара, мог в жизни не научиться...

Перед лицом лоранца крутилась блестящая сталь. Одно из достоинств «мельницы» — противник сплошь и рядом не в состоянии угадать, рубящий удар пойдет или колющий и с какой стороны. Порой меч описывает круг, порой свистит над самой макушкой.

Вот оно! Лоранец не выдержал незнакомой манеры атаки, сделал шаг назад. Приободрившись, Сварог наддал. Выиграл еще шаг, еще... Неизвестно, понял ли лоранец, что с ним собираются делать, но по лицу видно: помаленьку теряет бодрость духа и уверенность в себе. А ты не ходи в наш садик...

Сварог напирал и напирал, выписывая клинком затейливые вензеля, иногда делая вид, что хочет выбить меч, но в последний миг меняя направление удара...

И наконец добился своего: вытеснил лоранца за пределы красного мелового круга. Тут же раздался громкий крик распорядителя:

— Бой окончен, господа!

Сварог откровенно ухмыльнулся, опуская меч. «Невозможность продолжать бой» вовсе не означает, что противник непременно должен получить в организм пол-уарда железа. Она наступает еще и тогда, когда один из дуэлянтов вытеснит другого за пределы круга, — воз-

вращаться уже нельзя, бой проигран. Либо достаточно трижды выбить у противника меч в пределах круга. Либо один раз — но так, чтобы меч улетел за пределы круга. В общем, неведомые составители турнирных правил особой жестокостью явно не отличались.

Прямо-таки испепелив Сварога ненавидящим взглядом, лоранец резко отвернулся и зашагал к арке для проигравших. Сварог усмехнулся ему вслед: королевская воля королевской волей, но надо же точно знать, когда рубишь дерево по себе...

И в пятый раз ему выпало идти в круг первым.

Тьфу ты! Доставшийся ему противник был еще моложе того, с которым Сварог дрался первым и отпустил душу на покаяние «малой кровью». Чуть ли не мальчишка, местный, по всему видно, едва усики пробились, на опытного фехтовальщика похож не больше, чем Сварог на кухарку. Царапнуть и отпустить восвояси. Жаль, что нельзя дать еще доброго пинка под пятую точку, чтобы не лез в серьезные игры взрослых мужиков...

— До невозможности продолжать бой!

Услышав такое, Сварог в первый миг даже опешил: настолько это бравое заявление, способное и привести к смерти, не совмешалось с мальчишеской физиономией сопляка. Ах, вот оно что. На плече у него красовался оранжево-синий бант — Цветá Прекрасной Дамы. Ну вот, кое-что проясняется: где-то на трибуне в восторженном ужасе замерла такая же соплюшка, которую юнец возмечтал сделать королевой, — но явно представления не имел, с кем связался. Однако начал кое-что соображать, поджилки наверняка трясутся, меч держит не то чтобы неумело, но и мастера в нем не чувствуется — откуда?

Юнец сделал выпад, во время которого Сварог мог его проткнуть в трех местах. Стало окончательно ясно, с кем на сей раз свел жребий. И что прикажете делать? Выбить меч, вытеснить из круга... и опозорить навсегда перед Прекрасной Соплюшкой. Положеныице...

Сварог не раздумывал долго: плавным неуловимым движением ушел влево и рубанул противника по мышце меж правым плечом и локтем. Получилась не царапина, но и не такая уж глубокая рана — и тем не менее пальцы у сопляка тут же разжались, меч упал в траву, незадачливый дуэлянт зажал рану левой рукой. Сквозь пальцы густо поползла кровь. Распорядитель (наверняка повидавший все на свете, что только связано с дуэлями) закричал:

— Невозможность продолжать бой!

И засвистел в свисток, призывая лекарей. Отчаянный юнец, бледнея на глазах, пошатнулся, со страхом глядя на кровоточащую руку. Опустив меч, Сварог шагнул вперед, чтобы поддержать сопляка, пока не ляпнулся в обморок при виде такого количества своей крови. Однако врачи опередили, шустро подбежали с носилками и понесли раненого прочь (один трусцой бежал рядом и на ходу бинтовал руку).

Сварог усмехнулся вслед. Пожалуй, все обернулось как нельзя лучше для неосмотрительного юнца. Здешние лекари неплохо умеют накладывать швы. Рана совершенно неопасная, примерно через месяц заживет. Зато в глазах своей симпатии сей юноша будет выглядеть полноправным участником серьезного поединка, получившим нешуточную рану, — поспорить можно, руку на перевязи он будет носить даже подольше, чем предпишут врачи, знаем этаких кичливых сопляков, сами такими же были... Интересно, как он ухитрился до Сварога пройти четыре поединка совершенно не поцарапанным? Жалели дурака, должно быть... Даже без «первой крови» обошлось...

Ну вот впереди шестой этап. Поединников осталось четверо — сам Сварог, герцог Орк, высокий лоранец средних лет, вероятнее всего, опытный бретер (такой у него вид) и...

Сварог видел ее лишь уголком глаза — вертеть головой, разглядывая соперников, не полагалось — но и этого хватило, чтобы рассмотреть как следует. Сердце странно защемило.

Она чем-то неуловимо походила на Мару — примерно тех же лет, синеглазая, рыжие волосы подстрижены в точности так же, есть что-то общее в посадке головы, осанке, в том, как держит меч. И правую ногу выставила так же, да вдобавок сапоги на ней излюбленного Марой фасона: светло-коричневые, с узорчатой аппликацией из черной кожи посередине голенища. Не двойник, никоим образом не двойник, просто чем-то неуловимо напоминает и все... Что за амазонка и откуда взялась? Ну мало ли на свете похожих людей...

В бочке оставалось лишь четыре бляшки — и младший герольд запустил туда руку по самое плечо, даже прижался ухом к бочке и громко выкрикнул номер Сварога.

Сварог направился в круг, ощущая странную смесь скучи с любопытством: кто на сей раз? Неплохо бы — Орк...

Нате вам! К нему шагала рыжая. Вошла в круг, остановилась, держа меч перед лицом в положении «подвысь» — и звонко выкрикнула:

— До невозможности продолжать бой!

Вот тут Сварог ощутил нешуточное удивление: еще одна самонадеянная дурочка вроде только что подраненного юнца? Или...

Или неизвестно кем подосланная Белая Лиса, с которой нужно держать ухо востро? А некоторое сходство с Марой ей, насколько могли, придали, чтобы Сварог малость дрогнул душой?

Что же, опасность подкралась с самой неожиданной стороны? Ее клинок взлетел. Ошибиться Сварог не мог — это был один из коронных ударов Мары, правда, он-то знал, как его отбивать, в отличие от многих. И отбил. Сам сделал парочку выпадов, прорвя ее на разный манер.

И очень быстро пришел к выводу, что первоначальные подозрения не подтверждаются. Какая, к черту, Белая Лиса... Конечно, кто-то учил ее владеть мечом (а научить этому удару могла только Мара), но учили недолго, какое

там мастерство... Схватка длилась минуты две, и Сварог уже понял, что столкнулся с крайне слабым противником, вроде того юнца. Никак не походило, что она притворялась неумехой, чтобы потом, в самый неожиданный момент, нанести коварный удар. Она дралась с к e р н о. Сварог уже раз десять мог проткнуть ее насквозь, не говоря уж о легких ранах. Как она только дотянула почти до финала?

Слева послышался свисток — ага, наверняка это Орк разделался со своим противником — другого исхода как-то и ждать не стоит. Ну, а что прикажете делать с э т о й? Заявленные ею условия никак не позволяют отпустить ее с простой царапиной. Но и рубануть ее, как того юнца, рука не поднимается — не будь она так похожа...

Она нападала отчаянно, но все так же неумело, так что Сварог большей частью уклонялся, лишь пару раз отбил клинок. Вот привязалась, как репей к собачьему хвосту... И ведь главное — ни тени испуга или неуверенности в глазах, только какая-то странная отрешенность, как у игрока, поставившего все на последнюю карту: либо придет груда золота, либо придется пускать пулю в лоб. Странноватая девушка, точно...

И все же пора было с ней что-то делать... Олух царя небесного, раньше надо было догадаться!

Вновь засверкала каталаунская «мельница», о которой девчонка, сразу видно, и понятия не имела. Шажок за шажком она поневоле отступала перед мелькающей у самого лица сталью. Кинув быстрый взгляд под ноги, Сварог убедился, что рассчитал все правильно — и, сделав ложный выпад, заставив ее заслонить мечом лицо, защищаясь от неминуемого, казалось, удара в голову, крутанул мечом, подхватил крестовиной эфеса ее эфес, провел прием по всем правилам...

Она охнула от боли, когда удар крестовиной пришелся по запястью — и, как Сварог и рассчитывал, меч рыбкой выскользнул из ее руки, взлетел, вертаясь, сверкая в солнечных лучах, упал за пределами красного мелового круга. Все по правилам. Не придерешься.

И тут же раздался крик распорядителя:

— Невозможность продолжать бой!

Кажется, на лице у него было хорошо скрытое облегчение — распорядители тоже люди...

Девушка взглянула на Сварога как-то странно — то ли с обидой, то ли с тоской. Молча повернулась и преувеличенно бодрой походкой направилась к арке для проигравших. Ну, а Сварог вернулся на прежнее место, где теперь бок о бок стояли только они с Орком. На трибунах воцарилась мертвая тишина. «Ну вот, — подумал Сварог, — присказки кончились, началась сказка, похоже, жутковатенькая. Тут уж пойдет всерьез...»

Его вдруг охватила нешуточная злость — немало счетов накопилось к этому субъекту. Если выпадет второй номер — никакой «первой крови». Впрочем, и Орк, оказавшись вторым, наверняка поступит точно так же — пора этот узел разрубить раз и навсегда...

Младший герольд вновь запустил руку в бочку по самое ухо, на сей раз возился еще дольше: там всего-то оставалось две бляшки. Уцепил одну наконец, бросил на нее беглый взгляд и выкрикнул номер Сварога. Сварог направился в круг, охваченный чем-то вроде охотничьего азарта, перемешанного со злостью: ну вот и сподобились встать лицом к лицу, теперь нужно отрешиться от всего, кроме двух клинков — своего и вражеского...

Орк встал перед ним, отсалютовал мечом по всем правилам и громко сказал:

— До первой крови.

Сварог даже не успел удивиться — раздалась команда распорядителя:

— Господа, бой!

Вот тут уже не было ни одного лишнего движения, ни одного неловкого выпада — сошлись в одинаково. Сварог очень быстро понял по выпадам противника и его отбитым ударам, что Орк, и в самом деле, намерен соблюдать заявленные условия (а как же иначе, турнирные правила строги), — от чего, впрочем, было не легче. При любой

паршивой царапине Сварог проигрывал так же надежно, как если бы получил меч в горло...

Но что интересно, что интересно... С определенного момента ему стало казаться, что герцог не то чтобы поддается, но дерется, честное слово, с некоторой леницой. Ошибиться Сварог никак не мог, и это было не менее странно, чем желание Орка драться всего-то «до первой крови». Так, каталаунская «мельница» для него оказалась полной неожиданностью — как-то так вышло, что Орк всегда обходил стороной Каталаун, его там отчего-то крепко недолюбливают... «Взмах ястребиного крыла»... ну, против этого защиты Орк знает... а если «косой полет»...

Ага! Клинок Сварога насквозь пробил правую руку Орка ниже локтя, герцог выронил меч. Бодрый вопль распорядителя:

— Бой окончен, господа!

И пронзительная трель свистка. Орк отстранил подбежавших лекарей, сказал небрежно:

— Нет необходимости, господа, справлюсь сам... Поздравляю, лорд Сварог.

И направился к арке для проигравших, зажимая рукой рану и, несомненно, произнося для себя нужные лечебные заклинания, — уж для таких-то ран их имелось предостаточно. Сварог смотрел ему вслед чуточку ошеломленно: он готов был поклясться чем угодно, что герцог на мешено пропустил удар, хотя успевал закрыться. А вот это уже нешуточная загадка: этот человек ничего и никогда не делал зря. Значит, с самого начала хотел проиграть. Вот и гадай теперь, что все это означает — а за этим должно что-то стоять, никаких сомнений...

Распорядитель — само почтение — отступил на шаг и низко поклонился:

— Ваше величество, соблаговолите пройти к возвышению... Позвольте пока что ваш меч...

Там, куда он показывал, возвышался уардов на пять довольно изящно сработанный из темного лакированного

дерева помост с фигурными перилами — и такими же была снабжена лесенка. Сварог неторопливо двинулся туда, не испытывая ровным счетом никаких особенных чувств: начинались скучные королевские будни. Обступившие помост герольды, все до одного, трубили в рога и фанфары, почти неслышные за криками повсакавшей на ноги толпы зрителей. Над амфитеатром взлетали, звонко лопаясь, синие и красные огни фейерверка — цветов государственного флага. Где-то слева надрывался оркестр, наигрывавший лихой марш. Одним словом, все было привычно и скучно — за эти годы случались церемонии и в сто раз пышнее, но ничего тут не поделаешь, есть масса обязанностей, которые король должен исполнять...

Он медленно поднялся на помост, где уже стоял Главный Герольд. Положил руки на перила и бездумно смотрел на вопившую толпу новоявленных подданных. Герольд поднял обе руки в пышных фасонных рукавах — и по амфитеатру стала волнами распространяться тишина. Когда воцарилось совершеннейшее молчание, герольд хорошо поставленным голосом закричал:

— Добрые подданные королевства Сегура и Дике! С радостью объявляю городу и миру, всем восьми сторонам света, что у нас отныне есть король! Король Сварог Барг, король королей!

Новые вопли ликования, над амфитеатром взлетели огни фейерверка. Герольд тихо сказал:

— Ваше величество, сейчас господа сановники проводят вас во дворец. Коронация состоится завтра, если вы не возражаете.

— Не возражаю, — сказал Сварог.

Из очередной арки показалась дюжина раззолоченных сановников, шагавших колонной по двое, тут же несли знамена и вексиллумы, надрывались фанфаристы. Одним словом, было шумно и весело — одному Сварогу как-то не особенно. По сути, он всего лишь выполнил докучливую обязанность — не выпустил осиротевшее королевство из-под своей власти.

Глядя на приближавшихся павлинов в приличествующих титулу коронах, бледно улыбнулся: больше половины были его людьми, прибывшими сюда с Харума, — и первый министр, и министр финансов, и еще несколько, расставленные по ключевым точкам в помощь Маре. Свои люди, одним словом.

На почтительном расстоянии от раззолоченного «политбюро» чинно двигалась толпа дворян попроще — все при золотых поясах и дворянских коронах, хотя наряды на иных были определенно дедовские.

Когда он спустился с помоста, неведомо откуда, как и полагается хорошему начальнику тайной полиции, возник советник Айкес, а вокруг Сварога бдительно сомкнулись телохранители — ну что же, необходимая предосторожность, когда у короля хватает врагов, а кольчуги на нем сейчас нет...

Процессия под гром оркестра направилась в сторону королевского дворца, принаршиваясь к шагу Сварога. Сварог думал о своем. Загадку Орка он не надеялся в скором времени разрешить, а вот вторую... Он поманил Айкеса и склонился к его уху:

— Вот что, советник... Нужно срочно выяснить, что это за рыжая девушка, с которой я дрался предпоследней... Та, у которой я выбил меч.

Советник чуть заметно пожал плечами:

— Ваше величество, здесь и не нужно ничего выяснять. Это — Аивика, графиня Оттоне. Заведует... то есть заведовала Кабинетом королевы. Я вам о ней сообщал в донесениях.

— Ах да... — сказал Сварог. — Только я отчего-то полагал, что это пожилая дама с тяжелым взглядом, коли уж она заведует и заграничной разведкой королевства...

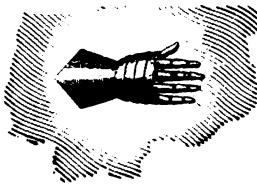
— Нет, так получилось, что королева выбрала именно ее...

— Ну что же, — сказал Сварог. — Устройте мне с ней встречу сегодня же. Через пару часов, я чуточку отдохну...

— Будет исполнено, ваше величество.

Впереди показался королевский дворец, наполовину стоявший в лесах, — Мара так и не успела его отремонтировать полностью. Сварог подумал с горечью: сколько она не успела...

Глава II

СЛОЖНОСТЕЙ ПРИБАВЛЯЕТСЯ

Министр двора перехватил Сварога на полпути к Малому королевскому кабинету — Сварог шагал туда уверенно и быстро, не впервые был в этом дворце. Собственно, «перехватил» — чересчур сильно сказано, министры в отношении своего короля таких действий не предпринимают. Но он стоял посреди дороге с непреклонным и упрямым видом человека, намеренного, кровь из носу, поговорить безотлагательно.

Сварог остановился посреди широкого пустого коридора с восстановленной уже мозаикой — ремонт начинали с королевских покоев. Стояла тишина, кроме них, в коридоре имелся только навытяжку стоявший уардах в десяти ливрейный лакей — точнее, переодетый тихарь (Сварог со своим не столь уж малым королевским стажем уже научился отличать тех от других по какой-то особой подборанности).

Вот сним, как-то так сложилось, Сварог прежде практически не общался. В отличие от многих, кого он в свое время видел во дворец, министр был местный. Поскольку пост был не таким уж важным, чтобы непремен-

но ставить на него своего, надежного человека. Это в больших королевствах министр двора, как правило, персона из влиятельных, а на крохотном Сегуре, где придворных чуть ли не по пальцам пересчитать можно, выполняет главным образом роль главного церемониймейстера и ни на что серьезное не влияет. Когда Мара короновалась, прежний министр двора, столь же дряхлый, как и покойный король, покинул наш мир — вот и назначили, не особенно ломая голову, его главного помощника, вот этого самого. Пока что справлялся, невелика премудрость — присматривать за лакеями и устраивать балы. Придворные интриги тут практически на нуле, из коронованных иностранных особ бывал в гостях один Сварог, так что на этой должности не переутомишься. В конце концов, если Мару он вполне устраивал...

— Итак? — спросил Сварог выжидательно.

Министр, оглянувшись на лакея, понизил голос почти до шепота:

— Ваше величество, я слышал, вы приказали снять печати с двери Малого королевского кабинета...

— По-моему, я имею на это право, хотя и не короновался еще, — сказал Сварог холодно.

— О, разумеется! Но я слышал еще, что вы намерены встретиться с графиней Оттоне...

Сварог вдруг понял, что этот благообразный тип с физиономией честнейшего человека ему не нравится. Категорически не нравится, и все тут. Причем причины понять трудно. Не интриган — потому что тут нет настырь и х при дворных интриг, в шпионстве не замечен, в тайных пороках тоже, по причине скучности сегурской казны (еще не успевшей прирасти доходами от Дике), казнокрадствует так микроскопически, что его коллеги из крупных королевств умерли бы со смеху. Послужной список безупречный, ни в чем предосудительном не замечен — а вот подожди ты, не нравится отчего-то...

— Намерен, — сказал Сварог. — Уже через квадранс. А что, и в этом есть нечто?..

— Ваше величество, как верный слуга престола хотел бы предупредить: этой особы следует опасаться во дворце более, чем кого-либо...

«Ну вот, — подумал Сварог. — Рано радовался. Короноваться еще не успел, а уже интриги начались...»

— И чем же она так опасна? — спросил он небрежно.

Министр двора буквально зашептал:

— Ваше величество, начнем с того, что это лоранская шпионка вкравшаяся в доверие к покойной королеве.

— А доказательства? — спросил Сварог.

— Дворцовая стража так и осталась в моем подчинении при новом царствовании. И продолжала прилежно исполнять свои обязанности. Мои люди три недели назад взяли приплывшего к ней связного из Лорана, он давно признался и выдал шифрованное письмо... Речь идет не более, не менее, о покушении на королеву... покойную королеву и перевороте. Я передал все материалы начальнику тайной полиции, но королеву он ознакомить с ними не успел ввиду известных печальных событий... Вам ничего не стоит их запросить. Кроме того... Вы ведь знаете, что она, заведя Кабинетом королевы, занималась и заграничной разведкой?

— Конечно, — сказал Сварог.

— Королевство у нас маленькое, агентуры на континенте немного... но кое-какое количество есть. Мои люди получили сведения, что с помощью этих агентов графиня наладила устойчивый поток контрабанды — беспошлинные дорогие ткани и кружева, золотая иностранная монета, даже курительная дурь. Мои люди уже вычислили два портовых кабачка, которые служат перевалочными пунктами... не исключено, что есть и другие. Насчет этого тоже собрано достаточно материалов, есть двое арестованных, которые дают показания...

А ведь он не врал... Нравился он Сварогу или нет, но он не врал, все так и обстояло, как он рассказывал...

— Все бумаги по контрабанде я тоже передал советнику Айкесу. Скорее всего, он просто-напросто не успел вас

с ними ознакомить, вы ведь еще не занимались всерьез государственными делами, верно?

— Просто-напросто не успел пока, — сказал Сварог.

— Вот видите... Имеет ли смысл с ней встречаться вообще? Не проще ли арестовать сразу?

«А выглядит так молодо и невинно, — подумал Сварог. — Олицетворение романтичной юности — не будь у нее романтических склонностей, не стала бы устраивать та к о е на Турнире...»

И все же, все же... Министр двора говорил правду, но что-то здесь было не так. Сварог давно привык доверять своей интуиции. Иногда важна не только правда, но и личность того, кто ее приносит. А здесь что-то было не так...

— Мне доложили, она уже во дворце, — сказал министр двора. — Если прикажете, мои люди ее арестуют, прежде чем она доберется до Малого кабинета. Или вам будет угодно поручить это людям советника Айкеса?

— Мне будет угодно все же сначала с ней поговорить, — сказал Сварог непререкаемым тоном. — Вообще-то... Передайте советнику, чтобы прислал в приемную парочку своих людей. Исполняйте.

Министр двора низко поклонился и удалился прямотаки трусцой. Показалось Сварогу или на лице у него и впрямь мелькнуло злобное торжество?

Когда он вошел в приемную Малого кабинета, секретарь уже был на месте — опять-таки из с в о и х, из латранского дворцового ведомства. Небрежно кивнув в ответ на низкий поклон, Сварог сказал:

— Как только появится графиня Оттоне, пригласите ее ко мне.

И, не дожидаясь ответа, прошел в кабинет. На душе стояла прежняя устоявшаяся горечь, не отпускаяшая все время пребывания на Сегуре: в этом кабинете он бывал часто, знал его, как любой из своих, но впервые уселся по т у сторону стола, в кресло Мары, а не в свое обычное.

Изящный стол с золочеными углами, два шкафа для бумаг, секретер с запасом хорошего спиртного, глобус в углу, стилизованный под старинный. Большие стерео-фотографии на стене. На одной — Яна в зеленом охотниччьем костюме и кожаной каталане, у ее ног уткнулся рылом в землю истыканый стрелами, как подушечка для булавок, громадный секач. На другой — он сам, улыбаясь, опершись локтями на вычурные перила, стоит на одной из галерей Латеранского дворца, и на груди у него один-единственный орден, «Звезда Двух Островов» (Сварог машинально подумал, что теперь придется снять и сегурские ордена).

Справа, на огромном ковре, внушительная коллекция мечей и кинжалов, современных, как на подбор (страстью к антикварному оружию Мара как-то не страдала). Слева, в углу — резная дверь, ведущая в небольшую спаленку, с которой связано много приятных воспоминаний. Все на месте, все по-прежнему — вот только Мары нет и никогда уже не будет...

Он сидел, бездумно уставясь в стену. В голову пришла неожиданная мысль: если есть Соседняя Страница, где они с Яной погибли, быть может, найдется и другая, где Странная Компания жива и здорова, потому что все обошлось как-то иначе? Хотелось бы так думать. Однако, даже если и так, это уже не ег о Странная Компания, а т о г о Сварога, и никого из них он, наверное, никогда не увидит... А и увидел бы, что толку?

Бесшумно вошел секретарь, прикрыл за собой дверь и доложил:

— Графиня Оттоне в приемной, — и, значительно понизив голос: — пришли и двое помощников советника Айкеса.

— Вот они пусть пока подождут, — сказал Сварог. — А графиню просите...

Она вошла, уже ничем не похожая на растрепанную амазонку с Турнира — рыжие волосы аккуратно причесаны так, как любила причесываться Мара, вишневое

модное платье, довольно скромное рубиновое ожерелье на шее (плохо у откровенно бедного здешнего дворянства с фамильными драгоценностями).

— Садитесь, графиня, — сказал Сварог. Подумал мимоходом, что под таким легким платьем серьезного оружия спрятать невозможно, это удалось бы только на с т о я щ е й Маре, а не девице, явно стремившейся подражать ее облику. Впрочем, нет пока что никаких оснований для тревоги — не этой соплюшке его в з я т ь. Да и слова, в конце концов, всего лишь слова...

— Ну что же, — сказал Сварог, — поскольку я теперь здешний король, а вы — здешняя придворная дама, пользовавшаяся, насколько мне известно, большим доверием королевы, думаю, нам пора познакомиться поближе? В хорошем смысле слова, понятно. Итак, Айвика, графиня Оттоне... Фрейлина императрицы...

— Бывшая, — сказала она каким-то тусклым голосом, не сводя глаз с мысков своих туфелек. — Королевы ведь больше нет...

— Да, вот тут ничем не могу вам помочь, — сказал Сварог. — З д е с ь я не женат. Впрочем... Фрейлинами моей супруги, хелльстадской королевы, становились и иностранки, — он усмехнулся. — Честно говоря, о д н и иностранки, потому что собственных дворян у меня в Хелльстаде нет. Это я с точки зрения юридического крючкотворства...

Он улыбался, говорил весело, плавно — хотел ее разговорить. Но она так и сидела этакой Снегурочки, как скромная школьница в классе, не поднимая взгляда от туфелек. Что-то не налаживается контакт...

— Остается еще Кабинет королевы, — сказал Сварог. — Королевы больше нет, есть король, но кто сказал, что я собираюсь лишать вас должности?

Она впервые вскинула глаза:

— Вы готовы меня оставить?

— Если вы устраивали Мару, почему вы не должны устраивать меня? — пожал плечами Сварог. — Отзывы

о вас самые благоприятные, — он усмехнулся, — правда, я полагал, что вы — этакая пожилая дама с суровым взглядом строгой учительницы. Как-никак Кабинет императрицы и заграничная разведка...

— Ну а я — вот такая, — сказала Айвика с некоторым вызовом, уже не опуская глаз. — Как-то так получилось, что мы с вами ни разу не встречались, хотя вы бывали здесь часто...

— Отзывы о вас самые благоприятные... — повторил Сварог (имея, в виду, конечно, не министра двора, а Мару). — Работы у вас, конечно, прибавится — теперь у нас еще и Дике... Давайте сразу внесем ясность. Вы очаровательны, но ухаживать за вами я не собираюсь. Правда, есть другая проблема, и, по-моему, серьезная. Кстати, как мне к вам обращаться? По титулу или по имени?

— Как хотите.

— С вашего позволения, по имени, — сказал Сварог. — У вас красивое имя, на континенте редко встречается... Так вот, Айвика, у меня есть давняя и устойчивая привычка: я не люблю, чтобы со мной работали люди, в которых я что-то не понимаю. А в в а с мне кое-что откровенно непонятно. Мне, например, решительно не понятно ваше поведение на Турнире. С мечом вы обращаетесь из рук вон плохо... хотя, как я убедился, королева вам и показала парочку неплохих приемов, это не меняет дела, фехтовальщица вы никудышная. Почему же вы, когда нас свел жребий, выдвинули столь жесткие условия? «До невозможности продолжать бой»? Вы же не могли не знать, что мечом я владею не в пример лучше вас...

Айвика, все так же дерзко глядя ему в глаза, ответила:

— Я такие условия предлагала не только вам. Трои моих противников оказались вторыми, все были сегурцы и предложили « первую кровь » — так что поневоле пришлось их поцарапать. Второй я была у какого-то горротца и герцога Орка. Им я предложила те же самые условия. — Синие глаза потемнели от гнева. — Только они

даже не стали драться. Они попросту выбили у меня меч, как потом вы...

— А что же вы еще хотели? — усмехнулся Сварог. — Не знаю, что там за горротец, но он явно не подонок из тех, кто способен проткнуть мечом едва научившуюся держать его девчонку. Да и Орк... Скажу откровенно, терпеть его не могу, и грязных дел за ним знаю предостаточно, но и он на такое ни за что не пошел бы. Ну, наконец, и я не людоед. Есть одна-единственная женщина, которую я не-пременно убью, если встречу, но это, безусловно, не вы...

— А кто она? — тихо спросила Айвика.

— Да так, — сказал Сварог. — Черная колдунья. Мерзавка первостатейная, такие по земле ходить не должны... Ну так что же? Почему вы та к себя вели? Не могли не понимать, что народ на свете живет разный. Мог попасться и такой, кто без колебаний в с е р ь е з проткнул бы вас мечом, благо все было бы по закону. Тогда? Так себя ведут либо сумасшедшие, либо самоубийцы. Ни одна живая душа о вас не отзыается как о сумасшедшей. Остается... Айвика, — сказал он насколько мог убедительнее, — вы не на допросе в полиции, вы вовсе не обязаны мне отвечать. Можете гордо встать и преспокойно уйти. Слово чести, это не повлечет для вас ровным счетом никаких неприятных последствий... хотя, конечно, оставить вас в прежней должности я не смогу. Ну поймите вы, не могу я работать с людьми, которых не понимаю. Это старая, въевшаяся привычка... На моем месте вы, скорее всего, вели бы себя точно так же.

— Я понимаю, — тихо сказала она.

И с места не сдвинулась.

— Выпьете что-нибудь? — предложил Сварог.

Без особой заминки она ответила:

— Бокал вина, если можно.

— Ну, разумеется, — сказал Сварог. — Присаживайтесь к столу, я помогу переставить кресло. Вот так.

Он уверенно открыл секретер, выбрал из тамошнего великолепия бутылку «Русалочных слез», достал два бо-

кала, пару тарелочек со сладостями. По его глубокому убеждению, ничто так не сближало людей, как посиделки за бутылочкой чего-то доброго.

Айвика, не жеманясь, отпила половину бокала, закусила крохотным марципаном. Как бы то ни было уходить она не собиралась, а это внушало Сварогу определенные надежды.

— Так что же? — мягко спросил Сварог. — Может быть, здесь какие-то личные проблемы? Неудачная любовь? Если так, не буду настаивать, свои личные тайны держите при себе. Но у меня остается устойчивое впечатление, что вы таким образом пытались совершить самоубийство — а вдруг получится? В конце концов, примеры бывали, я читал в одной старой книге о дуэлях...

Айвика допила бокал и спокойно сказала, глядя ему в глаза:

— Угадали. Правда, никакой несчастной любви нет. Но я хотела, чтобы меня убили.

— Почему? — насторожившись, спросил Сварог. — Почему вдруг молодая, очаровательная девушка, занимающая неплохое положение при дворе, вдруг возжелала, чтобы ее убили? Не самое разумное желание, сдается мне...

— Вы можете не поверить...

— Вы были с королевой в достаточно близких отношениях? Пусть и не подруги...

— Пожалуй.

— Она вам что-нибудь рассказывала обо мне?

— Немножко.

— Ага, — сказал Сварог. — И явно не рассказала одной весьма существенной вещи: я безошибочно могу определить, когда мне говорят правду, а когда врут. Так что вопрос «верить-не верить» не стоит совершенно. Понимаете? И поэтому не обижайтесь на пару прямых вопросов. Вы когда-нибудь работали на какую-нибудь иностранную разведку?

— Никогда.

— Вы когда-нибудь занимались контрабандой?

— Никогда.

— Вы были любовницей министра двора?

— Да.

— А вот теперь врете, — сказал Сварог. — Это я вас так проверяю.

Она бледно улыбнулась:

— Я вас тоже...

— Я так и понял, — сказал Сварог.

— Значит, иностранная разведка и контрабанда... — задумчиво произнесла Айвика. — Ну да, это они мне намерены пришить...

— Давайте-ка с самого начала, — сказал Сварог. — Так оно проще и выгоднее.

— Ну, если с начала... Вы ведь знаете, как у нас обстоит с дворянством? Подлинно дворянский образ жизни ведет кучка людей — из тех, что сохранили свои поместья и состояние на Сегуре. А вот подавляющее большинство...

— Прекрасно знаю, — сказал Сварог. — А остальные добывают средства к жизни самыми разными способами, вплоть до тех, что в других королевствах служат уделом самых низших гильдий. Такая уж у вас уникальная страна, все к этому давно привыкли... Настолько, что перестали удивляться и критиковать. Дворяне-трактирщики, дворяне-булочники, даже, я слышал, дворяне-кучеры.

— Вот именно, — столь же бледно улыбнулась Айвика. — Поместья нашей фамилии давно уже на дне морском. Правда, нашему семейству повезло, не пришлось опускаться до булочников и кучеров. В свое время сохранились кое-какие деньги в банке Сегулы, парочка домов... Одним словом, графы Оттоне стали потомственными галантейщиками. Сейчас у нас три галантейных лавки для не самых бедных покупателей. Так что не нищенствуем... правда, и не роскошествуем. Зажиточные галантейщики... Теперь представляете мое будущее, ваше величество? Хозяйка одной из этих лавок и не более того.

Ко мне сваталась парочка женихов, но примерно того же уровня... Уныло, правда?

— Пожалуй, — сказал Сварог.

— И тут на Сегуре появляется новая королева... Я тогда работала приказчицей в одной из отцовских лавок... старшей приказчицей, — иронически добавила она. — С перспективой лет через пять стать управляющей лавкой. Великолепная перспектива, правда? Однажды к нам приехала королева — посмотреть кружева для нового бального платья. Кое-что купила, потом заезжала еще пару раз. Знаете, в ней совсем не было чванства, спеси...

— Знаю, — тихо сказал Сварог, наливая себе еще. И, увидев многозначительный взгляд Айвики, наполнил и ее бокал.

— Мы еще в первый раз разговорились. И во второй. Потом она пригласила меня на бал. Знаете, у нас до сих пор приглашают на королевские балы членов старинных фамилий, чем бы они сейчас ни занимались. Старые традиции, уникальная страна, как вы подметили... Не считите за хвастовство, но у меня в свое время обнаружились способности к торговле — не зря отец сделал главной приказчицей самой большой лавки меня, а не старших сестер или тетушек. И вышло так, что я однажды дала королеве очень дальний совет насчет торговых пошлин — она тогда как раз начала заниматься х о з я й с т в о м. Потом еще парочку. Потом еще, но уже на другую тему — об иностранных шпионах. У меня дядя много лет работал в морской контрразведке и много интересного рассказывал. Наши разведчики хотя и крохотные по сравнению с харумскими, но работать умеют. Одним словом, кончилось все тем, что месяца через три королева мне предложила возглавить ее Кабинет. Его прежний глава был такой же дряхлый, как король, и пережил его буквально на месяц. Мне, конечно, было страшновато — а вдруг завалю дело, — но королевство у нас все же крохотное. Вот... И дело как-то незаметно наладилось, и с заграничной разведкой тоже. Я просто-

напросто позвала на службу кое-кого из дядиных сослуживцев, они очень помогли.

«Ага, — подумал Сварог без всякого раздражения. — Так это наверняка твои люди, красавица, прилежно донесли Маре, что произошло на том маскараде меж мной и Яной. Некому больше. Ну что поделать, служба такая...»

— И вдруг все рухнуло, — сказала Айвика печально. — Королева погибла... ваше величество... Это ведь все вранье — насчет маневров и самолета? Когда королева улетала, она ни словечком не упомянула ни про какие маневры, держалась совершенно иначе — намекнула, что ей предстояло какое-то серьезнейшее дело. Хотя о подробностях словечком не обмолвилась. Я потом проверяла — не было в то время в Каталауне никаких маневров, ни гвардейских, ни других...

«Умница, — подумал Сварог. — История с самолетом была чистейшей воды импровизацией, устроенной в сжатые сроки. И никаких маневров, в самом деле, не было, так, мелкие перемещения войск, отнюдь не гвардейских, вызванных какими-то насущными нуждами».

Он ничего не сказал. Просто пожал плечами и посмотрел на девушку этаким грустно-философским взглядом.

— Я все поняла, ваше величество, — сказала Айвика, уже чувствовавшая себя гораздо свободнее. — Мне этого знать не полагается. Значит, не полагается. Я только хочу верить, что королева погибла достойно — все, что я о ней знаю... Ох, ваше величество...

— Что такое? — спросил Сварог почти грубо.

— У вас лицо стало б о л ь н о е, уж простите на дерзком слове...

Не походи она так на Мару, Сварог бы промолчал. Но вот не выдержал. Наполнил бокалы, осушил свой и сказал медленно:

— Все погибли достойно, Айвика. А я жив только потому, что дурацкого везенья оказалось больше, чем у других...

Дело даже не в том, что она походила на Мару (между прочим, не такое уж и большое сходство), просто было в ней что-то такое... Он сам не мог определить словами.

— Все, — сказал он. — И не будем больше об этом. Продолжим о тебе — тем более, мне кажется, начинается самое интересное... По-моему, ты умница с сильным характером. Это не комплимент. Просто толковому королю положено разбираться в людях. У вас были прекрасные отношения с королевой...

— Я ею восхищалась, если честно. О ней ведь все столько знают...

Сварог сказал:

— И все равно ты не глупенькая сентиментальная девчонка. Именно та к а я рвала бы покончить с собой после смерти королевы. А ты совсем не такая. Должно быть что-то еще. Вряд ли твоя придворная карьера рухнула бы бесповоротно. Умная девушка, занимаешься в том числе и разведкой, должна прекрасно разбираться в ситуации на Таларе. В любом случае, не стань я здешним королем, им непременно стал бы м о й человек. Я ни за что не выпустил бы из-под своего влияния Сегур и Дике. И непременно оставил бы на прежних местах всех, кого ценила... Мара. Неужели не просчитывала такие варианты?

— Сложность совершенно не в этом, — серьезно сказала Айвика. — Какая там карьера... Я не была уверена, что останусь жива. Они меня зажали в угол и в выражениях уже не стеснялись...

— Подробнее, — сказал Сварог.

— Месяц назад мои люди обнаружили контрабанду, идущую через порт Найент.

— Это где?

— Лигах в ста от Сегулы. Самый маленький и тихий из наших портов — подозреваю, поэтому его и выбрали... К тому времени, когда мы это обнаружили, поток контрабанды шел приблизительно полгода. Накрывать его не стали, начали следить... Чтобы в с к р ы ть всю цепочку. И вскрыли. В ы д е р н у л и кое-кого, так, чтобы не возбуж-

дить подозрений у остальных, разговорили, потом взяли еще парочку... Картина получалась такая: контрабанда идет из Ронеро, через Джетарам, на кораблях компании «Бадеш и сыновья». Один из крупных таможенных чинов в Найенте — в доле. А здесь, в Сегуле, всем заправляют помощник бургомистра столицы и главы крупного торгового дома «Тене Дитрич». Сам Дитрич умер лет двадцать назад, компанией владеют два племянника. Именно через лавки и магазины «Тене Дитрич» товар распространяется совершенно легально и имеет большой спрос...

— А что за товар?

— Товар — одна сплошная странность и непонятность. Это насквозь неправильная контрабанда. Так оно просто не должно быть, но ею занимаются со всем усердием очень солидные люди, — она глянула чуть смущенно. — Вообще-то, когда я к вам ехала, нужно было купить образцы, ими ведь свободно торгуют в дюжине городских лавок, но я волновалась... — она показала на тот шкаф для бумаг, что стоял справа. — Вообще-то там лежат и мой доклад королеве, и образцы, но... Левый шкаф — самый обыкновенный для маловажных бумаг, он даже на ключ не запирается. А вот правый... Он только выглядит хрупким, обычным шкафом, а на самом деле это неприступный сейф...

— Кому как... — проворчал Сварог, вставая и направляясь к сейфу, для которого он, можно сказать, был своим человеком — иногда доставал оттуда серьезные бумаги и работал с ними здесь в отсутствие Мары, иногда сам привозил что-то. Тот же принцип, что в его латеранских сейфах: несокрушимое силовое поле, но здесь замок настроен не только на Мару, но и на него.

Он заглянул в круглый глазок — сканер сетчатки глаза, замаскированный под простое украшение, круглый шлифованный сердолик в серебряной оправе, приложил большой палец к нужному месту. Легонько потянул на себя дверцу, и она без труда открылась.

Внутри, на полках, аккуратными рядами стояли картонные футляры, в которых хранятся деловые бумаги.

А на третьей снизу полке, справа, лежала небольшая стопка (три — машинально сосчитал Сварог — каких-то странных диска).

— Посмотрите, Айвика...

Она подошла, взглянула из-за его плеча:

— Ну да, это они. А вон в том футляре — мой доклад.

— Ну, доклад мы оставим на потом, времени, думаю, достаточно...

— Если меня не арестуют раньше, — с вымученной улыбкой сказала Айвика, возвращаясь вслед за ним к столу. — А к тому, боюсь, идет. Сразу за мной в приемную вошли двое субъектов с характерными физиономиями, преспокойно расположились у входа, и секретарь им не задал ни одного вопроса, словно заранее знал, кто они такие...

— Бросьте, — сказал Сварог. — Вас могут арестовать только в том случае, если приказ отдаш я. А я что-то не вижу оснований его отдавать... Давайте посмотрим.

Он взял один диск, взвесил на руке, поковырял ногтем, постучал по нему стилосом. Это определенно был камень, только совершенно незнакомый: разводами напоминал малахит, но цвета был другого: приятного для глаза янтарно-золотистого. Хорошо отшлифованный с обеих сторон диск размером с блюдце и толщиной в полмизинца. На одной стороне довольно искусно выгравирован какой-то красивый замок. На другом — идущий под всеми парусами корабль, на третьем — обнаженная женщина во вполне пристойной позе. Наверху каждого диска просверлено аккуратное отверстие, куда вполне пройдет средних размеров гвоздь.

— Значит, это и есть ваша контрабанда? А что это, собственно такое?

— Настенное украшение, — сказала Айвика. — Видите, дырочка для гвоздика?

Чуть подумав, Сварог взял диск с обнаженной женщиной, подошел к стене и приложил его к обоям из тисненой кожи на уровне глаз. Пожал плечами:

— Я бы сказал, красиво. Сам бы повесил у себя в кабинете...

— Именно этот? — глядя с лукавинкой, спросила Айвика.

— А что? — пожал плечами Сварог, вернувшись к столу. — Никаких непристойностей, скорее же в некоем классическом стиле... Ладно, о прекрасном мы поговорим потом. Значит, именно эти штуки привозят контрабандой, но открыто продают в дюжине лавок, где они пользуются большим спросом... А что с ними не так?

— Цена. — сказала Айвика. — Если учитывать все взятки, расходы в несколько раз превосходят выручку. Знаете, я в отцовской лавке не за прилавком стояла — четыре года возилась с торговыми книгами. Многое изучила: что такая себестоимость, окупаемость, накладные расходы, торговые надбавки с учетом пошлин для иностранных товаров... И еще многое. Кто же знал, что судьба так резко повернется, отец увидел у меня способности и хотел сделать толковую управляющую... Точных расчетов пока сделать не удалось, только приблизительные, но и по ним выходит: затраты на контрабандную доставку и оформление фальшивых бумаг примерно впятеро превосходят выручку. Это странно?

— Это очень странно, — серьезно сказал Сварог. — Что-то я не припомню купцов, торговавших бы таким манером... И почем их продают?

— А вы разбираетесь в ценах на всякие мелочи? Короли обычно никогда ни за что не платят, за них это всегда делает казначай.

— Ну, я не всегда был королем, — сказал Сварог. — Было время, жил в Равене самым обычным человеком, так что за все платил сам (он не стал рассказывать, как они с Яной переодетыми путешествовали по Талару и за все опять-таки платил он, к чему лишние да и чисто личные подробности?) Лучше всего я разбираюсь в ронерских деньгах и ценах, именно там бывал чаще всего...

— Цена везде неизменная — один серебряный сестерций.

Что ж, было чему удивиться, было в чем узреть странное... Сварог быстренько припомнил то, с чем, что греха таить, сталкивался чаще всего: цены в кабаках, тавернах и тому подобных заведениях.

— Не знаю, как на Сегуре, — сказал он. — Но в Равене один серебряный сестерций, монетка, в общем, мелкая — это кувшин не самого лучшего пива, пусть не в низкопробном, но дешевом кабаке для народа попроще...

— У нас примерно так же, — она улыбнулась. — Я не хожу по кабакам, но расспросила своих сыщиков. Они тоже в первую очередь сопоставили цену с ценой на пиво... Пресловутая мужская логика, надо полагать, везде одинакова...

Сварог внимательно рассматривал диск — тот, что с кораблем. Отличная шлифовка, довольно искусная гравировка — ручная работа, естественно, на Таларе пока что нет механизмов, способных производить такие вот штуки машинным способом на конвейере.

— Я, конечно, плохо разбираюсь в искусстве, — сказал он. — Но мне одно время пришлось жить в одном интересном местечке, где обитает самый разный творческий народ. Кое-чего насмотрелся и наслушался... Такое впечатление, что за работу хороший мастер возьмет даже побольше сестерция...

— Вот именно, — сказала Айвика. — У нас есть камнерезных дел мастера, немного, но есть. Я с двумя говорила. Они были в недоумении. И порознь сказали одно: и тот, и другой за такую работу взял бы не меньше четырех-пяти серебряных сестерциев. А если довелось бы продавать, продавали бы не меньше чем по десять.

— Значит, вот такие филантропы эти ваши племянники Дитрич, — сквозь зубы сказал Сварог. — Продают товар в несколько раз дешевле, чем он им обошелся. Да вдобавок ввозят его контрабандой. Кстати, а на легальный ввоз таких штук есть какие-нибудь запреты?

— Никаких, — сказала Айвика. — Обыкновенное дешевое украшение. И ввозная пошлина была бы небольшая. Но они почему-то действуют именно так: ввозят контрабандой, платят большие взятки и таможенникам, и тем, кто им подделывает бумаги, согласно которым товар происходит из одного из Вольных Маноров. Я даже с дядей советовалась. Он лет десять как на пенсии, ему уже далеко за семьдесят, но ясность ума сохранил. А уж о контрабанде знает решительно все. Он в совершеннейшем недоумении. Такой контрабанды, себе в убыток, просто не должно быть. Контрабанда испокон веков служит для того, чтобы получить прибыль. И речь не обязательно о чем-то запрещенном законом вроде курительной дури: самые что ни на есть законные товары ввозят контрабандой, чтобы избежать уплаты пошлин...

— Лично у меня пока что одно-единственное объяснение, — сказал Сварог. — Вместе с этими безобидными штуками ввозят что-то гораздо менее безобидное. Ту же дурь.

— Дядя сначала сказал то же самое. А потом подумал и заверил, что на это никак не похоже. Когда что-то весьма небезобидное прячут среди безобидного, безобидное всегда ввозят открыто. А здесь контрабандой ввозят однозначно безобидное. Не знаю, как было раньше, но за последний месяц, когда мы этим занялись, нашли возможность тайком проверять содержимое ящиков. Их из порта, не вскрывая, везут прямо на склад Дитричей — вот мы и подцепили человечка, одного из тех, кто ящики вскрывает как раз на складе. Он клянется и божится: всегда были только эти каменные штуки и ничего другого... Потом выправляют бумаги, по которым камни прибыли из Вольных Маноров, выставляют в продажу вполне открыто.

— И еще одного я не пойму, — сказал Сварог. — Что им мешает заранее выправить фальшивые бумаги и ввозить товар открыто? Так было бы гораздо дешевле, чем платить таможенникам гораздо больше обычной мелкой мзды...

— У меня тоже никто не понимает, — призналась Айвика. — Фантасмагория какая-то...

— Вот такие фантасмагории мне страшно не нравятся, — сквозь зубы сказал Сварог. — Потому что за ними сплошь и рядом скрывается такое, отчего у многих прибавляется седых волос, а то и трупы случаются — из тех, что кончают с собой семнадцатью ударами ножа... Ну ладно. Гадать тут бессмысленно, нужна глубокая разработка. Кстати, что это за камень?

Айвика пожала плечами:

— Наши камнерезы такого не знают... Правда, честно признаются, что не знают в с е г о на свете...

— Ну ладно, — сказал Сварог. — С камнями и племянниками закончили. Теперь давайте о вас. Как получилось, что вы всерьез ждете ареста?

— О н и как-то узнали, — сказала Айвика, — о нашей работе во всех деталях. Объяснение одно: кто-то из моей службы предал: подкупили, запугали, еще что-то... За три дня до отъезда королевы я решила передать ей дело и образцы, чтобы она дала санкцию взяться за всю цепочку. Поручила своим людям привести в порядок все бумаги, оформить, как полагается, упаковать камни... На другой же день меня пригласил на обед тот самый помощник бургомистра. И меж переменами блюд спокойно, даже весело открыл карты. Сказал: они все знают о моем расследовании. И привел такие подробности, что сомнений не осталось: знают. Все. Потом предложил забыть о расследовании и передать ему все бумаги. Камни отдавать не обязательно: сами по себе они не улика. За это он мне обещал тридцать тысяч ауреев золотом.

Сварог покачал головой:

— Ничего себе взяточка... Лишний раз убеждает: здесь что-то крайне серьезное... Если по правде: колебаний не было — взять, не взять?

Айвика надменно вздернула подбородок:

— Ни малейших. (Не врет, отметил Сварог). Я просто-напросто сказала, что подумаю до вечера, а сама, едва

закончили обед, отнесла все королеве. Она очень заинтересовалась, сказала, что непременно этим займется, но — чуть погодя. Что сейчас у нее на плечах крайне серьезное дело, важнее которого в данный момент ничего нет. Ну, а потом она улетела... и уже не вернулась. Настало б е з р е м е н ь е. Вечером того дня, когда мы получили «Гвардейский вестник», ко мне приехал помощник бургомистра и стал выспрашивать, где бумаги. Я сказала, что не знаю, что королева, скорее всего, отправила их вам. Простите, что я вас впутала, но вы им явно не по зубам...

— Да уж, надо полагать, — сказал Сварог с недоброй улыбкой.

— Он сказал, что я вру. Что бумаги где-то во дворце. Потребовал, чтобы я сказала, где. Уж не в том самом ли несокрушимом сейфе королевы, о котором ходит столько рассказней? Я твердила, что не знаю. Он настаивал...

«Интересно, на что этот урод рассчитывал? — подумал Сварог. — Силовое поле ему никак не по зубам. Впрочем... Есть другой метод. Уязвимое место сейфа в том, что силовое поле не весит н и ч е г о. Так что о с о б ы й шкаф по весу не превосходит обыкновенные. В конце концов, чтобы избавиться от компромата не обязательно нейтрализовать поле. Имея в сообщниках министра двора, не особенно и трудно под благовидным предлогом просто-напросто у н е с т и шкаф из дворца. Вывезти на корабле подальше в море и утопить где-нибудь на глубине. Поди поищи потом... Люди советника Айкеса могли и не уследить — против них тоже можно придумать какой-нибудь хитрый финт...»

— В конце концов, он дал на размышление сутки. И сказал, что выбор у меня невелик. Либо я все же беру те тридцать тысяч и обо всем забываю, либо ваша тайная полиция получит документы, копии которых он мне любезно оставляет для подробного ознакомления. Выложил стопку бумаг, вежливо раскланялся и ушел, — она прямотаки вспыхнула от злости. — Что там было понаписано! Что я связалась с лоранцами и участвую в готовящемся

покушении на жизнь королевы. Что есть даже захваченный лоранский шпион, который плыл ко мне связным с шифрованной депешей, где подробно изложен весь план, и тут же расшифровка депеши, показания шпиона... Что я как раз, пользуясь своими возможностями и близостью к королеве, и организовала в двух портах ввоз контрабанды с большим размахом — от дорогих тканей до курительной дури. И снова — протоколы допросов сообщников, описание выстроенной мной цепочки... Честью клянусь, ничего подобного в жизни не было!

— Успокойтесь, я же вижу, что вы не врете, — сказал Сварог ободряюще. — Давайте еще по бокальчику ради успокоения расстроенных нервов...

— В общем, я оказалась в безвыходном положении. Кто станет новым королем — решительно неизвестно. Пусть даже это будет ваш человек — бумаги составлены крайне убедительно, этот мерзавец заверил, что люди, давшие нужные показания, и в самом деле существуют, сидят под замком... Убивать меня они не будут, сказал он с обаятельной улыбкой. Исключительно потому, что им нужно знать, где бумаги. Но если я и через сутки не расскажу, они найдут способ это из меня выбить. Он так и сказал: есть весьма надежные виды пыток, не оставляющие следов. Такие, что люди покрепче меня ломались. Ну, а потом мной займется ваша тайная полиция — и у меня в свое оправдание не будет ровным счетом ничего, — она потупилась. — Честно скажу, ваше величество: пыток я бы не выдержала... Когда начался Турнир, отведенные мне сутки еще не истекли, и я решила — уж лучше так... Удар мечом — и все кончится...

— Хорошего же вы мнения о моей тайной полиции, — усмехнулся Сварог.

— Ни хорошего и не плохого, — пожала плечами Айвика. — Просто... Эти гнусные бумаги были составлены чертовски убедительно, и я верю, что у них есть «свидетели» и «улики».

— Пожалуй, — задумчиво сказал Сварог. — От людей, которые, не моргнув глазом, предлагают взятку в тридцать тысяч золотом, этого можно ожидать...

— Вот видите. Помохи и поддержки ждать было не откуда...

— Почему вы не обратились к советнику Айкесу?

Чуть помявшись, Айвика призналась:

— Мы с ним в очень плохих отношениях. Долго рассказывать, отчего так получилось. Он мог и не поверить...

«А ведь мог, — подумал Сварог. — Школа Интагара — суровая школа. Конечно, в конце концов, может, и разобрались бы: когда я вскрыл бы сейф Мары, стал изучать ее бумаги, наткнулся на это дело, заинтересовался... Однако...»

Знал он свою тайную полицию. И ее методы — к которым относился грустно-философски — да, им можно ужасаться, но без них порой не обойтись. Чего доброго, пока он добрался бы до бумаг, девчонка могла сознаться решительно во всем и уж в любом случае пережить массу не самых приятных вещей...

Вообще-то интересная ситуация: она не врет, что не совершила ничего из того, в чем ее обвиняют. Но и министр двора не врет, что его люди взяли лоранского шпиона с шифрованной депешей, что есть два «сообщника» Айвики по контрабандным делам, которые уже арестованы и дали показания.

А впрочем, ничего удивительного в этом нет — достаточно вспомнить историю с зеркалом, превратившим его в собаку. Молодой полицейский, которого тогда к нему подвели, искренне верил во все, что ему навешали на уши. Точно так же и министра двора могли сыграть в т е м н у ю: «лоранского шпиона» ему вульгарно подставили, а о двух арестованных «контрабандистах» и свершениях Айвики в этом предосудительном ремесле министру сказал кто-то, кому он вполне доверяет... В конце концов, по данным Айкеса, министр двора — просто-напросто услужливый дурак. Тот самый, который иногда опаснее врага...

Он поднял глаза. Айвика смотрела на него с тревогой и надеждой, и неизвестно, чего в ее беспомощном взгляде было больше...

Ничего, план действий уже сложился...

— Успокойтесь, — сказал он властно. — Это приказ. Ваши неприятности кончились, даю слово короля. Итак, какова у нас обстановка... Коронация состоится завтра, и торжества продлятся лишь до вечера, верно?

— Ну, разве что будет еще ночной фейерверк... Торжества у нас бедноватые, под стать стране...

— Значит, перед вами стоит совсем несложная задача: дожить до завтрашнего вечера, точнее, до конца фейерверка. Потом я улечу в Латерану... и заберу вас с собой. Заинтересованные лица — ну, вы понимаете, о ком я — будут думать, что вас все же арестовали. Ну, а мои люди постараются кого следует в этом убедить — они это умеют... Одновременно среди заинтересованных лиц будетпущен слух, что мне так и не удалось открыть сейф королевы, что этого никто не может сделать, кроме нее. Так что противники наши, торговцы со странными привычками, ручаться можно, чуточку расслабляются и успокаются. А тем временем сюда без лишнего шума нагрянет целая орава отличных сыщиков, которые займутся уже всей цепочкой, — ну, а попутно будем выяснять, откуда и с чьей помощью эти камешки попадают в Джетарам... Извините, я вас на минутку оставлю.

Он вышел в приемную, кивнул торопливо вскочившим сыщикам:

— Можете идти, работы не предвидится. Найдите Баруту, пусть срочно явится ко мне, — и, когда за ними бесшумно закрылась дверь, повернулся к секретарю: — Свяжитесь с девятым столом, пусть дежурный немедленно пришлет сюда брагант с курьером, мне нужно туда кое-что переправить... Вооруженная охрана не нужна... впрочем, пусть курьер и пилот на всякий случай возьмут боевые браганты. И сами прихватят оружие.

Лучше пересолить, чем недосолить... Не позднее чем через полчаса камни будут на в е р х у — и, когда Сварог вернется после коронации, будет точно знать одно: что это за камешки, откуда они. Уже что-то...

Когда он вернулся в кабинет, Айвика так и подалась навстречу:

— Ваше величество, но как мне выжить? Сутки истекли...

— Ну, это совсем просто, — усмехнулся Сварог. — Считайте, что вы под домашним арестом. Здесь, в этом кабинете. Шагу отсюда не сделаете до окончания завтрашних торжеств. Что до житейских удобств — за той дверью... ах, вы знаете? Совсем хорошо. В приемной все это время будет дежурить даже не тайная полиция — моя личная охрана. Конкретнее, ратагайцы. Вы о них наверняка кое-что слышали... Очень убедительные ребята, с ними сам черт не страшен. Ну, а скрупулезности ради, вызову во дворец десятка два моряков с одного из моих кораблей — их немало в порту. Так, о чем я не подумал? — Он подошел к окну, выглянул во двор: — Второй этаж, высоко... Ладно, все равно поставлю под окнами тех же моряков. Кажется, обо всем подумал... Ну, улыбнитесь, Айвика, здесь вам никто не страшен...

Она все же улыбнулась, но улыбка была, скорее, бесконечно усталой, чем радостной. Ну что же, Сварог ее понимал...

...Сварог стоял, совершенно голый, возле рыжего ратагайского жеребца, держа его под уздцы — уздечка была связана из калчуга, аркана из конского волоса, а конь — не подкован. Ни с ним, ни при коне не было и самого крохотного предмета,нского происхождения. Пришлось, послушав шамана, снять даже нательный крест. Сварогу это было как-то не по душе, но он вспомнил: в родной Сибири в былье времена крещеные люди, отправляясь к тунгусским шаманам, всегда снимали крест. Так уж полагалось. Считалось, грех небольшой, Бог простит...

Семел стоял в зените, заливая золотистым сиянием дикую степь, поросшую высокой травой и кое-где — кустами дикой розы, скорее уж алого шиповника.

Перед ним дымили восемь костров, на приличном расстоянии друг от друга, вытянутые в две шеренги. Шаман приближался к нему от самого дальнего, приплясывая и подпрыгивая, так что звякали и брякали многочисленные висюльки, литые из бронзы и костяные, покрывавшие его меховую одежду сверху донизу. Он громко бормотал что-то непонятное, подбрасывая в очередной костер пригоршню какого-то порошка из мешочка на поясе, отчего пламя высоко взметывалось с треском, разбрасывая багровые и синие искры.

Сначала он хотел пуститься в эту сказку в том же месте, что и Яна с друзьями — лигах в стак полunoчи от Равены. Однако отправляться одному в такое путешествие никак не годилось, он решил взять с собой Баруту с парочкой ратагайцев. Естественно, пришлось сначала рассказать, в чем дело, чтобы степняки не решили, будто государь тронулся умом. К его удивлению, Барута не удивился. Абсолютно. Он сказал, что в Ратагайской Пуште эта церемония, именуемая отчего-то «полет слепого ястреба», известна с незапамятных времен и еще осталось не так уж мало шаманов, умеющих промочь (хотя и не так много, как в былые времена, когда люди по всему миру жили просто, без всяких этих железных придумок, пыхающих огнем, дымящих и коптящих, летающих по воздуху и продевывающих еще многое, чего прежде никто и не знал). Он сказал с откровенной горечью, что эти придумки понемногу губят разные старые уменья, и те потихоньку истаивают, как кусок сахара в чае. Сварог тут же вспомнил жалобы Грельфи на технический прогресс, убивающий многое из прежнего. Барута, собственно говоря, выражал ту же мысль, только другими словами. Ну что же, давным-давно известно, что в техническом прогрессе имеются не одни лишь светлые стороны...

Шаман, двоюродный дедушка Баруты, сказал ему честно: он сделает все, что может и умеет (а умением этим он овладел в совершенстве), но это еще не значит, что все получится. Не у каждого получается. Зато это совершенно безопасно: даже если получится, с человеком не случится ничего плохого, он благополучно вернется, потому что имеет дело с Матушкой-Землей, никогда не причиняющей вреда тем, кого допускает на свои т р о п к и. Тут же вспомнив гланскую церемонию, Сварог решил, что потом со стариком обязательно стоит обстоятельно побеседовать — он явно знает многое из того, что в других местах давно забыли. Даже Грельфи и те гланские колдуны честно признались: очень мало знают о том, что касается ж и з н и Матушки-Земли — некому было учить, почти не осталось владеющих знаниями...

Ближайший костер справа высоко брызнул багровыми и синими искрами, высоко взметнулось пламя, рыжий чуточку забеспокоился, приплясывая на месте — но в панику не впадал, и Сварог легко его успокоил. Неподалеку всхрапнули и затопотали кони Баруты и трех его спутников.

Что-то гортанно выкрикнув, шаман махнул рукой так многозначительно, что в словах не было нужды. Сварог взлетел на коня и ударил его голыми ногами по теплым бокам. Рыжий взял с места крупной рысью, ускоряя бег, переходя едва ли не на галоп. Пока он несся меж высокими кострами, Сварог, следуя наставлениям шамана, его чуточку осаживал — но, когда костры остались позади, согласно тем же наставлениям, ударил пятками по бокам, прикрикнул. Рыжий понесся галопом по обширной равнине, где, пожалуй, тысячи лет люди ничего не строили и не появлялись с теми самыми пр и д у м к а м и. Справа и слева взлетали вырванные копытами высокая трава и кусты шиповника.

Это пришло внезапно, Сварог, хотя и ждал чего-то подобного, так и не смог уловить момент, когда все началось.

Что-то вроде теплого урагана пронизало его тело на сквозь, как порыв ветра проносится сквозь развесанную для просушки рыбачью сеть. Сварог на миг растворился в чем-то, чemu, он отчего-то знал точно, названия на было изначально.

Сначала все походило на то, что он уже испытал в Глане: то ли растворился в чем-то необозримом, то ли вся Вселенная заполнила его, замелькали картины и образы, пейзажи и звери, огонь и тьма, он несся то над океанской гладью, то в полуопрозрачных облаках...

Потом началось нечто, прежде не испытанное. Рыжий по собственному хотению замедлил бег, хотя Сварог и не пытался его придержать, перешел с галопа на крупную рысь, с нее почти на шаг. Вокруг лежал золотистый свет, точно такой же, что заливал степь, когда он пустился меж кострами, но травы под ногами коня не было вовсе, он ехал через густой лес, вот только деревья, незнакомые и какие-то странные, казались сотканными из переплетений блекло-зеленого и блекло-алого дыма, форму они не меняли, но дым струился, неспешно колыхался, завиваясь в сложные переплетения, не выходя за некие границы.

Сварог совершенно ничего не понимал, он просто отпустил поводья, предоставив коню самому выбирать путь, смотрел по сторонам. Он сам не мог объяснить, как это происходит, но все сильнее чувствовал приступы тягостной тревоги — они не у него в сознании возникали, а словно бы невидимыми потоками струились по окружающему странному лесу, то и дело касаясь Сварога, — он их не видел, но чувствовал. И всякий раз сердце замирало в той самой непонятной, тягостной тревоге.

Внезапно он оказался на обширной прогалине — и посреди нее, спиной к нему стоял всадник. Копыта рыжего стучали в точности так, как они стучали на о б ы ч н о й равнине, но всадник не повернулся на их стук, даже не пошевелился. По-прежнему сидел в седле незнакомого фасона с высокой задней лукой, закинув голову, глядя в небо.

Оказавшись ближе, Сварог увидел и саблю на боку, и отороченный каким-то пятнистым, желтым с черным мехом кафтан — тоже незнакомого фасона, высокую шапку с той же меховой оторочкой. Он решительно не знал, что делать — не получал от шамана никаких инструкций касаемо встречи с такими вот всадниками, вообще с кем бы то ни было, что людьми, что зверями. Значит, решать предстояло исключительно самому. И он не сделал ни ч е г о — не взял уздечку, предоставив коню шагать прямо к загадочному всаднику. Если магические умения Сварога не потеряли силы и здесь (г д е?!), от незнакомца не веяло магией вовсе — ни черной, ни той, что годится для человеческой пользы.

Он был уже в нескольких шагах — всадник все так же неотрывно смотрел в небо. Поначалу он показался Сварогу статуей, призраком, пусть и выглядевшим вполне плотски, — нет, пошевелился, словно бы тяжко вздохнул...

В з д о х н у л а. Когда кони встали голова к голове, Сварог разглядел, что это девушка, темноглазая и светловолосая. Волосы подстрижены довольно коротко, едва касаются плеч — что совершенно не в ратагайских традициях, у них носят косы (заплетенные и уложенные по-разному у незамужних, замужних, вдов, тех кто к старости замужем никогда не был). Ну что же, облик она лишь п о х о д и л а на жительницу Ратагайской Пушты, но все было совсем другое: одежда, конская сбруя, седло, сабля. С ее шапки свисали короткие цепочки с какими-то затейливыми подвесками — опять-таки у ратагайцев ничего подобного не водилось. Красивая. И совсем молодая.

— Здравствуй, — чуть подумав, сказал он.

Если только она не глухая, должна была слышать, как он подъехал и остановился рядом. Теперь уже совершенно ясно, что это не призрак, что они пребывают в одном пространстве: от ее высокого гнедого коня остро пахнет потом так, словно он проскакал не одну лигу.

Прошло с полминуты, прежде чем она все же повернула к нему очаровательное лицо, не выражавшее никаких особенных эмоций, и довольно равнодушно ответила:

— Здравствуй.

Похоже, то, что Сварог был абсолютно голым, ее не смущило и не удивило — как будто она каждый день видела такого вот, разъезжавших по здешним местам. Совершенно спокойное лицо — и главное, на нем ни тени вражды. Впрочем, и дружеского расположения не видно. Полное впечатление, что девушка почти отрешена от всего окружающего.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она с прорезавшейся наконец ноткой интереса. — И почему ты голый? Ты Странник?

Чуть подумав, Сварог решил сказать чистую правду:

— Я просто не знаю, кто такие Странники. Может, я он и есть, а может, и нет. Честное слово, не знаю.

Она сделала непонятную гримаску, больше всего похожую на реплику: «Попадется же такое чудо морское!». А вот любопытства в красивых карих глазах определенно прибавилось.

«Женщины, — философски подумал Сварог. — Любопытство, выходит, присуще даже таким вот странным всадницам, встретившимся на неведомых тропинках».

— Во всяком случае, ты не опасен, — произнесла она задумчиво. — От тебя ничем таким не веет...

Ее скрещенные руки в тонких кожаных перчатках с расшитыми золотом раструбами лежали на луке седла — но Сварог, решивши, что здесь особой доверчивостью маяться не следует, на всякий случай прикинул, как выбьет оружие, если ей вдруг вздумается выхватить саблю. Неизвестно, кто она такая и что ей нужно от жизни...

— Как тебя зовут? — спросил он.

Она вскинула длинные ресницы — как показалось Сварогу, чуточку удивленно, словно он был обязан ее знать.

— Меня зовут Бади Магадаль (положительно, и в голосе прозвучало легкое удивление). Я не боюсь называть имя, потому что злой магией от тебя не веет...

— Ну, в таком случае я тоже, — сказал он. — Меня зовут Сварог Барг.

— Странное имя...

Сварог решился:

— Ты знаешь, мне твое имя тоже кажется чуточку странным. В жизни подобного не слышал.

— А что тут удивительного? — пожала она плечами. — Ты откуда?

Сварог, решив чрезмерно не обобщать, ответил:

— Из Ратагайской Пушты.

— А, знаю... Я и там бывала.

— А ты?

— Из Антупая, — сказала она с определенно грустной улыбкой.

— В жизни о таком месте не слышал, — сказал Сварог. — Это где?

Ясно было одно: она не с Талара и не с Сильваны — совершенно другая одежда и конская сбруя.

Девушка улыбнулась очень уж печально:

— Если бы я знала, меня бы здесь не было...

— Как так?

— Долго объяснять, — сказала она. — Ты, случайно, не можешь мне помочь попасть домой?

— Совершенно не представляю, как это сделать, — честно признался Сварог.

— Всегда одно и то же... — грустно сказала она. — Я надеюсь, ты не будешь предлагать мне любовь?

— Да как-то не было у меня таких мыслей, — сказал Сварог.

— Это хорошо. Некоторые предлагают. И бывают очень навязчивы... — она словно бы мимолетно коснулась рукояти сабли и убрала руку на прежнее место. — Глянула в небо и словно бы передернулась, увидев нечто омерзительное, или прикоснулась к такому: — Да, все сильнее...

Сварог тоже посмотрел в небо, но не увидел там ровным счетом ничего особенного или нового: Семел в зените, россыпь звезд...

— Что там? — спросил он недоуменно. — Ничего вроде бы необычного — небо, Семел, звезды...

— Значит, у тебя нет другого зрения, — констатировала Бади словно бы с легоньким превосходством. — Пожалуй, ты и правда не Странник...

Только теперь Сварог понял, что она имеет в виду. И пустил в ход другое зрение, пусть и именовавшееся у ларов иначе.

Действительно, зрелище... Это напоминало виденный им однажды метеорный дождь: из точки меж созвездиями Стремени и Золотого Коня беспрерывно вылетали широким пучком словно бы тонкие полосы пронзительно-синего света, неслись к земле, таяли на некотором расстоянии от нее, им на смену вспыхивали новые, и поток был нескончаемым. Чем дольше Сварог смотрел, тем больше крепло странное чувство: почему-то этот ливень непонятного света казался неприятным, даже отвратительным, показалось что стрелы синего света жгут глаза, словно огонь электросварки... Он передернулся и вернул обычное зрение. Небо, звезды, Семел...

— Ага, — сказала Бади. — Значит, все-таки видишь?

— Синие лучи, вылетающие из одной точки?

— Видишь...

— Что это?

— Зло, — сказала Бади. — К вам идет зло.

— Что за зло? — насторожился Сварог.

— Я не умею объяснить, — сказала Бади. — Мы думаем по-разному. Я не умею думать, как ты, пусть это и не всего касается, а ты, я чувствую, далеко не во всем можешь думать так, как я.

— Подожди, — сказал Сварог. — Это что же, мы с тобой мыслим и разговариваем?

Бади усмехнулась:

— Меня всегда потрясала ваша мужская сообразительность. Догадался наконец...

— Но ты же шевелишь губами?

— Конечно, а как же иначе? — пожала плечами Бади с таким видом, словно показала ему язык. — Но откуда же мне знать твою речь, а тебе мою, если я не отсюда?

— Ага, — сказал Сварог. — Значит, я-то по-прежнему в своем мире?

— Конечно. Ну, почти. Ты на Тропе вашей Матушки-Земли, но все равно, в своем мире. — В ее голосе вновь зазвучала неприкрытая грусть: — Не то что я... К вам идет Зло...

Отчего-то Сварог после собственных ощущений склонен был ей верить. И почувствовал нешуточную тревогу, уже не идущую с ее стороны невидимыми потоками, а родившуюся в его собственном сознании: однажды, не так уж и давно, на небе уже появлялось самое натуральное Зло, правда, тогда оно было багряного цвета...

— Знаешь, мне, пожалуй, пора возвращаться, — сказал он решительно. — Если уж объявились новое, непонятное Зло...

— Ты его можешь остановить? — с любопытством спросила Бади.

— Посмотрим, — сквозь зубы сказал Сварог. — Однажды удалось... Мне пора. Прощай.

Он, резко дернув повод, повернул рыжего. И, уже пуская его галопом, услышал удалявшийся голос (да нет, как оказалось, удалявшуюся мысли) Бади:

— Может быть — до свиданья, кто знает...

Обратный путь оказался долгим. Какое-то время он скакал по тому же лесу из клубящегося дыма, но потом рыжий попеременно влетал то в широкие полосы почти непроглядного мрака, то в столь же широкие участки залитой золотистым сиянием степи. Потом несся словно бы через полупрозрачный туман, кишащий мириадами золотистых искорок. И внезапно Сварог увидел впереди двойную полосу догорающих костров. И понял, что вернулся.

Проскакал меж кострами, спрыгнул с коня. Барута и один из его спутников торопливо кинулись к нему с его одеждой. Барута кивнул в сторону:

— Мы тут чай сварили. Путника всегда встречают горячим чаем...

Там, и в самом деле, догорал небольшой костерок, над которым на раскладном походном треножнике висел котелок с крышкой и длинным носиком — консервативные степняки с незапамятных времен использовали его вместо чайника и, даже давным-давно познакомившись с настоящими чайниками, обзаводиться ими не спешили. «А какая разница? — пожал плечами Барута, когда Сварог как-то раз заговорил об этом. — Никакой между ними разницы, так что и дальше стоит держаться прадедовских обычаев...»

У костра сидел шаман и мелкими глоточками прихлебывал горячий чай из крайне напоминавшей пиалу чашки. Увидев подходившего Сварога, он взял другую и, ловко наклонив котелок хворостиной, наполнил ее почти до краев, протянул Сварогу, когда тот сел рядом — он давно уже приобвыкся к степному обычаю сидеть на кошме, подогнув под себя ноги, — крайне напоминавшему среднеазиатский.

Оглянувшись, он увидел, что Барута и его спутники к костру не пошли, остались возле лошадей.

— Молодые еще, чтобы слушать серьезные разговоры, — сказал шаман. — Ну, рассказывай. Только не нужно чересчур подробно: чем больше слов, тем меньше толку... Рассказывай о гла в н о м, если оно было.

Сварог рассказал. Шаман слушал с непроницаемым выражением лица — ну да, профессия обязывала... Отхлебнув чаю, протянул задумчиво:

— Значит, Бади Магадаль все еще ездит по Тропам...

— Кто она такая? — спросил Сварог. — Если это не какая-нибудь ваша тайна...

— Какая там тайна... Бади Магадаль — Заблудившаяся Всадница. Как-то так вышло, что она заблудилась на

Тропах и не может вернуться в свой мир. Почему так, никто не знает. Разные люди говорят по-разному, я за свою жизнь слышал объяснений десять, и ни одно не походило на другое — а значит, истину пока что найти невозможно. От нее ни добра, ни зла — она просто ездит, ищет дорогу в свой мир и никак не находит. С очень давних времен ездит, никто не знает точно, с каких. Во всяком случае, при моем деде она уже ездила....

— А кто она такая?

Шаман пожал худыми плечами:

— Человек с небольшой примесью чего-то еще. Вот на э т о м все сходятся. Иногда ездит по Тропам, иногда объявляется в нашем мире. Никаких примет с ней не связано, ни счастливых, ни несчастливых. Ездит, ищет свой мир... Многим ее жаль. Мне тоже. Но как помочь ей вернуться, никто не знает...

«Действительно, — подумал Сварог. — Жаль девчонку. Коли уж никакой она не демон и не призрак. Черт знает что в нашем мире случается... Но как ее ни жаль, думать сейчас надо совсем не об этом...»

— Что это за синее Зло? — спросил Сварог.

— Не знаю, — сказал шаман. — В мире столько зла, и частенько объявляется новое, какого никто прежде не видел... Я вот сейчас пытаюсь его увидеть — не получается. Интересно, у тебя получится увидеть его з д е с ь?

Сварогу самому стало интересно. Он поднял лицо к небу. И вновь из той же точки ночных небосвода нескончаемым потоком х л и н у л и пронзительно-синие стрелы, совсем немного не достигавшие земли. И вновь ощущалось отвращение — хотя при виде Багряной Звезды, он никогда никаких чувств не испытывал. Что это за новая напасть на нашу голову? Снова придется поднимать на ноги и спецслужбы, и книжников, задействовать старуху Грельфи, на всякий случай перелопачивать вороха старинных книг, рыться в памяти компьютеров... Как же иначе, если к Талару пр е т с я очередное Зло? Как говорится, не было печали, да черти накачали. Вро-

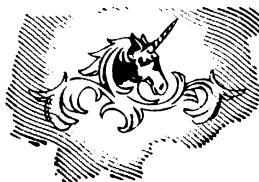

де бы не так уж плохо шли дела, все личные невзгоды были м е л к и м и, с которыми в конце концов можно справиться. А вот Зло Из Космоса — это уже, как учит жизненный опыт, угроза посерьезнее... Ага! Первым делом нужно рассказать Яне — вдруг она со своим Древним Ветром сможет определить, что за подлянку на сей раз устраивает Космос, а то и подсказать, как с этим разделаться. Сам он решительно не мог определить, с чем столкнулся. И шаман тоже, а он в Пуште один из лучших. Что-то н о в о е? Как знать...

Он допил чай, как предписывали степные обычай, выплеснул остатки не на землю, а в костер, решительно поднялся, махнул Баруте. Виману-самолет он оставил в полулиге отсюда.

— Нужно лететь и посоветоваться с людьми, — сказал он.

— Очень правильно, — одобрительно кивнул шаман.

 Глава III

КАМНИ, РУЧЕЙКИ, ДЕВУШКА

Когда вимана-самолет взлетел, Сварог взял со столика три листа бумаги, только что извлеченных из дешифратора. Лететь чуть ли не полчаса, за это время можно изучить материалы и по объемистее...

Заключение департамента геологии канцелярии земных дел. Химический состав представленного для изучения предмета (то бишь каменной тарелочки), твердость, удельный вес... Ярко выраженная икосаэдрическая структура... Сохраняет линии магнитного поля, но сам магнитным полем не обладает, радиоактивность не выходит за пределы природного фона, то есть ничтожна и абсолютно неопасна для человека, в реакцию с большинством химических соединений не вступает, серная и соляная кислоты действуют на него разрушительно... Самый обыкновенный камень. Вот только ни на Таларе, ни на Сильване таких нет — или, точности ради, пока что не обнаружены.

Вторая бумага — от эксперта-искусствоведа (судя по всему, Элкон решил выжать из ситуации все, что только возможно). Камень обладает несомненной ценностью для декоративно-художественных изделий, его нельзя

отнести даже к полудрагоценным, но все равно, красив, изделия будут стоить недешево. По мнению эксперта, камень этот следовало бы использовать для гораздо более сложных и интересных поделок, чем эти, в сущности, вульгарные «тарелочки»: вазы, статуэтки, кубки, скульптуры, наконец, всевозможные маленькие фигурки, которые и взрослые любят поставить куда-нибудь на видное место, и дети охотно с ними играют. Резьба выполнена вручную искусственным мастером.

Сварог, хоть на душе и было с м у р н о, поневоле ухмыльнулся. Знал бы эксперт, н а с к о л ь к о дешево эти изделия продаются, наверняка прокомментировал бы матерно. Но он, понятно, не знает. Экспертам обычно не сообщают л и ш н и х подробностей — не из-за каких-то там соображений секретности, а попросту оттого, что эксперту они не нужны. Эксперт получает для изучения некий предмет или вещества, исследует, представляет заключение, копию оставляет в своих бумагах и, если не потребуется вторичная экспертиза, тут же выбрасывает все из памяти, зачем оно ему?

Третья бумага тоже заставила Сварога ухмыльнуться — она была украшена сложной эмблемой и грифом «Одиннадцатый отдел дворцовой охраны» (с ронерским гербом). Это старуха Грельфи не так давно попросила Сварога именно так поименовать свою контору, придать ей официальный статус и снабдить необходимой канцеляршиной, вплоть до печати. Вероятнее всего, старая колдунья таким образом хотела получить что-то вроде моральной компенсации за то, что большую часть жизни провела гонимой и преследуемой той же Багряной Палатой. Сварог, пожав плечами, вызвал секретаря и поручил оформить все должным образом — сущие пустяки для него и всех прочих, а старушке будет приятно.

Заключение Грельфи оказалось самым коротким. Корявым старушечьим почерком (она была грамотна, но писала с ошибками), нацарапано: «Магии в этой штуке ни больше, чем в старом башмаке. Странностей никаких

нету, даже крохатных». Печать и столь же корявая неразборчивая подпись — понравилось бабуле играть в бюрократию...

Итак... Снова камень, каких нет ни на Таларе, ни на Сильване. Черные камни-компьютеры, точно установлено, происходят с Нериады, так что в качестве рабочей версии не так уж и глупо будет предположить, что и «тарелочки» оттуда. Если так, снова возникают три вопроса, на которые нет и тени ответа. Камни, с какой бы планеты они ни происходили, не обладают способностью самостоятельно отломиться вдруг от своего месторождения и пуститься в путешествие по космосу на другую планету. За все время существования человечества такого за ними не замечено ни разу. Должен был постараться кто-то безусловно *разумный* — особенно если учесть, что «черные», в отличие от «тарелочек» — натуральнейшие компьютеры. И с каждым их обладателем всякий раз предварительно вступал в контакт опять-таки кто-то безусловно разумный. Но Канцлер руку дает на отсечение, что обитатели Нериады, ведущие прямо-таки растительное существование, на подобные кунштюки никак не способны, а следов каких бы то ни было драгоценных обитателей не нашли, хотя в свое время искали долго и самым тщательнейшим образом. Кто-то из Кабинета еще прежнего, так сказать, позапрошлого Канцлера, предположил, что на Нериаде могут обитать эти самые драгоценности, не выказывая себя, и именно они стоят за всеми странностями жизни обычных обитателей Нериады. Искали полгода, пустив в ход абсолютно все, чем располагали спецслужбы для таких случаев, вплоть до емкостных детекторов, способных засечь любого невидимку (кто-то, развивая версию, сказал: а если они научились быть невидимыми?). И не нашли ни следа драгоценных.

Вопрос номер два, не менее головоломный: как камни попадают на Талар? Здесь свои хитрушки. Сварог давно уже знал, что существует находящаяся в ведомстве Кабинета Канцлера и военного министра Сфера — примерно

тысяча станций слежения, охвативших сферой орбиты планет Империи. И около пятисот установок с мощными излучателями. Причина самая прозаическая: даже для Империи при всей ее могуществе представляют угрозу самые что ни на есть вульгарные астероиды, имеется в виду, достаточно крупные, чтобы, в м а з а ш и сь в одну из планет, причинить серьезные (а то и оченъ серьезные) разрушения. Равно как и ядра комет, хотя и не всех. Сфера была обустроена вскоре после Вьюги, за это время установки обнаружили и превратили в пар сотню астероидов — часто они были не такого опасного размера, часто должны были пролететь в стороне от обитаемых планет, но все равно уничтожали все подряд — чтобы не шлялись где попало, нечего им тут делать... Ну, и комет по тем же причинам было расстреляно с полсотни.

Одним словом, давно существовала великолепно отлаженная система, направленная в о в н е. И не было другой, которая вела бы наблюдение за космосом в н у т р и Сфера — поскольку при существовании Сферы это просто бессмысленно, в н у т р и даже самому паршивому метеоритику размером со спичечный коробок взяться просто неоткуда. Однако после того, как узнали о камнях-компьютерах и установили, откуда они происходят, Канцлер, посоветовавшись со Сварогом, вывел в космос на постоянные орбиты две дюжины следящих установок, нацеленных исключительно на Нериаду. Увы, за все это время ни разу не засекли ни одного предмета, летевшего бы с Нериады на Талар. В общем, черные камни безусловно с Нериады, но как они попадают на Талар, никому непонятно.

И наконец, вопрос номер три, быть может, самый важный: зачем? Предположим (хотя никаких подтверждений нет), что на Нериаде все же обитает некто разумный, ухитившийся остаться необнаруженным. Но зачем, какого черта, какого лиха он все это проделывает? Зачем подбрасывает компьютеры случайным людям, от городского бандита до шестилетней девочки? А если окажется, что

«тарелочки» все же с Нериады, вопрос усложнится и станет вовсе уж головоломным: какого лешего непонятным образом забрасывать на Талар самые обычные камни, чтобы здесь их продавали по дешевке, неся несомненные убытки? Впрочем, если предположить существование кого-то разумного и злонамеренного, убытки, несомненно, компенсируются — иначе кто бы из жителей Талара взялся за контрабанду и убыточную торговлю? Айвике предлагали тридцать тысяч золотом — значит, есть откуда взять такие суммы...

Конечно, на Сегуре уже штурмовью. Интагар отправит туда два десятка хороших сыщиков — и у советника Айкеса их десятка два, успевших обрасти кое-какой агентурой. Да и Сварог озрадил резидента восьмого департамента на Сегуре и отправил ему в помощь десяток оперативников, щедро снабженных аппаратурой. И в Ронеро Интагар приказал работать днем и ночью, чтобы выявить гнездо в Джетараме и проследить, куда оттуда ведет цепочка (к чему Сварог опять-таки подключил немалые силы восьмого департамента). Одно плохо — когда-то еще будут результаты... Никто не будет хватать выявленных супостатов сразу, это азбука сыскного дела, за ними долго придется следить. Присутствие снабженных средствами для подслушивания и подсматривания людей Сварога задачу облегчает, но все равно должно пройти время...

И вдобавок эти чертовы синие лучи, лупящие по Талару из космоса. Ну, в конце концов, найдется нужная техника, чтобы и ими заняться вплотную. Неизвестно, сколько времени эта загадочная хрень поглавает Талар, но пока что вроде бы никаких последствий это не вызвало, так что не стоит заранее паниковать и бегать по потолку...

Темнело, вот-вот должны были появиться звезды. Перед тем как сесть, Сварог остановил виману в воздухе уардах в ста над манором, изрядно преобразившимся за недолгое время его отсутствия, а не было его десять дней.

Хотя Яна его и вытаскала, обнаружились какие-то побочные последствия (это все же были не простые змеи, ох, какие не простые...), и он два дня провался у себя в маноре под неотступным присмотром медиков, что-то ему коловших, подключивших кучу хитрой аппаратуры и проделавших уйму загадочных процедур, в суть которых он и не пытался вникать. Потом ему прописали еще пять дней строгого постельного режима (опять-таки с уколами и процедурами раза по четыре в день). Ну, а потом, едва он с превеликим облегчением встал с постели (и чуточку подлечился уже чисто народными средствами, в том числе и привезенной навестившим его принцем Элваром отличной каталаунской настоечкой на кедровых орехах — в Каталауне были большие кедровые леса, чертовски походившие на сибирские), пришлось срочно лететь на Сегур, самому понаблюдать за Турниром...

Летающий остров увеличился в размерах раз в шесть. Кроме прежнего здания девятого стола рядом появилось еще одно, в точности такое же — ну да, Сварог собирался расширять контору, увеличивать штаты. Неподалеку стояло большое двухэтажное здание абсолютно нежилого вида, с плоской крышей, почти сплошь покрытой чащобой замысловатых антенн разнообразного типа — ну да, научно-технический отдел, в котором установили необходимую Канилле аппаратуру из «хозяйства Брашеро» и кое-какую другую, необходимую для намеченных дел. Еще два небольших домика — вот эти определенно жилого вида, наверняка для охраны и тех, кому приходилось работать по ночам. Вот и сейчас на втором этаже «лаборатории» светились два высоких прямоугольных окна — на посадочной площадке, кроме дракара охраны и прекрасно ему знакомого браганта коменданта, стоял еще один брагант — тоже, кажется, знакомый, хотя Сварог и не смог с ходу определить по расцветке, чей он. Одно ясно: кто-то то ли припозднился, то ли собирался работать ночью. И наконец, левее площадки чернел обширный прямоугольник фундамента, там то и дело метались

разноцветные лучики, вспыхивали огни — это строили здание для еще одной лаборатории киберы-строители, не ведавшие разницы меж днем и ночью и не нуждавшиеся ни в сне, ни в отдыхе. В общем, было чем полюбоваться: солидное хозяйство обозначилось, а ведь не так уж и давно начиналось все с единственного здания, Сварога, девяти его юных сподвижников и дюжины охранников и технического персонала... «Отсель грозить мы будем шведу», — подумал он, фыркнул и пошел на посадку.

Еще издали он увидел у крайнего браганта фигуру в безукоризненном мундире и фуражке, сидевшей на голове даже без миллиметрового отклонения от уставных предписаний, — комендант, истовый служака, явился встречать и рапортовать. Другого ожидать и не следовало.

Едва Сварог спустился по лесенке, комендант промаршировал к нему и отдал честь.

— Вольно, — сказал Сварог и, чтобы сделать коменданту приятное, рявкнул голосом ротного старшины:

— Доложите обстановку!

— Господин директор, за время вашего отсутствия никаких происшествий, равно как инцидентов и нарушений дисциплины не имело места! Учреждение работает в обычном режиме, строительство нового научно-технического корпуса продолжается!

— Отлично, — сказал Сварог. — Кто-то там работает? — он кивнул на два светящихся окна.

— Штаб-сержант Дегро записалась в ночную смену, что предписаниям не противоречит, наоборот.

— Одна? — спросил Сварог.

Логично было бы предполагать, что там поблизости отыщется Родрик, а после ночной смены парочка обоснуется в одном из домиков для отдыха. Ну что ж, нет нужды им больше летать на Сегур, все замотивировано (ночная смена в связи с возросшими объемом и сложностью работ), все приличия соблюdenы (каждый якобы направится в свою комнату, а о том, что они окажутся в одной, ни-

кто и знать не будет — комендант не обязан следить за такими вещами без прямого приказа, и никто не обязан).

— Так точно, одна! — браво рявкнул комендант.

«Интересные штуки выкидывает судьба, — подумал Сварог, глядя на коменданта. — Благороднейший лар, барон и маркиз — а вот поди ж ты, нашел себя именно в роли коменданта, этакого советского прапорщика, и ничего ему больше от жизни не надо, весел и счастлив...»

— Странно, — сказал Сварог знакомым каждому военному тоном, допускавшим неуставную. — У нее это было не в обычай.

Комендант, моментально уловив нюанс, ответил тоже не столь служебным тоном:

— Последнюю неделю штаб-сержант Дегро так себя и ведет: остается работать в ночную смену,очутился здесь же.

Он прекрасно знал, что обязан осведомлять Сварога обо всем происходящем, отклонявшемся от обычной практики. И оба знали, что это не имеет ничего общего с вульгарным стукачеством — хороший командир обязан знать, что происходит у него в подразделении, в особенности именно что об отклонениях от обычной практики. Что, неужели поссорились? Мирить придется, новые хлопоты, пусть и мелкие... Беда в том, что ему пришлось быть для своих сподвижников, учитывая их молодой возраст, не только командиром-руководителем, но и чем-то вроде воспитателя. Не сказать, что это было особенно хлопотно — он просто не думал, что однажды на голову свалятся еще и такие обязанности. Но куда денешься? И он подумал не без гордости: а ведь кое-чего добился, грех отрицать...

— И каждый раз одна?

— Каждый раз, — ответил комендант нейтральным тоном.

«Точно, поссорились, — подумал Сварог. — А то и что похуже — вроде романа на стороне. И ведь разбираться придется...»

— А как капрал Ролатон?

— Через сутки после вашего отъезда в командировку два дня не выходила на службу без объяснения причин. Я собирался согласно правилам возбудить дисциплинарное расследование, но штаб-сержант Дегро мне рассказала... — он продолжал уже вовсе не служебным тоном: — Я все понимаю, господин директор... Я позволил себе записать, что эти два дня она отсутствовала по болезни.

— Совершенно правильно поступили, — сказал Сварог. — Как она сейчас?

— Работает, — сказал комендант. — Правда, выглядит не лучшим образом. Я хотел сначала предложить ей взять короткий отпуск, но потом подумал: иногда работа до одури как раз и есть лучшее лекарство...

— И снова правильно, — сказал Сварог.

— Она носит на лбу белую траурную повязку. Я опять-таки не стал вмешиваться — в уставах на сей счет нет ни разрешения, ни запрета...

— Да вы у меня просто молодец, — сказал Сварог. — Благодарю за службу.

— Рад стараться! — рявкнул комендант прежним уставным басом. — Будут какие-то распоряжения?

— Пока нет, — сказал Сварог. — Я сейчас схожу в комнату спецсвязи, а там уж будет видно...

Комендант, отступив на шаг, прилежно сопровождал его до штаб-квартиры, где и остался на первом этаже, — ему-то доступ в комнату спецсвязи разрешался в исключительных случаях, каковых за время существования конторы не случалось — и, дай-то бог, не случится. Сварог поднялся на второй этаж, к двери нужной комнаты, отмеченной лишь белым эмалевым овалом с черной цифрой «пять», — конспирация, доведенная до абсурда, как это частенько в армии и иных близких ей по духу конторах случается; кем-то давным-давно подписано и подкреплено циркуляром: комнаты спецсвязи таблички, в отличие от прочих, иметь не должны, следует ограничиться номером. Ну что же, он в своей жизни, и в прежней, и в нынешней, не раз сталкивался с приступами начальственно-

го идиотизма и относился к ним философски. Бывало и почище — что там, что здесь. Иностранный шпион тут, за облаками — от кого еще такое секретить? — это даже не дурная фантастика, а шизофрения. Что поделать, начальство — это особый вид фауны и особый способ мышления, так было, так есть, так, имеются сильные подозрения, будет...

Он приложил подушечку большого пальца, где следовало, и, когда откинулась одна из дверных филенок, открыв пластинку с цифрами от единицы до нуля, привычно набрал код. Свет, когда он вошел, зажегся автоматически. Не теряя времени, Сварог сел за стол перед крайним справа пультом, ввел свой код и набрал номер суперзасекреченного канала Канцлера. Даже если Канцлера в кабинете нет, вызов по этому каналу автоматически переадресовывается на его карманный дешифратор.

Над пультом в воздухе возникла рамка из голубого света, тут же зажегся экран. Канцлер, как оказалось, был все же в кабинете: Сварог узнал деревянные панели за его спиной — темный дуб, никаких узоров и прочих излишеств. Над правым плечом Канцлера — парадный портрет Яны.

— Рад вас видеть, лорд Сварог, — сказал Канцлер. — Похоже, вы полностью оправились? Очень рад, — он покривил губы в своей неподражаемой улыбочке: — Вас можно поздравить с очередной королевской короной?

— Да как-то так вышло... — сказал Сварог. — Канцлер, не внесете ли ясность? Я четырежды пытался связаться с императрицей, в том числе и по спецканалу — никакого ответа. Она не у с е б я ли в Хелльстаде, часом?

Канцлер глянул на него как-то странно. Помолчал и ответил:

— Видите ли, лорд Сварог... Она на Той Стороне. Вместе с графом Элконом, профессором Марлоком и остальными.

Вот это был сюрприз! Сварог тихо спросил:
— Что-то случилось?

— Ну что вы! Не волнуйтесь. Просто... За эти десять дней мы провели на Той Стороне немаленькую работу. Я вам завтра могу рассказать все в деталях. А пока... Короче говоря, мы там успели очень неплохо внедриться. Сейчас идет очередная операция... Без Древнего Ветра императрицы она отнимет неизвестно сколько времени. С ее участием — считаные часы, — он улыбнулся чуточку беспомощно. — Как это уже не раз случалось, ее величество меня убедила, что без нее не обойтись. — Он тяжко вздохнул. — В конце концов, в ваше отсутствие в эту комнату ваша охрана пропускает только ее и графа Элкона — а Элкон уже был там...

Понятно, какими методами Яна его убеждала. Мягким и ненавязчивым шантажом, какой она мастерица применять, даже порой к Сварогу. «Либо я туда иду, либо никто из вас туда не попадет». Что-нибудь вроде этого. И ведь никуда не денешься. А Древний Ветер, и в самом деле, нескончально облегчает выполнение иных задач...

— Я надеюсь...

— Лорд Сварог, — сказал Канцлер с серьезнейшим выражением лица, — могу вас заверить, я принял все возможные меры безопасности, какие только мог. Все...

Сварог этому верил. Так что не волновался за Яну. Кто-то, а уж Канцлер ради ее безопасности сделает все, что в человеческих силах, и даже больше... В иных случаях при общении Яны с Канцлером коса находит на камень, и любой шантаж сталкивается с непререкаемым ультиматумом...

Канцлер продолжал:

— Я помню: там есть что-то такое, что пыталось ее выследить. Но она побывала там уже два раза, сейчас пошла в третий — и эта, черт ее знает, как ее называть, сила никак себя не проявила. Все предусмотрено. Если это снова даст о себе знать, императрица немедленно скажет, и охрана ее переправит на нашу сторону. Это не займет и минуты — она в той самой гостинице, — он усмехнулся, — которую мы уже почти купили. Полу-

чится неплохая опорная база. Охрана у императрицы, заверяю вас, мощная, отлично вооружена и снаряжена оружием и готова в случае серьезной угрозы уходить с боем. Поверьте, все предусмотрено. Может быть, вы прилетите ко мне рано утром? Нам о многом нужно поговорить.

— Непременно, — сказал Сварог. — Тем более что и у меня есть кое-какие интересные новости, которыми с вами просто необходимо поделиться...

— В таком случае до завтра.

— До завтра, — сказал Сварог. — Ждите меня ранним утром. В восемь можно? Отлично...

Он вышел из комнаты, тихо притворив автоматически захлопнувшуюся дверь, спустился на первый этаж, где на месте дежурного сидел сам комендант — за длинной стойкой из темного полированного дерева, с обратной стороны которой имелась куча разнообразной аппаратуры. Комендант вскочил:

— Господин директор?

— Мы со штаб-сержантом Дегро поработаем час-полтора, — сказал Сварог. — Ночевать я буду здесь.

— Ваша комната отдыха, как всегда, в полном порядке.

— Нет, — сказал Сварог. — Ночевать я буду в гостинице, такая вот прихоть... Как там с ними обстоит?

— «Гостиниц», как вы сами видели, две — «Кираса» и «Русалка». Так они официально в документах и называются. Названия дал архитектор — по изображениям над входом. Разумеется, если вы считаете, что названия неудачные...

— Да нет, какая разница... — вяло сказал Сварог. — Так как там с ними?

— Полагаю, вам следует ночевать в «Русалке». «Кираса» — для охраны, а «Русалка» — для сотрудников, там более комфортабельные комнаты. Все тридцать обставлены практически одинаково — я ведь не знал, что у вас появится желание ночевать именно там, и не давал распоряжений устроить особую комнату...

— Пустяки, — отмахнулся Сварог. — Что годится для моих сотрудников, годится и для меня... Я полагаю, свободных комнат хватает?

— Свободны все, кроме одной — ее зарезервировала штаб-сержант Дегро. Она собирается работать всю ночь. Сейчас...

Он протянул руку куда-то влево, извлек нечто вроде большого непрямоугольного блокнота, черного, с эмблемой девятого стола, раскрыл, подал Сварогу карточку — электронный ключ, спросил предусмотрительно:

— Быть может, в комнату нужно что-нибудь доставить?

— Да, пожалуй... — сказал Сварог.

Запустил два пальца в нагрудный карман, за ребристый серебряный шарик вытянул чеканную серебряную цепочку с овальным жетоном, кажется, иридиевым — его собственный ключ, открывавший и приемную, и кабинет, и комнату отдыха. Подал коменданту:

— Где у меня винный поставец, вы знаете. Бутылку келимаса. «Старинный корвет». Ну, и соответствующую закуску. Но, главное... Где у меня шкаф с мундирями, вы тоже знаете. Мне понадобится повседневный, без на град — завтра с утра лечу к Канцлеру...

— Будет сделано, командир.

Сварог кивнул ему и пошел к выходу. Душа у него не лежала к комнате отдыха — потому что там на стене висела большая фотография, сделанная на его свадьбе: Яна и Мара весело беседуют, Яна опустила глаза, а Мара с азартным видом делает какой-то жест. Ну да, тот самый момент, когда она откровенно проказила, объясняя Яне, как надлежит лучшим образом ублажать мужа. Нет, не стоит сейчас в комнату отдыха...

Мрачный как туча он неторопливо направился к зданию с чащобой антенн на крыше, настынивая «Балладу о неудачной атаке», «прихваченную» сюда из прошлой жизни:

Мы знаем все, кто был виновник,
но суть не в том.
Напрасно наш седой полковник
махал клинком.
Просты военные законы,
грустны, как быль.
Напрасно наши эскадроны
взметали пыль.
Что это дело для пехоты,
никто не знал.
И вышло, что на пулеметы
нас генерал послал.
И все теперь бесповоротно,
прощай, краса...
Уходим мы поэскадронно
на небеса.
И нету места для печали –
война, приказ...
За то, что мы не доскакали,
простите нас...

Пытался — как всегда, безуспешно — отогнать проклятый вопрос, навязчиво всплывавший в сознании чуть ли не в каждую свободную, не занятую делом минуту: была ли д р у г а я возможность и победить, и не положить Странную Компанию?

В который раз думал, что идти следовало одному, даже без Акбара. В который раз всплывало оправдание: никто не мог знать, что там, в замке. В который раз некая трезвомыслящая и рационалистическая часть рассудка напоминала: велики были шансы на то, что в одиночку он мог и не добраться, где-нибудь посередине пути погибнуть на одной из ловушек (которые идеальнейшим образом сочетались с предсказаниями Лесной Девы). И в который раз покусывала гаденькая мысль: ну, а все-таки? Вдруг бы и прошел даже в одиночку? Сварог никак не мог ни ее прогнать окончательно, ни избавиться от тягостных раздумий.

Двое часовых в вестибюле вытянулись (это была не его инициатива, а прямой приказ Канцлера, неведомо чем продиктованный, — набить манор охраной). Кивнув им (не мог же он козырять, одетый в штатское), Сварог столь же неторопливо поднялся на второй этаж и пошел в сторону, где, как он помнил, горели окна. Сориентировался правильно: еще издали увидел, что поперек слабо освещенного коридора лежит полоса яркого света.

Двери там не было — просто аркообразный проем. Каниллу Сварог увидел издали — она сидела перед каким-то хитроумным пультом (сразу на двух экранах клубились разноцветные путаные линии и кружились огни), но не походило, чтобы работала: сидела, откинувшись на спинку кресла, отрешенно глядя поверх пультов, курила, медленно выпуская дым, и ее очаровательное лицо было чертовски грустным. Положительно, что-то где-то пошло наперекосяк, и *работы* это касаться никак не может, когда что-то не выходит или проваливается, Канилла никогда не печалится и не мается черной тоской: стискивает зубы и с яростным азартом начинает все по новой. Как, собственно, умные люди с характером и поступают...

Он остановился в проеме и согнутым указательным пальцем громко постучал по притолоке. Канилла повернула голову с недовольным видом, но тут же прямо-таки просияла, вскочила:

— Командир! Ну наконец-то! Жаль, что я тут одна, все бы порадовались. Ходят слухи, что Яна вас в и т а щ и л а буквально в последнюю минуту...

— Может быть, — сказал Сварог, проходя в комнату и косясь на непонятное мельтешение линий и огней. — Выходит, я свое везение до донышка еще не вычерпал... Это хорошо, — он придвинул кресло на колесиках к ее креслу, уселся, достал портсигар. — Садись, Кани, поговорим...

Закурил и присмотрелся к ней внимательно. Ну да, что-то определенно не так: как только схлынула радость

от его появления, ее глаза вновь стали невероятно грустными.

— В работу крепко погружена? — спросил он.

Канилла пожала плечами:

— Да нет. Рутина, собственно, разве что это надолго...

— Что случилось, Кани? — спросил он напрямик.

У тебя такая печаль в глазах... С Родриком поссорились?

Она не стала ни отмалчиваться, ни уводить разговор в сторону. Грустно усмехнувшись, ответила откровенно и просто:

— Если бы так, командир!.. Было бы гораздо лучше. Когда поссоришься, всегда можно помириться. А тут другое.

— Или — д р у г а я?

— Да нет, командир, все и проще, и печальнее... Помните, я как-то говорила: мы с Родриком и сами не понимаем, что у нас пылкая любовь или пылкая страсть?

— Конечно.

— Ну вот... — сказала Канилла. — В один далеко не прекрасный момент вдруг оказалось, что все же — не более чем пылкая страсть. А она вдруг взяла и прошла у обоих. Догорела, как свечка, была — и пропала...

— Вы, надеюсь, не поскандалили? Расставания иногда бывают очень бурными, даже если обе стороны согласны, что иначе нельзя...

— Ну что вы, командир, — все так же грустно усмехнулась Канилла. — С э т о й стороны обстоит, можно сказать, прекрасно. Мы совершенно спокойно обсудили ситуацию, совершенно спокойно согласились, что все кончено, остаемся друзьями... Хорошо, что вы прилетели. Мне не перед кем было выговориться, а хотелось не-вероятно...

— И правильно, — сказал Сварог. — Выговоришься, чуточку легче будет... Что, Аурики нет в маноре?

— Ага. Она на Сегуре, у нее два вольных дня. А у Томи свои печали, почище моих... Вот и не перед кем было... Кстати, поздравляю с новой короной...

— Пошли бы они, эти короны... — проворчал Сварог. — Складывать некуда, а новых хлопот — выше крыши... Это хорошо, что вы спокойно разошлись и даже остались друзьями. Это хорошо... Но вот глаза у тебя... Ты что, никак не можешь от ойти?

Канилла улыбнулась грустно, вымученной улыбкой:

— Оказывается, не могу. Не в чувствах дело — не было никаких чувств. Просто... Как бы объяснить... Из меня вдруг вырвали очень приятный кусок жизни. Он был долго и, казалось, долго еще будет, и вдруг его не стало. Насовсем. Стало так пусто и зябко, я просто не представляю, как теперь жить без этого вырванного куска...

Сварог погасил сигарету, встал и, заложив руки за спину, медленно прошелся взад-вперед за ее креслом, подыскивая слова. Все гораздо легче, чем он опасался. Вот только... В ее возрасте случившееся... Превратила для него тоже была нешуточной трагедией, какую он, если вспомнить, однажды и пережил. Это сейчас та незатейливая история вспоминается не то что равнодушно — даже со смехом над собственной тогдашней щенячьей глупостью, превратившей банальнейшее расставание прямо-таки в шекспировскую трагедию. Но тогда, лет двадцать назад...

— Кани, — сказал он как мог мягче, тщательно подбирая слова, — такова уж взрослая жизнь, ничего не поделаешь. Иногда подбрасывает такие вот печальные сюрпризы. Я тебя уверяю, как человек, по возрасту в отцы годящийся... правда, в весьма юные отцы, но все равно... Это пройдет. Оно всегда проходит. Честное слово, когда-нибудь ты над этим форменным образом посмеешься. Я тебя уверяю. Все будет казаться мелким и смешным — в том числе и твоя сегодняшняя тоска...

— Легко вам говорить... — выпалила она и тут же осеклась.

Сварог ощутил очередной ледяной укол в сердце. Остановился за ее креслом, все так же держа руки за спиной. Сказал севшим голосом, чувствуя, как камнеет лицо:

— Ну да. Мне легко. Сплошная головешка вместо души, а так — гораздо легче. Всего-то навсего потерял шестерых лучших друзей, в том числе многолетнюю подругу... И Томи легко. Наши горести в сравнении с твоими — такой смех...

Скрипнула резко отодвинутый стул, Канилла вскочила, ее щеки пылали.

— Командир, простите! — выпалила она. — Сто раз простите! Я беспросветная дура, эгоистка, скотина бездушная... — порывисто сделала шаг и, оказавшись к нему почти вплотную, чуть повернула голову вправо. — Дайте мне пощечину, я заслужила...

— И не подумаю, — сказал Сварог. — Подумаешь, ляпнула сторяча. С каждым может случиться, особенно в твоем возрасте. Мне в свое время в похожей ситуации тоже казалось, что жизнь кончена и мир рушится, а теперь вспомнить смешно...

Канилла пытливо глядела на него:

— Вы, правда, не обиделись?

Сварог усмехнулся:

— Я бы тебе дал слово короля, но его не разменивают по таким пустякам...

Она подошла вплотную, медленно опустила ресницы:

— Тогда поцелуйте меня. И я буду знать, что вы не сердитесь

«Воспитатель, мать твою, — сердито подумал Сварог. — Выпало же на долю...»

Он наклонился и коснулся губами ее щеки.

Канилла открыла глаза, восхликула с долей возмущения и обиды:

— И только?!

Положила ему руки на плечи и прильнула долгим поцелуем.

Губы у нее оказались невероятно нежными. Поцелуй опасно затягивался, и Сварог, откровенно испугавшись самого себя, отстранил ее деликатно, но непреклонно, сказал командным голосом, едва ли не рявкнул:

— Штаб-сержант Дегро!

Подействовало. Она отступила на два шага, лицо стало едва ли не как у коменданта при исполнении, из огромных синих глаз исчезла шалая дурь.

— Еще раз простите, командир, — сказала она тихо. — Что-то меня, дуреху, то и дело не туда бросает...

— Прощаю, — сказал Сварог. — От таких закидонов есть одно хорошее средство — работа. Я как раз шел к тебе работать... Ты как, в состоянии?

— Ну конечно, — ответила она с толикой обиды. — Я в вашем распоряжении, командир.

— Садись, — сказал Сварог. — Поработаем немного. Как у вас здесь дела продвинулись, пока меня... не было? Я имею в виду первую очередь «точки Кондери».

— Больших открытий нет, но некоторые успехи найдутся, — сказала Канилла уже насквозь с лужебным голосом. — Мы совершенно точно установили: Брашеро для связи с сообщниками в Магистериуме использовал «пятый ручеек»...

— Что использовал?

— Понимаете, мы с Дальбетом как-то подумали и решили использовать в качестве рабочего названия термин «ручеек». «Точки» и «соринки» — это нечто, имеющее очень малый объем... если совсем точно, точка, как геометрическая фигура, его не имеет вообще. А они протяженные, и весьма, их можно посыпать как радиолучи, в отличие от апейрона. Вот мы и придумали «ручейки». Вам не нравится?

— Ну почему, — сказал Сварог. — Термин, как термин, пусть будет. Что еще?

— А это, собственно, и все, — чуточку грустно призналась Канилла. — Пока. Командир, это и в самом деле было чертовски трудно. Результат укладывается в одну фразу: «Мы установили, что...» Но чтобы его добиться, пришлось работать десять дней. Сначала мы осваивали аппаратуру, разбирались в ней — а посоветовать и подсказать было, сами понимаете, некому. Честно призна-

юсь, мы и сейчас разобрались во всем примерно на три четверти, осваивать еще и разбираться... Зато мы хорошо отработали и изучили одну деталь: «пятый ручеек». Теперь мы знаем, как он связывался со здешними сообщниками — в благостных условиях, когда попросту не было аппаратуры, способной разговоры перехватить или хотя бы засечь. Знаем, как эта аппаратура действует, знаем теперь, как перехватывать передачи с использованием «пятого ручейка». Еще немного усилий — и можно будет делать такие аппараты связи для наших нужд. Как всегда бывает, первые образцы получатся неуклюжими и несовершенными, но так уж всегда... Профессор Марлок помогает, чем может... но у него уйма своих хлопот... и очень мало людей. Он сам смог выделить только двух А-физиков — но ребята толковые, с ними дело пошло гораздо быстрее...

— Вот на сей счет есть интересный разговор, — сказал Сварог. — Честно признаюсь, скорее личного характера, не имеющий отношений к нашей официальной службе. На тебя можно полагаться? В тайне держать сумеешь?

— Чем хотите поклянусь.

— А поможешь? Дело, повторяю, некоторым образом частное...

— Командир, — серьезно сказала Канилла, — я как-то говорила, что готова за вас умереть. И, между прочим, не шутила. Так что помочь вам готова во всем, что в моих силах. А что нужно сделать?

— Сейчас подумаю, как бы поточнее сформулировать... — сказал Сварог. — Ага... Есть рабочие чертежи, спецификации, или как это все называть... В общем, материалы, по которым я мог бы в д р у г о м месте создать точное подобие этого здания? С той же аппаратурой, с теми же антеннами? Поняла мою мысль?

— Конечно, — сказала Канилла и уставилась на него с нешуточным любопытством: — «Другое место» — это ваш компьютерный центр в Хелльстаде?

Оба-на! Сварог спросил вкрадчиво:

— А с чего ты решила, красавица моя, что такой центр существует?

В Элконе он был уверен — парень никак не мог проговориться. Тогда как все это объяснить, вперехлест и через клюз?

— А я ваш центр вычислила, — безмятежно сказала Канилла. — Он у вас есть, и достаточно серьезный. Во-первых... Я не такой компьютерный гений, как Элкон, мне до него далеко, но все же в компьютерах понимаю. Вы три раза давали мне для работы материалы, которые никак не могли быть получены ни в компьютерном центре нашего стола, ни восьмого департамента. Вообще кое-что позволяет судить, что это совершенно какой-то другой компьютерный центр, кое в чем не похожий на здешние. Я не буду объяснять, как пришла к таким выводам, ладно? Извините, но вы все равно не поймете... Просто поверьте на слово.

— Поверю, — сказал Сварог. — А что там «во-вторых»?

— Во-вторых, Элкон что-то очень уж часто летает в Хелльстад и часто надолго там задерживается. Зная Элcona, это можно объяснить только одним: там у вас есть компьютеры, которые его страшно интересуют. Других причин просто не может быть. Девушка у него в Равене... да у вас в Хелльстаде и нет девушек, насколько я знаю. А чтобы устраивать себе экскурсии по Хелльстаду, он слишком занят... Вот такой был ход мыслей.

Ну что ж, она ошиблась только в одном: в Хелльстаде есть все же парочка девушек, но это не имеет отношения к делу...

Сварог вздохнул:

— Кани, я тебе столько раз говорил, что ты не только красавица, но и умница... Придется еще раз повторить, — он усмехнулся. — Ну что ж, ты меня приперла к стенке. Есть у меня в Хелльстаде компьютерный центр. И мне бы хотелось получить еще копию этого здания. Сама понимаешь, против Империи это нисколечко не будет направлено, наоборот...

— Я и не сомневаюсь, командир, — сказала Канилла с комической важностью. В ее глазах все еще стояло жгучее любопытство. — Но кто же у вас там работает, если в Хелльстаде практически нет людей? Что за компьютерщики загадочные такие? Вы ведь, такое впечатление, полностью уверены, что они справляются и с этой аппаратурой...

— Кани, когда-нибудь, много времени не пройдет, я тебе и расскажу многое, и покажу, — сказал Сварог. — Честное слово. А пока у меня голова забита другими заботами... Так есть то, что мне нужно, или нет?

— Есть все, что вам нужно, — уверенно сказала Канилла. — Здесь же, в памяти главного компьютера. Я вам в два счета все скачаю, в том числе и полный пакет необходимых программ. Это займет часа полтора, но вам ведь не срочно?

— Конечно, — сказал Сварог. — Кани, ты чудо...

— Я знаю, мне уже говорили, — сказала она с оттаявшем улыбкой. — И не раз... Командир, я все сделаю. И ни одна живая душа не узнает.

— Спасибо, Кани, — искренне сказал Сварог. — А теперь немного поработаем. Я тут хочу поставить вполне научный эксперимент.

— Что мне нужно будет делать? — деловито спросила Канилла, кладя руки на пульт.

— А ничего пока, — сказал Сварог. — Бывают эксперименты, когда аппаратура и не нужна... Посиди пока, я тебя сейчас позову...

Он вышел на галерею, окружавшую весь второй этаж. Переходить на противоположную сторону, через коридор, не пришлось: эта сторона здания как раз и выходила на нужные ему созвездия.

Сварог быстро нашел нужное — Золотого Коня. Он был никудышным знатоком здешней астрономии, но полдюжины-то созвездий мог отыскать на ночном небе легко — из-за их характерной формы. А вот, соответственно, и Стремя. Включаем «другое» зрение...

Все та же картина: из некой точки на небосклоне огромным конусом вылетали лучи пронзительно-синего света, неслись к земле и пропадали на некотором расстоянии от нее.

Вот только на сей раз лучи исходили из совершенно другой точки — правее и выше, уже справа от Золотого Коня и выше его пальца на три, считая вульгарно и не-научно, пониже большой синей звезды — кажется, в созвездии Змееносца. Сварог не был точно уверен, что это Змееносец, но это не имело значения...

— Кани! — громко позвал он. — Выйди-ка сюда!

Тут же простучали каблучки, она остановилась рядом у фигурных перил. Убрав «другое» зрение, Сварог спросил:

— Кани, как у тебя с астрономией?

— Как у всех, — она пожала плечами. — Краткий курс общих знаний.

— Ну, это, в принципе, не важно, — сказал Сварог. — В данном случае сгодятся и методы далеких предков... Видишь вон ту большую синюю звезду?

— Конечно, — сказала она. — В голове смутно вертится, что она самая крупная и яркая в том созвездии, но вот как оно называется, хоть убейте, не вспомню.

— Броде бы Змееносец, — сказал Сварог. — Но это не имеет значения. А теперь посмотри-ка туда «другим» зрением.

Сам он на сей раз им не воспользовался — спасибо, насмотрелся. Канилла удивленно охнула, присвистнула по-мальчишески.

— Это-то еще что за чертовня?

— Представления не имею, — сказал Сварог. — Но она там, сама видишь, есть. У тебя тут найдется аппаратура, которой это чудо-юдо можно пощупать?

— Конечно.

— А в одиночку сможешь?

— Обижаете, командр, задача для практиканта. Только нужно перейти в другой зал, управление антеннами там.

— Ну вот и пойдем, — сказал Сварог.

В указанном зале он тихонечко сел, чтобы не мешать подлинно научным работам с использованием современной аппаратуры. Сказал только:

— Насколько я помню, в применении к метеорному потоку такая точка именуется радиант... Можешь заодно и определить координаты этого радианта?

— Ну, не особенно трудно...

Ее пальцы порхали по клавишам, сразу на трех экранах мельтешили непонятные символы, сходились и расходились разноцветные дуги и зигзаги, проплывали ряды цифр, то короткие, то длинные. «Премудрость», — подумал Сварог, поглядывая уважительно.

Наконец все, такое впечатление, кончилось. Больше ничего не мельтешило, не плясало и не менялось. Застыли цифры и символы, аккуратными рядочками, застыла плавная светло-зеленая дуга.

— Получилось? — спросил он едва ли не шепотом.

Лицо у Каниллы было странноватое — и нешуточное удивление, и еще что-то...

— Понимаете, командир... — сказала она тоже едва ли не шепотом. — По всем параметрам выходит, что это третий «ручеек», и ошибки быть не может... Но это неправильно, так не должно быть...

— Почему?

— Потому что там один «ручеек» себя не ведет, уж это-то мы успели выяснить совершенно точно. «Ручейки», конечно, во много раз уступают размерами потоку апейрона, но все они — тоже потоки. В составе апейрона идущие из центра Галактики. Если изобразить в виде иллюстрации — пусть и примитивной, — это должно выглядеть вот так...

Она зажгла самый большой экран. Посередине неподвижно застыла Солнечная система (Вид сверху — исключительно для удобства, — пояснила Канилла. — Поток идет почти перпендикулярно к плоскости орбиты), а все остальное немаленькое пространство экрана, явно выходя за его

рамки, занимал и впрямь некий поток: бледно-голубые лучи, безукоризненно прямые, строго параллельные, вроде бы неподвижные, но таким-то образом создавалась иллюзия, что они безостановочно текут. Действительно, поток...

— Вот так все выглядит, если примитивно, — сказала Канилла. — Вам этого достаточно?

— Вполне, — сказал Сварог. — Боюсь, чего-то самую чуточку менее примитивного я просто не пойму... Значит, так оно выглядит... Ну да, ручеек — по сравнению с размерами потока апейрона, а их даже я помню, сунули как-то в голову...

— Мы только-только начали их изучать — много времени ушло, чтобы разобраться в аппаратуре Брашеро... Но одно установили со всей уверенностью: каждый раз речь идет о потоках солидных размеров. И никаких радиантов. Но главная загадка не в этом, думается мне. Понимаете, командир, «ручейки», как и сам апейрон, нельзя увидеть «другим» зрением — только с помощью приборов. И никак иначе.

— Подожди, — сказал Сварог. — Я сам видел апейрон в Магистериуме, огромный такой золотистый шар...

— Так это вы видели концентрированный, — пояснила Канилла. — Вот его можно видеть не то что «другим» зрением, но и простым глазом — концентрированный, опять-таки вульгарно выражаясь, со страшной силой. Степень сжатия на порядки сильнее, чем у воздуха, когда его делают жидким... но эти детали вряд ли сейчас интересны, они к делу отношения не имеют. Вполне возможно, и концентрированные «ручейки» можно видеть самым обычным зрением, но мы ведь только начали. Такие эксперименты у нас отложены далеко на будущее, сначала нужно изучить все свойства и способности... — она вздохнула. — Аппаратура великолепная, но нас только четверо, в том числе одна недоучка с двумя курсами Лицея...

— Так... — сказал Сварог. — Значит, по теории, видеть мы этот чертов «ручеек» никак не можем, ни обычным зрением, ни другим.

— Вот именно.
— И тем не менее это, — он кивнул на один из экранов, — третий «ручеек»?

— Стопроцентно, — сказала Канилла с некоторой беспомощностью на лице. — Уж в этом-то я уверена.

— Налицо логическое противоречие, а?

— Оно самое, — грустно согласилась Канилла.

Сварог раздумывал недолго — он не видел здесь тупика, потому что было от чего отталкиваться... Ободряющее улыбнулся:

— Кани, не надо меланхолии... Логические противоречия сплошь и рядом можно разрешить логическими же рассуждениями. А ключик у нас есть... Тот самый отчет.

Историю с Брашеро от «широкой общественности», конечно же, засекретили — точнее, пустили в обиход в крайне урезанном виде. Ни словечка о планах переворота и намерениях установить «ученную диктатуру». Общественность узнала лишь, что несколько ученых, инсцинировав собственную смерть, занимались в Горроте научными экспериментами из разряда запретных. Однако человек сорок на двух планетах, те, кому полагалось по должности (в том числе и Сварог), получили подробный отчет Техниона об исследовании «хозяйства Брашеро». Этот труд на трехстах страницах оказался абсолютно неудобочитаемым — Сварог мог поклясться, что все остальные в нем поняли не больше, чем он, а он не понял абсолютно ничего. Очень уж ученые материи затрагивались, очень уж в *ы с о к о н а у ч н о* было изложено, с многочисленными формулами, непонятными графиками и прочим высокомудрием. Сварог даже не пробовал его читать — листанул, заглянув в пару мест, и отложил, а потом, подумав, под строжайшим секретом дал прочитать Канилле. Канилла сидела над ним три дня, потом честно призналась, что поняла пока две трети, не больше.

Хорошо еще, что профессор Марлок был реалистом и практиком. А потому к каждому пухлому тому прилагалась брошюрка страниц всего-то на двадцать — и

вот в ней простым человеческим языком, так, что любой невежа мог понять, излагались те выводы и заключения, которые уже успели сделать (хотя, уточнял Марлок, исследования далеко не закончены). Вот из нее многое становилось ясно...

— В самом деле, никакого тупика, — сказал Сварог. — Давай-ка устроим небольшой «мозговой штурм». Отчет, я тебе уже говорил, и не пытался изучать — не по моим знаниям. А вот брошюра здорово помогла... Насколько я понял, апейрон нельзя создать искусственно. А вот «ручейки»... Вполне возможно, Брашеро искусственно генерировал «пятый». С его помощью и связывался с сообщниками наверху и творил еще много предосудительного.

— Но остальными он занимался в десятую очередь, к его главной задаче они отношения не имели, ему хватало для повседневных нужд и пятого...

— Это уже детали, — сказал Сварог. — Главное, можно выдвигать версию: если искусственным путем можно получить «пятый», не исключено, что можно получить и остальные. Логически непротиворечивая версия, а?

— Конечно.

— Ну, а поскольку это поток, — он кивнул на экран, где конус лучей по-прежнему с размеренностью часового механизма был из неведомого радианта, — естественным быть никак не может, сам собой напрашивается вывод... Почему бы и нет?

— Почему бы и нет? — подхватила Канилла, стряхнувшая всякую грусть.

— Характеристики созданного Брашеро «ручейка» прекрасно известны. Известно, что он, нетрудно предположить, нес информацию. Известно, как отличить искусственный «ручеек», несущий информацию, от естественного потока... Кани, пользуясь той же методикой, можно определить то же самое касаемо «третьего»...

— Я попробую... Только нужно перейти в другой зал, к другому компьютеру.

— Делов-то... — проворчал Сварог, вставая.

Перешли. Сварог смотрел на свистопляску загадочных цветных кривых, таинственных символов и непонятных формул на трех экранах, не пытаясь ничего понять. Пальцы Каниллы порхали по клавишам, ее лицо становилось все азартнее и веселее, и продолжалось это минут пять. Сварог сидел тихо, как мышка, не задавая вопросов, боясь спугнуть в д о х н о в е н и е .

Наконец все непонятное на экранах застыло неподвижно. Снизу на центральный экран выполз длинный ряд алых символов вперемежку с цифрами, достиг середины да так там и остался поверх отмеченных непонятными значками синих и алых синусоид, расходившихся из единого центра.

Лицо Каниллы стало прямо-таки счастливым.

— Все сходится, командир, — сказала она торжествующе. — Это искусственное излучение, как и «пятый» у Брашеро... вот только никакой информации поток не несет. Правда, даже если бы и нес, подозреваю, я бы не смогла ее расшифровать — над «пятым» до сих пор боятся дешифровщики Марлока...

— Ну, это сейчас неважно, — сказал Сварог. — Что нам осталось? А осталось нам заняться самим радиантом, посмотреть, что он такое, вычислить орбиту и все прочее... Сможешь?

— Ну, это совсем просто, — уверенно сказала Канилла. — Для этого годятся давно имеющиеся программы из разряда «Космопоиск». Их давным-давно применяет Сфера, они ничуть не секретные, а после Багряной Звезды еще и усовершенствованы. Несколько минут — и будем знать, что это такое...

Она нажала пару клавиш — и вскоре на самом большом экране вспыхнула карта звездного неба. Канилла пояснила:

— Радиант я отметила красной точкой...

— Я понял, — сказал Сварог. — Подожди-ка минутку...

Он взял световой карандаш и направил на экран тонкий синий лучик. Тщательно примерившись, остановил пятнышко меж созвездиями Стремени и Золотого Коня. Сказал:

— Зафиксируй и эту точку. Позавчера я именно там видел радиант. Получается, он, в отличие от метеоритного, перемещается в пространстве. Что скажешь, располагая этими двумя точками, можно вычислить орбиту?

— Не получится, — сказала Кани. — Слишком маленький отрезок.

— Ну, тогда сделай, что получится: приближается он к Талару или нет, масса... В общем, все, что удастся.

Канилла кивнула и опустила пальцы на клавиши. Сварог вновь настроился на долгое ожидание, но не прошло и пары минут, как на экране возник тонкий желтый эллипс, в одной из точек которого красовался бело-голубой кружок. Глаза у Каниллы стали безмерно удивленными, она смотрела на Сварога, кажется, не в силах вымолвить ни слова.

— Что? — спросил он почему-то шепотом.

— Это... Это Нериада, — с явной растерянностью сказала Канилла. — Она и есть — радиант...

— И никакой ошибки?

— Ни малейшей. Это ее масса, ее орбита... Кстати, «конус» накрывает и Сильвану. Командир, но там же нет никого и ничего, способного такое вытворять...

Некогда было удивляться. Да и ничем это удивление не помогло бы...

— Значит, есть, — сказал Сварог. — Сама видишь.

Первая мысль, пришедшая ему в голову, — остатки заговора Брашеро. Людей у него было больше, чем считалось, и кто-то обосновался на Нериаде, л у п и л оттуда по Талару и Сильване «третьим ручейком». Нет, в этом случае их непременно обнаружили бы. С давних времен, с тех самых пор, когда отступились от всех попыток отыскать на Нериаде кого-то д р у г о, планету, разумеется, не оставили в покое — над ней несли рутинное дежурство штук тридцать орбиталов. Если

бы люди Брашеро и там попробовали бы отгородиться от наблюдения, как они это проделали в Горроте, засекли бы моментально... Отчеты он получал регулярно — половина орбиталов принадлежала восьмому департаменту. Бегло проглядывал и отправлял в соответствующий архив, потому что содержание их долгие века сводилось к одной-единственной фразе: «Ничего н о в о г о не обнаружено».

— Сюрреализм какой-то, — сказала Канилла. — Установки, создающие поток искусственного «третьего ручейка», — у э т и х... Техника у них на таком уровне, что ее и техникой-то назвать смешно, а науки нет вообще...

— Значит, там есть кто-то еще, — сказал Сварог, — у которого гораздо лучше обстоит и с наукой, и техникой.

— Но ведь в свое время искали так скрупулезно... Да и до сих пор нет никаких данных...

— Ох, Кани... — вздохнул Сварог. — Ну какие у меня могут быть ответы? У меня даже версий нет, кроме одной-единственной: там есть кто-то еще, каким-то образом ухитрившийся остаться незамеченным. Ты согласна, что это единственная версия?

— Согласна...

— Ну вот. За неимением лучшего ее и будем придерживаться. Коли уж мы, честно признаться, в тупике. Возникает масса вопросов, но мы их пока что игнорируем, потому что нет и тени ответов... Мы даже не знаем, с к о л ь к о это продолжается.

— И что же делать?

— Ждать, — сказал Сварог. — Завтра утром я встречаюсь с Канцлером, будет о чем поговорить. То, чем ты собиралась заниматься сегодня ночью, очень важная вещь или может подождать?

— Ну, вполне может подождать...

— Вот и отлично, — сказал Сварог. — Установи постоянное наблюдение за Нериадой: нужно изучить, не меняется ли интенсивность потока, не «отключится» ли он в какой-то момент... в общем, все, что возможно. По-

том отправляйся спать. Чует мое сердце, завтра с утра весь ваш отдел будет загружен работой выше крыши. Канцлер проволочек не любит, а уж теперь... Что ты так смотришь?

— Вы плохо выглядите, — сказала Канилла. — Не припомню, когда я вас таким и видела...

Сварог вымученно улыбнулся:

— Ну, что поделать — слишком много на плечи свалилось... Ладно перебедуем. Действуй, а я пошел. Переночую в «Русалке», а утром полечу к Канцлеру. И выше нос, не такие загадки раскальвавли...

Он вышел в коридор, с облегчением убрал с лица вымученную улыбку — не следовало представлять перед девчонкой раскисшим и разбитым. Умница, все подмечает... Медленно пошел к выходу, даже не пытаясь ломать голову над очередной загадкой, которую вместе с другими предстояло решать и ему...

Проходя мимо высокого зеркала, приостановился и посмотрел на свое отражение, стараясь сделать это с точки зрения постороннего, беспристрастного наблюдателя. Кажется, это у него получилось, но результат не радовал: человека в зеркале никак нельзя было назвать бодрым и энергичным — весь какой-то понурый и осунувшийся, плечи опустились, глаза потухшие... Махнув рукой, он пошел дальше. Ничего, пройдет. Есть отличное средство от всех горестей и печалей: работа на износ. А ее в самом скором времени навалится столько...

Свою комнату в «Русалке» он нашел быстро. Комендант, конечно же, оказался на высоте: келимас заказанного сорта, поднос с обильными закусками, серебряная чарка соответствующего размера — не на воробыиний глоток, но и не особенно большая, как раз достаточно, чтобы легонько з а б р а л о. Причем стояло все это не на столике у кресла возле окна, а на столике у изголовья кровати — свой мужик, комендант, все понимает. Можно и не заглядывать в шкаф — мундир там наверняка висит и начищенные сапоги стоят...

Сварог разделялся, залез в постель, переложил подушку к спинке кровати, чтобы можно было сидеть. Притушил верхний свет, зажег настольную лампу и аккуратно наполнил чарку. Выпил, пожевал кусочек чего-то копченого, включил музыку, не выводя на особенную громкость. Хрипловатый, высокий голос Тарины Тареми...

— *А где-то позади, за далью и за пылью
Остался край чудес. Там человек решил,
Что он рожден затем, чтоб сказку сделать былью.
Так человек решил. Да, видно, поспешил...
И сказку выбрал он с печальною развязкой,
И призрачное зло в реальность обратил.
Теперь бы эту быль обратно сделать сказкой,
Да слишком много дел и слишком мало сил...*

Уже не в первый раз Сварога царапнула неприятная мысль: а ведь она наверняка погибнет, когда на Той Стороне станет бушевать Шторм. А если не погибнет... Все равно судьба ждет незавидная. Что же, ничего нельзя сделать? А кто сказал, что нельзя? Попробовать, во всяком случае, стоит...

— *А мы все мчимся вдаль, печаль превозмогая,
Как будто ничего еще не решено,
Как будто век прожив и все-таки не зная,
Что истина, что нет, что свято, что грешно...
И бесконечен путь, и далека расплата,
Уходит прочь недуг, приходит забытье...*

...Вторая чарка, как обычно бывает, пошла еще легче. Забытья понятно, не получилось, да он его и не ждал — но все же чуточку о т п у с т и л о. Набраться как следует, уснуть мертвым алкогольным сном, завтра хлебнуть отрезвляющего — и работать, рыть землю, рвать жилы, потому что...

Он резко повернул голову к двери.

Замок, которому полагалось быть запертым, звонко щелкнул, и дверь приоткрылась. Здесь, в своем хозяйстве, надежно охраняемом отборными бойцами и парочкой повисших невысоко над манором небольших боевых орбиталов (требование Канцлера), вряд ли стоило чего-то опасаться, но в последнее время случилось столько всякого, не укладывающегося в прежние рамки... Так что Сварог бросил взгляд на висевший на стуле камзол и припомнил, в каком кармане у него бластер — ага, в правом.

И тут же облегченно вздохнул — нет, пожалуй, что не облегченно...

Тихонечко вошла Канилла, аккуратно притворила за собой дверь и, бесшумно ступая по толстому ковру босыми ногами, пошла к нему. Халат на ней был длинный, почти до пят, но из столь тончайшей материи, что каждое движение словно бы делало ее обнаженной. «Только этого мне не хватало для полного счастья, — съятенно подумал Сварог, — мало мне жизненных сложностей?»

Подойдя, Канилла непринужденно присела на край постели, улыбнулась своей неподражаемой лукавой улыбкой, всегда напоминавшей Сварогу сказки о китайских оборотнях, лисицах, прикидывавшихся девушкиами, — что для их ничего не подозревавших любовников кончалось иногда хорошо, а иногда так, что хуже некуда. Вот уж чего не ожидал...

— Ну, и что это все значит? — спросил он, стараясь подпустить в голос побольше суровости.

— А вы не догадываетесь? — ослепительно улыбнулась Канилла. — Никогда не поверю...

— Как ты ухитрилась...

Она, улыбаясь, разжала пальцы. На ладони у нее лежал небольшой предмет, больше всего напоминавший виолончель без грифа, черный, с золотой каемкой и несколькими золотыми пятнышками-сенсорами. Стандартная электронная отмычка из арсенала девятого стола. Канилла положила ее на столик, пожала плечами:

— Здесь повсюду стандартные простые замки, ничего сложного. Вот я и взяла в арсенале...

— Очень мило, — сказал Сварог. — Пришла и взяла... Помнится мне, любое снаряжение из арсенала, даже такую мелочь, выдают исключительно по предъявлении соответствующей бумаги с моей подписью...

Канилла смотрела на него с самым невинным видом:

— Так уж вышло, что у меня была соответствующая бумага с вашей подписью. И с печатью. Стандартный бланк, честь по чести...

Он чувствовал себя настолько вымотанным, что даже рассердиться как следует не было сил. Только покрутил головой:

— Ну, Кани... Придется мне завести гауптвахту, каковую здешние военные уставы предусматривают. А мы как-никак гвардейское подразделение. Я серьезно. И знаю уже, кто ее обновит.

— Да пожалуйста, — безмятежно сказала Канилла. — Отсижу, сколько влепите... Можно, я немножко выпью?

Не дожидаясь разрешения, протянула руку к бутылке, налила полчарки и лихо опрокинула, ничуть при этом не поморщившись, закусила розовой конфетой, улыбнулась:

— Командир, я и подумать не могу, что вы меня возьмете за шиворот и выкинете за дверь... Смешно и глупо выглядело бы.

Он бы, пожалуй, и в самом деле, не смог — так что методы убеждения оставались исключительно словесные, а это иногда слабое подспорье...

Канилла пересела ближе к нему, насколько позволил столик. Невесомый халат распахнулся, почти что ничего уже и не прикрывая. Положение, если откровенно, было самое дурацкое — Сварог ее хорошо знал и всерьез подозревал, что словесные методы убеждения окажутся бесполезными. Но не выставлять же, в самом деле, за шиворот?

— Кани, — вздохнул он, — не надо нам этого делать...

— Надо, — отрезала Канилла. — Командир, вы только не подумайте, что я развратная. Ну какая я развратная, если вы у меня будете только второй? Отрубите мне голову, но с вами надо что-то делать. На вас смотреть страшно, выглядите, как поднятый колдуном покойник... Такое впечатление, что вместо души — один пепел. Да и у меня горсточка пепла присутствует... Я вовсе не собираюсь вас жалеть. Я просто хочу вас утешить. Это будет один-единственный раз, и мы больше никогда к этому не вернемся. Я все обдумала.

— Думаешь, поможет? — вяло усмехнулся Сварог.

— Поможет, — уверенно сказала Канилла. — Уж я постараюсь. Я многое обдумала... Вы, конечно, ничего не ответите — вы мужчина, дворянин, офицер, король, наконец... Но я уверена: Янка добросовестно пыталась вас утешить, как только могла. Ну, вы понимаете, о чем я. Только ничего из этого не вышло. Может, оттого, что она в а ш а — а здесь нужен кто-то посторонний... Вроде меня. Один-единственный раз... И не говорите, что я вам не нравлюсь, все равно не поверю...

— А ты не думала, что потом нам обоим будет перед Яной чертовски стыдно?

На ее очаровательное лицико набежала тень:

— Конечно, думала. Конечно, будет стыдно. Очень. Но я думаю один-единственный раз нам небеса простят. Поэтому что с вами необходимо что-то делать, сил нет смотреть на вас, т а к о г о . Вы просто не имеете права быть т а к и м, король Сварог...

Она одним движением сбросила халат на пол, прильнула к Сварогу и решительно прошептала на ухо:

— Все. Хватит болтать. Обнимите меня...

Совесть покусывала, конечно, и чувствительно — но он обнял девушку и притянул к себе. Дальше была только шалая, жестокая нежность, долгая, то медленная, то пылкая — и полное отсутствие Времени...

И потом он не знал, сколько времени прошло, когда лежал, бездумно уставясь в потолок, обнимая прижав-

шуюся к нему Каниллу. Что странно, не ощущалось ни капли раскаяния или стыда, словно произошла самая естественная вещь на свете.

Канилла легонько пошевелилась, прошептала на ухо:

— Вам было хорошо?

— Очень, — честно сказал Сварог.

— А теперь прислушайтесь к себе. Как следует...

Он добросовестно прислушался к себе. И понял: с ним что-то произошло. Не мог описать свои чувства в точности, но знал одно: это никак не походило на то, что испытываешь после близости с юной искусной красавицей. Что-то совершенно другое. Боль и тоска от недавних утрат не исчезли совершенно, но теперь отодвинулись на периферию сознания, перестали же в душу, как жгли совсем недавно который день. Он чувствовал себя совершенно иначе, и это никак не могло оказаться самовнушением — прежде-то оно не помогало, как ни старался...

— Кани, — сказал он в некоторой растерянности, — что это такое?

— Ага, почувствовали?

— Ну да. Это не может быть просто так, случилось что-то...

— Вот именно, — сказала Канилла. И продолжала томом, каким говорят о самых обыденных вещах, — моя бабушка по матери — дриада. Значит, я тоже, пусть всего на четверть. Честное слово. Или не верите?

— Верю, — серьезно сказал Сварог.

И нисколечко не кривил душой. Поверил еще в Равене, когда они сидели в кольце облавы и Сварог для скоротания времени вел долгие разговоры о всевозможных ученых материях с мэтром Анрахом. Анрах говорил, что существование дриад признавали весьма серьезные книжники, не склонные к выдумкам и не верившие авторам всевозможных баек. Один из них — и Анрах дал ему с собой почитать очередную книгу — сам встречался с дриадой в Брамилонских лесах, чуть ли не три тысячи лет назад. К сожалению, в отличие от многих других

трудов, этот был написан невероятно сухим, можно даже сказать, суконным языком, словно отчет о некоем научном эксперименте из разряда длинных и скучных. Но все равно, было интересно.

Анрах говорил потом: когда-то дриад обитало в лесах не так уж и мало — но понемногу, утверждали серьезные люди, становилось все меньше и меньше. Некоторые современные книжники полагают, что они исчезли совсем. Что с ними произошло, так никому и неизвестно, кто-то считал, что они постепенно перестали быть, кто-то писал, что они ушли в какой-то другой мир, но доказательств у него не было. Были — и не стало их. Как случилось и с наядами, исчезнувшими гораздо раньше: Девами Ручьев, Девами Родников, Девами Озер. По этому поводу Анрах отпустил длинную тираду словечек из своего конногвардейского прошлого: всевозможная поганая нечисть процветает как ни в чем не бывало, а создания, никогда никому не причинявшие зла, исчезли из нашего мира...

— Вот оно как, — сказал Сварог. — Значит, правду писали старинные книжники, что дриады, да и наяды, могли становиться обычными девушками и выходить замуж за своих возлюбленных?

— Чистую правду, — сказала Канилла. — И те, и другие... но это было бесповоротно, вернуться в прежнее состояние они уже никогда не могли и прежних способностей сохранили малую часть, но сохраняли. — Продолжала задумчиво: — А это ведь был большой риск: вдруг разлюбит и бросит? А в прежнее состояние вернуться нельзя. Я бы, наверное, не смогла... а впрочем, я ведь никогда не любила еще по-настоящему...

Вот тебе кое-какие наблюдения Сварога получали полное объяснение. С бабушкой Каниллы он знаком, дважды был у нее в гостях — жизнерадостная, ничуть не казавшаяся дряхлой старушка очень интересовалась Хелльстадом — и, как он теперь понимал, обиняками расспрашивала, не обитают ли там дриады или наяды.

Но не в том дело. Манор вдовствующей маркизы в некотором смысле уникален. Практически при всех есть парки, порой обширные. Но только замок маркизы окружал самый настоящий дремучий лес чуть ли не в десять югров — значит, она хотела жить именно так, даже став человеком...

И с матерью Каниллы он был знаком. У нее-то парк был самым обычным, стандартным, можно сказать. Тут другое. Всякий раз, общаясь с бабушкой, с матерью, да и с самой Каниллой, Сварог испытывал странное чувство: словно бы чуял в них некую и н а к о с т ь, некое неуловимое отличие от обычного человека — хотя так никогда и не мог понять, в чем это заключается. Хотя знал твердо: э т о е с т ь. Вот в чем разгадка, оказывается...

— Что ты со мной сделала? — спросил он.

Канилла фыркнула ему в ухо:

— Если бы я сама точно знала, как это называется... Дриады умели з а б и р а т ь душевную тоску, загнать ее глубоко, чтоб она перестала постоянно г р ы з т ь. Именно таким способом, и только им. Потомки дриады понемногу теряют те способности, что у нее еще оставались, — так и с матерью случилось, и со мной. Но чтобы утратить их окончательно, двух поколений мало. Кое-что у меня осталось, в том числе и э т о. Бабушка вас видела в Келл Инире четыре дня назад. Поняла, что с вами творится. Вызвала меня и велела вас п о л е ч и т ь. — Она торопливо добавила: — Но я бы это сделала и без ее наставлений, ради вас, командир, я бы и не то сделала... — она тихонечко рассмеялась. — А знаете... Может, вам и не стоит терзаться угрызениями совести... касаемо Яны. Вполне может быть, она, узнав, и не рассердилась бы, она ведь умница и поняла бы с у т ь происшедшего... и того, что еще произойдет до утра, я надеюсь, потому что до утра еще далеко, а это у нас первый и последний раз...

— Может, и Танец Дриад — не выдумка книжников?

— Нисколечко. Сейчас докажу.

Канилла выскользнула из-под одеяла, встала в полосе лунного света, падавшего из широкого окна (сколько лет прошло, а Сварог никак не мог отделаться от привычки именовать этот свет «лунным»). Медленно, плавно подняла руки над головой и стала танцевать. Видно было, что отсутствие музыки ей нисколечко не мешает, — ну да, книжники писали, что дриады и наяды обходились без всяких музыкантов, это феи любили устраивать свои пляски непременно под оркестр (конечно, из с в о и х музыкантов, хотя порой и заманивали на ночной дороге какого-нибудь странствующего менестреля).

Этот танец нельзя было описать человеческими словами. Грация, красота, нечто завораживающее — все это были лишь приблизительные определения. Сварог просто смотрел, представления не имея, сколько времени прошло. Одно мог бы сказать: танцует человек, и все движения, все пирамиды и фигуры, соответственно человеческие — но явственно ощущается нечто не в полне человеческое, нечто д р у г о е...

Канилла легла с ним рядом, прижалась, грустно сказала:

— У меня получается довольно скверно...

— Ну что ты, — сказал Сварог. — Красивее танца я и не видел.

— Потому что вы видели только м е н я, — с той же легкой грустью сказала Канилла. — Я ведь дриада только на четверть, это сказывается. Видели бы вы бабушку, когда она меня, совсем маленькую, учила танцевать в своем лесу... Часть способностей она потеряла, но все равно, куда мне до нее...

Сварог усмехнулся:

— Мэтр Анрах руку бы отдал на отсечение, точно, чтобы увидеть, как ты танцуешь...

— Не сомневаюсь, — фыркнула Канилла. — Только постараемся уж обойтись без ученых книжников, и больше ни о чем меня не расспрашивайте, пожалуйста. Чтобы я не чувствовала себя этаким объектом научного исследования...

— Не буду, — сказал Сварог. — Честное слово.

— А вообще-то у нас в семье об это м говорили очень мало и скромно, — сказала Канилла. — Мне всегда казалось, что бабушка в самой глубине души все же чуточку тоскует о прошлой жизни. Ни о чем не жалеет — они с дедушкой всегда жили счастливо, — но чуточку тоскует... Правда, мне думается, она тосковала бы сильнее, оставаясь в этом мире другие дриады. Но они исчезли — то ли в другие места, то ли навсегда...

— А один-единственный вопрос можно? — спросил Сварог. — Что, никто так и не знал, кто она?

— Ну, конечно, — сказала Канилла. — Представляете, каким объектом нездорового любопытства она бы стала, выплыви правда наружу? Жизни бы не было...

— Да уж... — сказал Сварог.

— А то и впрямь... объектом научных исследований, — сказала Канилла сердито. — Магистериум, Мистериор... Технион тоже уже существовал. Ученые и книжники не в состоянии пройти мимо чего-то необычного, как пропойца не в состоянии пройти мимо кабака... — она звонко рассмеялась. — Хотя я сама в этом отношении ничуть не лучше, меня теперь от «семи ручейков» не оторвать... Благо получается вроде бы неплохо...

«Интересно, — подумал Сварог. — Возможно в генеалогии и секрет ее нешуточных успехов, достигнутых в самые короткие сроки». Профессор Марлок совершенно серьезно сказал ему как-то: «Черт его знает, как так получается, но эта соплячка, не закончившая и двух курсов Лицея, уже работает на очень серьезном уровне, как настоящий ученик». Быть может, все дело в четвертушке крови дриады? Написал же не так давно один молодой астрофизик из Магистериума интересную статью, где утверждал: вполне возможно, наука получила бы крайне любопытные и оригинальные результаты, если бы удалось привлечь к научной работе не людей. Правда, доказательств он никаких привести не мог, и научная общественность — да и он сам — отнеслась ко всему, как к шутке».

— Тех, кто з на ет, по пальцам можно пересчитать, — задумчиво сказала Канилла, видимо, следуя каким-то своим мыслям. — Яна. Я ей под великим секретом рассказала, когда мы были совсем девчонками, — а секреты она хранить умеет, — засмеялась. — А самое забавное, знает и принц Эльвар. Это сейчас он забросил всякую семейную магию, за исключением необходимой для лара бытовой. А когда был совсем молоденький и не пил так люто, многим интересовался. И как-то почуял. Бабушка рассказывала: в один прекрасный день заявился к ней с визитом и с порога бухнул: «А я знаю, кто вы, маркиза!». Но пообещал держать язык за зубами и до сих пор держит. Они с бабушкой какое-то время даже чуточку приятельствовали, но потом она неосторожно предложила навсегда излечить его от пьянства — это когда он уже пил вовсю. Принц страшно обиделся и заявил, что не может приятельствовать с людьми, делающими ему т а к и е предложения. Столько лет прошло, а они так и не помирились...

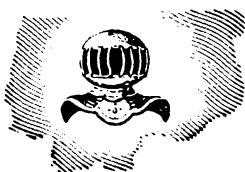
— Интересно, а бабушка разрешала тебе все это мне рассказывать? — спросил Сварог.

— Разговора об этом не было, — сказала Канилла. — Не разрешала, но и не запрещала, а что не запрещено, то разрешено. Вы ведь, я совершенно уверена, никому не расскажете?

— Слово короля, — сказал Сварог.

— Я в вас не сомневалась, командир... — и добавила уже другие тоном: — А ночь уходит...

И первая обняла его.

 Глава IV

О КАМНЯХ И НЕ ТОЛЬКО О НИХ

Он всегда просыпался чутко, а уж в последнее время... Открыл глаза. Небо за высоким окном было уже синеватым, рассветным, Канилла стояла у постели, смотрела на него ласково и печально. Увидев, что он проснулся, бледно улыбнулась, наклонилась, приложила палец к его губам и сказала тихо:

— Это был первый и единственный раз, и мы никогда больше об этом не вспомним. Правда?

— Слово короля, — сказал Сварог. — Спасибо, Кани. Слов не могу подобрать...

— И не нужно, — сказала она, полное впечатление, заботливо. — Я бы для вас что угодно сделала, к чему тут слова... — и улыбнулась чуточку веселее. — Ну вот, бабушка была права, вы ни капельки не похожи на себя вчерашнего, совершенно такой, как всегда... Я пойду, пожалуй, скоро начинается рабочий день, а мне еще снять с компьютеров то, что вчера обговаривали...

— Действительно, — сказал Сварог. — Как бы не увидел кто...

Канилла улыбнулась:

— Мы же одни во всем здании. И моя комната как раз напротив.

«Ай да комендант, служака с непроницаемой рожей, — подумал Сварог. — Поди, угадай, что творилось у него в голове, когда он отвел ему номер как раз напротив комнаты Каниллы. Ну, всегда было впечатление, что он умнее, чем старается показать... Да ладно. Что бы он там себе ни решил, молчать будет, как рыба... Верный человек и жизнь понимает так, как ее кое в чем понимают только военные...»

Хотелось сказать что-то нежное и теплое, но он не находил слов. Канилла произнесла просто:

— До встречи на службе, командир...

Грациозно повернулась и пошла к двери. Сварог смотрел ей вслед, и такова уж мужская натура, что он не чувствовал ни раскаяния, ни стыда — только легкую грусть оттого, что это никогда не повторится, а оно ведь никогда не повторится, Канилла свое слово держит железно, да и сам он не стал бы пытаться ни за что...

Когда за Каниллой защелкнулся замок, он посмотрел на часы. Времени было достаточно — и выпить кофе, и быстренько пройтись по зданию — вдруг есть что-то новое? — и к Канцлеру он успевал распрекрасно. Извлек из воздуха большую кружку кофе, глиняную, пузатую — сейчас не до гурманства, а кофе он давно уже «настроил» именно такой, какой любил, в меру крепкий, не особенно горячий, без сахара. Подумав, поставил ее на столик и прошелепал босыми ногами к высокому зеркалу, по пути движением пальца включив свет. Присмотрелся к себе.

Все так и есть: ничего похожего на понурого типа с потухшим взглядом, плетущегося вчера по коридору научного здания. Такой, как всегда — ну, разве что в глубине глаз затаилось что-то, о тебе ты тоски и грусти. Что поделать, есть вещи, с которыми и дриада не в состоянии справиться. Но вот же чь душу перестало, как жгло все прошлые дни. Теперь работать и работать, лучшего лекарства не придумано...

Когда он вышел на крыльце — собранный и деловой начальник девятого стола, готовый яростно работать с самыми головоломными загадками, уже совсем рассвело.

«Он и в первую очередь мне не простили бы, превратись я в медузу, — подумал Сварог, — все они успели проникнуться тем самым цинизмом войны, что людям, в жизни не попавшим в жестокие переделки, незнаком и способен иных прекраснодушных мечтателей ужаснуть».

Он задержался на крыльце — на посадочную площадку как раз опустился синий с серебром брагант Томи, а там и она вышла, направилась к зданию — упругим шагом человека, знающего, что у него впереди масса серьезных дел. В мундире, на лбу — белая повязка, здесь съяточного в заводе нет, это чисто таларский военный обычай: так носят неделю траур по погибшим друзьям. Откуда она о нем узнала? Ах да, она же знакома с Гаржаком...

Он не то чтобы избегал девушку в эти дни — просто старался без лишней необходимости с ней не встречаться. Как ни вдалбливал себе, что все это глупость и самовнушение, не мог отделаться от мысли, что Томи смотрит ему вслед и думает: «Почему ты вернулся, а он остался там?». Это не здесь родилось — еще в прошлой жизни он не раз испытывал нечто подобное, когда возвращался из горячих мест, а другие оставались там навсегда. И не он один, ох, не один...

Хорошо еще, с ним никогда не бывало того, что порой случалось с другими: когда вдова, себя не помня в горестной истерике, выкрикивает в лицо: «Почему ты вернулся, а он — нет?»

И не объяснить ей, что так уж легли пуля или осколок, или прилетел нож. Ладно, не будем больше об этом, работать пора...

Он вошел в приемную. Там все было, как обычно: бдительно прохаживалась парочка часовых, двое дежурных сидели за пультами, в углу за своим столом, тоже установленным парой-тройкой электронных устройств, расположился комендант. А справа протянулся рядок кресел

для посетителей, которых по тем или иным причинам не следовало до выяснения пускать дальше приемной. Кресел имелась дюжина, все пусты, кроме одного.

В нем сидел герцог Орк — без меча, со шляпой на коленях. Вскочивший при виде Сварога, вот чудо, прямо-таки радостно. Комендант прилежно доложил:

— Господин герцог прилетел час назад и, узнав, что вы здесь, попросился к вам на прием.

«Эт-то еще как прикажете понимать? Ни свет, ни заря, собственно. Когда рабочий день еще не начался... Однако, если вспомнить, что этот субъект ничего не делает зря...»

— У меня к вам дело, не терпящее отлагательств, лорд Сварог, — сказал Орк с крайне примечательным выражением лица: там смешались и стремление сохранить гордое достоинство, и явное нетерпение, и словно бы, вот чудо, тень некоего и с к а т е л ь с т в а, а может, робости — ни то, ни другое чувство Орку как-то не свойственно... Что-то серьезное должно было стрястись, чтобы у него стал т а к о й взгляд...

Сварог глянул на часы: к Канцлеру он успевал вполне, времени было с запасом.

— Ну что же, пойдемте, герцог, — сказал он, делая приглашающий жест в сторону парадной лестницы.

Краем глаза заметил, что комендант, не сводивший с них бдительного взгляда, опустил руку на клавиатуру одного из своих пультов. Усмехнулся про себя: насколько он знал коменданта, едва Орк окажется в его кабинете, возле кабинета Сварога непременно окажется пара-тройка терминаторов из здешнего спецназа. Ну, когда имеешь дело с Орком, лучше пересолить, чем недосолить...

Как он и думал, секретарь в его личной приемной оказался на месте — нет, ну когда он спит и где живет? Лицо свежее, полное энергии и готовности исполнить любой приказ. Здесь же сидела и Канилла — в мундире, аккуратно причесанная, с невозмутимейшим лицом, словно ничего и не было — женщины это от-

лично умеют. Она проворно встала и подала Сварогу плоскую синюю коробочку, в которых обычно хранились здешние флэшки-«спички», сказала насквозь служебным тоном:

— Здесь все материалы, что вы просили, командир.

— Спасибо, — сказал Сварог. — Можете идти, штабсержант.

Она четко повернулась через левое плечо и вышла (успев все же бросить быстрый любопытный взгляд на нежданного гостя).

— Проходите, герцог, — сказал Сварог. — Садитесь. Келимаса хотите? Настоящего?

— Не откажусь...

Направляясь к шкафчику, Сварог мимолетно бросил взгляд на маленький экранчик, установленный так, что любому посетителю он был не виден. Там светилась надпись: «При посетителе нет ни оружия, ни работающих электронных устройств». Это, конечно, комендант, пока Орк торчал внизу, постарался посмотреть, что у него за душой.

Сварог свою чарочку лишь пригубил из вежливости — время чересчур уж раннее, — а вот Орк осушил до дна и смотрел с таким выражением, словно не прочь был тут же отправить следом вторую. Определенно, он волновался. Сварог — что тут скромничать? — налил ему вторую, столь же молниеносно повторившую судьбу первой.

Кивнув на дверь, Орк сказал с чуточку вымученной улыбочкой:

— Поразительно, как вы ухитрились так быстро вымуштровать этих юных шалопаев...

— Опыт, — сказал Сварог сухо. — Еще?

— Если вас не затруднит...

Да что с ним такое? На себя не похож...

С третьей Орк раздался столь же моментально, на миг прикрыл глаза, чуть откинув голову:

— Пожалуй, хватит, спасибо... Разговор нужно вести на трезвую голову...

— С чем пожаловали в такую рань? — спросил Сварог не то чтобы сухо, но тоном насквозь деловым.

Орк на секунду отвел взгляд:

— Хотелось бы поговорить по душам...

— Почему бы и нет? — сказал Сварог, положительно, игра приобретала интерес. — Коли уж по душам... Уж извините за вульгарное любопытство, но чертовски хотелось бы знать, почему вы себя повели на Сегуре именно так? «До первой крови»? Учитывая, что несколько лет назад вы как-то подробно расписали, насколько «тепло» ко мне относитесь... У вас ведь был шанс. Честно признаться, я не знаю, кто из нас лучше в бою на мечах. Убить меня, может, и не убили бы, но серьезно поранить могли. Что вас автоматически делало королем Сегура и Дике.

Вот тебе Орк улыбнулся давно знакомой улыбкой — хищной, умной.

— Верите вы или нет, лорд Сварог... — сказал он. — Но сейчас я об этих словах сожалею. Мы оба тогда были гораздо моложе. Можно сказать, в нас бурлила юность... С тех пор многое изменилось. Очень уж высоко вы взлетели, чтобы всерьез пытаться претворять в жизнь юношеские угрозы. Здесь нет ничего от трусости, не подумайте. Просто-напросто я за эти годы научился, как бы это назвать, разумной предусмотрительности. Если человек откажется выходить на каталаунского тигра с одним дамским кинжалчиком, никто ведь не посчитает его трусом, верно?

— Безусловно, — сказал Сварог.

— Ну вот, вы понимаете...

«Интересно, врет или нет? — подумал Сварог. — Быть может, и нет, умен он был всегда. Я ему сейчас попросту не по зубам, должен понимать...»

— Так вот, — сказал Орк. — Даже если бы я вас не убил, а просто серьезно ранил, нет никаких сомнений: сегурским королем мне удалось бы пробыть в лучшем случае неделю. Непременно всадил бы кинжал в спину кто-нибудь из ваших головорезов — вы собрали, должен признать, отличную команду... Иногда даже завидно.

Если бы я знал с самого начала, что и вы будете участвовать, не полез бы в это дело... Вас удовлетворяет такое объяснение?

— Полнотью, — сказал Сварог. — Ну, а что же за дело, заставившее вас нагрянуть ни свет ни заря?

Словно не слыша, Орк задумчиво продолжал:

— Конечно, те юношеские угрозы были сущей мелодрамой из комедии масок, но все равно, отношение к вам не изменилось. Как-то так получилось, что мне не осталось достойного места на Таларе, куда ни посмотри — всюду ваши короны и флаги. — У него вырвалось с неподдельным надрывом: — Черт побери, ну как это вам удалось?

Возможно, ему просто хотелось выговориться. Сварог серьезно сказал:

— Возможно, все дело в том, что меня почти каждый раз приглашали. Сами. И кое-что я сделал, дававшее основание для таких приглашений. Надеюсь, вы не усматриваете в этом похвальбы?

— Не усматриваю, — сказал Орк. — Простая констатация факта, я понимаю. И все равно, какая разница? Главное, тебеерь мне нечего делать на Таларе. А здесь, за облаками, я дохну от скуки, это место не для меня...

— Отправляйтесь на Сильвану, — усмехнулся Сварог. — Вот уж где непаханое полюшко для ваших интриг и каверз... Меня там в ближайшую пару сотен лет уж точно не будет.

— Кто вас знает...

Сварог демонстративно посмотрел на часы:

— У меня не так уж много времени. Мне вскоре лететь к Канцлеру, а он любит пунктуальность. Так что, давайте оставим эту лирику для более подходящего случая. Как я понял, вы пришли с каким-то серьезным делом... К начальнику серьезной конторы. Не будете ли так любезны...

Орк натянуто улыбнулся:

— Сложилась странная ситуация, лорд Сварог, прямо-таки парадоксальная. Я вас ненавижу, но, поразмыс-

лив, почему-то именно к вам решил обратиться за помощью...

— За помощью? — небрежно повторил Сварог. — В жизни не помню, чтобы вы искали у кого-то помощи...

— А теперь вот пришлось, — сказал Орк без улыбки. — Дело в следующем. При весьма загадочных обстоятельствах ко мне в руки попал весьма загадочный предмет. Вот... — Он сунул руку в карман камзола и выложил на стол классический черный камень-компьютер тех же размеров, что у патриция, идеально отполированный, овальный, с выступавшим на одной стороне круглым бортиком с продолговатой луночкой внизу.

Сварог знал, что сохраняет на лице совершеннейшую невозмутимость — как-никак он давно уже не был королем-первогодком, научился владеть лицом и в нелегких словесных поединках с земными дипломатами, иным из которых пальца в рот не клади, и в беседах с Канцлером. И на допросах присутствовал не единожды. Так что опыт имелся. Орку совершенно ни к чему знать одну из тяжелых государственных тайн — что он со своим компьютером далеко не первый...

Поэтому он поднял брови и постарался прибавить в голосе самого естественного удивления:

— И что это за булыжник? Это и есть ваше серьезное дело?

Ручаться можно, Орк купился. Он воскликнул словно бы даже с негодованием:

— Это не булыжник! Это компьютер.

— Это? — показал Сварог пальцем с оттенком легкой брезгливости.

— Представьте себе, — прямо-таки огрызнулся Орк. — Оказывается, бывают и такие...

— В жизни не видел.

— Вы еще столько в этой жизни не видели... Говорю вам, это самый настоящий компьютер!

— Вообще-то всякое бывает, — примирительно сказал Сварог. — Иногда для спецопераций компьютерам при-

дают самый необычный вид... Можно посмотреть? — он повертел камень в руках так, словно видел его впервые. — Интересное исполнение, ни за что не подумаешь... Покажите, как он включается.

— У вас не получится, — сказал Орк. — Так уж сложилось, что включать его и работать на нем могу только я.

— Интересно... — сказал Сварог с таким видом, словно впервые слышал о таких вещах. — Герцог, простите великодушно, но здесь явно присутствует логическая неувязка. Компьютер вам достался «при весьма загадочных обстоятельствах», но управляться с ним можете только вы...

— Так уж сложилось. Это отдельный разговор, и долгий.

— Ладно, отложим на потом, — сказал Сварог. — Время поджимает. Покажите тогда, что там есть... там ведь наверняка что-то есть, и вы пришли показать его, а не сам компьютер...

— Извольте. Только должен предупредить сразу: с а м я туда ничего не вводил. Все, что там есть, уже там было...

— Показывайте.

Повторилось то, что Сварог уже наблюдал у патриция Кадората, — Орк положил подушечку большого пальца в луночку, зажмурился, пошевелил губами. Сварог обошел стол и встал за плечом Орка. На темной поверхности стола, меж его краешком и компьютером, появилась клавиатура из неяркого синего света. Над компьютером засветилась тусклово-синяя полоса прямоугольного экрана.

Орк коснулся нескольких клавиш. Экран залило синим светом, ярче рамки загорелись черные буквы — стандартный компьютерный алфавит, принятый повсеместно. Крупными буквами: ИМПЕРАТРИЦА, ВАРИАНТ ПЕРВЫЙ.

Потом появилось изображение коридора. Сварог его узнал по люстрам, малахитовым медальонам на стенах, высоким вазам в полукруглых проемах. Келл Инир, ко-

ридор за Бриллиантовыми Пикинерами, ведущий в личные покои Яны.

Потом показалась она сама, в знакомом Сварогу бежевом платье, шла как бы на камеру, в сопровождении незнакомого сановника — судя по роскоши одежды. То ли видеозапись, то ли отличная компьютерная графика. Сановник, как и полагалось, предупредительно держался в шаге за ее левым плечом. Лицо у нее было спокойное, безмятежное.

И вдруг что-то произошло. Яна сбилась с шага, словно споткнулась на безукоризненно ровном полу, устланном мягким ковром, приостановилась, лицо стало удивленным, застывшим — и она стала падать, подламываясь в коленках, заваливаясь на правый бок.

Сановник не дал ей упасть, подхватил за талию левой рукой — в правой у него был кинжал с широким лезвием, — осторожно опустил на ковер. Она не шевелилась, смотрела в потолок застывшим взглядом. Наклонившись над ней и, видимо, убедившись том, что все кончено, сановник бросил рядом окровавленный кинжал, быстрым шагом направился прочь, свернул направо, в первый же боковой коридор, исчез с глаз. Картинка оставалась неподвижной: Яна, уставившаяся в потолок безжизненным взглядом, ни единой живой души в коридоре...

У Сварога захолонуло сердце — до того натурально все выглядело, настоящая документальная съемка... Орк нажал клавишу — и картинка исчезла, экран вновь стал синим.

— Что это такое? — спросил Сварог в полной растерянности.

— Смоделированное покушение на императрицу, — кривя губы, сказал Орк. — Там есть еще несколько вариантов. И не на нее одну — еще на нескольких человек, на вас в том числе...

— А еще?

— Оба принца и Канцлер.

«Господи ты, боже мой! — подумал Сварог. — За Яну не стоит особенно беспокоиться — у барона Абданка каждый человек проверен на сто кругов. Канцлер с некоторых пор держит в своей резиденции серьезную охрану и без нее не летает. А вот у обоих принцев охраны нет вообще. Канцелярию земных дел охраняют четверо чисто декоративных раззолоченных гвардейцев, предназначенных исключительно для того, чтобы производить должное впечатление на земных монархов. У Элвара в его каталаунском замке нет ни единого охранника, по Каталуану он болтается в сопровождении одного единственного камердинера, не обученного военному делу...»

— Ну, и что все это должно означать? — спросил он тихо, недобро, нависая над герцогом, так и державшим пальцы на светящихся квадратиках клавиатуры.

— Представления ни имею, — ответил Орк, чуть побледнев. — Слово чести, я сам сюда ничего не вводил, каким его получил, таким и привез. Лорд Сварог... не стоит паниковать. У вас еще есть время. Она сказала, что пройдет не меньше месяца, прежде чем эти... планы начнут претворяться в жизнь, а то и побольше.

— Я и не думаю паниковать, — сухо сказал Сварог. — Я просто думаю, как мне лучше всего выполнять свои служебные обязанности. Значит, есть еще какая-то загадочная «она»...

— Вот именно... Она пришла сама... Я ни о чем подобном не просил, мне бы и в голову не пришло... Понятия не имею, почему они обратились именно ко мне...

Сварог покривил губы:

— Вероятно, оттого, что всем известен ваш высокоморальный облик и безукоризненная репутация... Ладно, некогда болтать. Ваш брагант здесь?

— Где же ему еще быть?

— Выключайте эту штуку. Сейчас полетите со мной к Канцлеру, там мы все это вместе посмотрим, все и расскажете. Не вздумайте перечить — арестую, власти хватит...

Но Орк, сразу видно, перечить и не думал. Сварог впервые видел его таким — прямо-таки в совершеннейшей растрапанности чувств. Тогда, в Горроте, он и то держался гораздо хладнокровнее. А впрочем, компьютер, да еще невиданного облика, врученный при каких-то загадочных обстоятельствах, с та к и м содержимым, и человека вроде Орка способен всерьез напугать. В особенности если сам он не собирался ни во что подобное впутываться...

— Да, когда вам его д а л и? — спросил Сварог, подхватывая портфель с «тарелочками» и всеми привезенными из Сегура бумагами.

— Вчера, поздно вечером, чуть ли не в полночь...

— Ладно, пошли, — сказал Сварог. — Идите в свой брагант, я на минутку задержусь...

Когда Орк вышел из приемной, Сварог повернулся к секретарю и сказал, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало ни тени растерянности или уж тем более паники:

— Девятому столу — Белая Тревога. Сколько у нас солдат в маноре?

— Тридцать два.

— Шестерых отправите в Канцелярию земных дел, пусть возьмут под охрану приемную его императорского высочества, — он понизил голос: — Возможно покушение на обоих принцев, так что при любой угрозе пусть оружие пускают в ход без церемоний. Все понятно?

— Так точно, господин директор! — приняв некое подобное стойки «смирно», ответил секретарь (человек изначально штатский, но, как и все прочие, не обойденный вниманием коменданта и потому усвоивший кое-какие азы). — Но вот принц Элвар...

— Да уж, — с чувством сказал Сварог. — Выясните, где он сейчас. Если у себя в маноре или у кого-то в гостях здесь, за облаками, достаточно будет шести человек. Если в Каталауне — пошлите на поиски человек двадцать на десятке брагантов. Если у принцев возникнут вопросы — у первого они наверняка возникнут, у Диамер-Сонири-

ла, — пусть старший группы ссылается на мой приказ и высшую государственную необходимость. И твердит, что сам представления не имеет, в чем тут дело... и, кстати, ничуть не покривит душой. В общем, обеспечить защиту от любого возможного покушения. Выполняйте.

Резко развернулся и сбежал по ступенькам. С собой он охрану брать не стал — брагант у него был боевой, весьма даже неплохо вооруженный. А Орк вряд ли пустится в бега — он, никаких сомнений, хоть и не сказал об этом прямо, кинулся сюда спасаться от неожиданных сложностей жизни...

Два браганта рванулись, как пущенные в небо стрелы. «Ну вот и доигрались, — подумал Сварог. Началось вроде бы с пустяков — если считать пустяками помошь пирату в отлавливании самых жирных „купцов“; давным-давно убитому бандиту — в планировании безупречных по исполнению операций, а патрицию Кадерату — в воровстве информации из Канцелярии земных дел, позволяющей зашибать неплохую денежку. А кончилось все уж серьезно. Орк сказал „она“. Интересно, что за персона? И под какой личиной на сей раз выступает загадочный противник? Одно уже сейчас можно сказать со всей уверенностью: против них играет разумная сила, уж в этом-то никаких сомнений...»

...Герцог Орк трудился старательно и прилежно, стахановец хренов, исправно выполнял просьбы зрителей, чаще всего — Канцлера. Останавливал изображение стоп-кадром, возвращал назад; выводил на весь экран лицо очередного убийцы. Канцлер, Сварог и профессор Марлок сидели за его спиной. Четвертый, неприметный человек средних лет, несомненно, один из особистов Канцлера, снимал все происходящее на экране крохотной видеокамерой: ну понятно, все придется просмотреть еще не раз, а как скачать информацию с этого компьютера, никто понятия не имел, Орк в том числе.

«Второй вариант» — то есть второе покушение на императрицу. Снова пустой коридор Келл Инира, только

другой. Ни единой живой души, если не считать неподвижно стоявшего у колонны Бриллиантового Пикинера. Когда показалась Яна, он остался стоять статуей, как дворцовому часовому и положено. А когда Яна его миновала, выхватил из-под щедро расшитого бриллиантами парадного мундира небольшой черный бластер и выстрелил ей в спину. Еще когда она падала ничком, отшвырнул свое табельное оружие — нечто вроде гуфы с несколькими сверкающими трубочками по обе стороны вычурного лезвия — и резво припустил прочь по коридору, тут же исчезнув из кадра.

(Так уж сложилось, что только после самоубийства Гаудина Сварог узнал кое-что о степени опасности для ларов лучевого оружия. Прежде как-то речь не заходила, повода не было. Лучевое оружие бывает двух видов. «Пунктирное», то есть стреляющее отдельными импульсами, для лара не опаснее щекотки. А вот бьющее непрерывным лучом на манер гиперболоида — стопроцентная смерть. Те же правила, что касается копья, топора, ножа. Луч точно так же является *п р о д о л ж е н и е м* руки. Сварог никого ни о чем не спрашивал, но давно и крепко подозревал: в давние времена, когда магическая система защиты ларов только-только формировалась, кто-то из тогдашних владык с умыслом установил именно такие правила: чтобы его подданные не были оченъ уж неuzziмы. Благоразумный, право, был человек. Любой король вам скажет, что подданные — та еще публика, способная устроить и мятеж, и переворот, и цареубийство. Так что весьма неосмотрительно было бы в данном случае делать их полностью неуязвимыми от оружия посередине меча или копья. Один серьезный промах этот неведомый умник допустил: Сварог на его месте сделал бы се бя и свое семейство как раз неуязвимым полностью даже для ножей с алебардами. Благоразумный человек просто обязан был об этом подумать. Ну, возможно, вступили в игру те самые примечания мелким шрифтом, нашлись некие непреложные законы, делав-

шие п о л н у ю неуязвимость невозможной. Возможно, по тем же причинам не появились и какие-нибудь «магические кольчуги» — некое силовое поле, делающее человека неуязвимым для любого абсолютно оружия — от луча бластера до примитивного удара поленом по голове. За несколько тысяч лет кто-то да должен был о таком подумать. Но никаких «магических кольчуг» так и не появилось. Есть, правда, комбинезоны с капюшонами, выполняющие как раз эти функции, но какой король, даже проведав, что ему грозит покушение, стал бы в нем расхаживать по дворцу круглые сутки? Что интересно, земная магия тоже не знает никаких «магических кольчуг» — только заклинания, касающиеся, так сказать, частностей — отводящие, когда стрелы, когда пули, хранящие то от топора, то от ножа, то от меча, но никогда — от в с е х видов холодняка сразу... Примерно так обстоит с ним самим: на земле носит под одеждой великолепную толладскую кольчуту тройного плетения, снимая ее только в спальне. Но голова-то остается беззащитной, и по ней в любой момент можно приложить чем угодно, хоть кочергой...).

Третье покушение — Сварог невольно скрипнул зубами — произошло в Латеранском дворце. Яна (для Латераны — баронесса Вильмер) спокойно спускалась по Ажурной лестнице. Поднимавшийся навстречу ливрейный лакей, почтительно поклонился (ну, каждая собака во дворце знает, в каком качестве состоит при его величестве баронесса), а поравнявшись с Яной, молниеносно выхватил кинжал и ударил ее в сердце. Нелепо распластавшаяся на ступеньках фигурка в знакомом палевом платье, расползающееся пятно крови, казавшееся черным на черном чугуне...

Сварог надеялся, что на этом и кончится. Напрасно: вспыхнула надпись: «Императрица. Четвертый вариант». На сей раз — лесная чащоба, определенно Каталуан: поляна, густо заросшая алыми гроздьями «вдовьих слез» и золотистыми шарообразными скоплениями мелких

цветочков асендаля, и те и другие цветы на Таларе растут только в Каталауне. Вокруг поляны — типично каталаунский лес: сосны со свисающими с веток пучками горной омелы, заросли раскидистых папоротников... Почти посередине поляны уткнулся клыкастый мордой в густую траву здоровенный секач, утыканный стрелами (и обитатели земли, и лары до сих пор ради остроты ощущений предпочитают огнестрельное оружие на охоте не использовать, разве что по птице).

Вокруг — с дюжину всадников, кто-то уже спешился, кто-то еще в седле, успокаивая разгоряченного азартной погоней коня, Сварог машинально отметил, что у половины на поясах — черные стандартные кобуры с солидными бластерами: ага, охрана. Вот и барон Абданк, бдительным взглядом обшаривающий окрестности. И все, кто с кобурами, не на зверя смотрят — наблюдают за подступами, грамотно рассредоточившись, охотничий азарт их не затронул нисколечко, люди на службе, а службу они знают...

Он наконец высмотрел Яну — как и все остальные, она была в зеленом костюме, кожаной каталане, со скрамасаксом на поясе и колчаном за спиной (луки у всех в пригороженных к седлам саадаках). Яна и еще трое стояли над кабаном и о чем-то оживленно толковали, показывая на стрелы. Точнее, на их оперение, сразу же поймет знающий человек. Сварог сам два раза побывал на каталаунских охотах и знал, в чем тут дело: у каждого охотника свой цвет оперения стрел, и всякий раз над добычей начинается беззлобный (сердиться и горячиться — дурной тон), но весьма темпераментный и долгий спор — чья именно стрела оказалась смертельной, а чья, в общем, все равно, что пропала зря.

Из леса с двух сторон вдруг выметнулись пронзительно-синие лучи бластеров, скрестились на людях в зеленых костюмах и вмиг в **и** **к** **о** **с** **и** **л** и все живое — и людей, и лошадей. Крепко досталось и мертвому кабану, но ему было уже все равно...

Смотреть клятый «четвертый вариант» оказалось гораздо тягостнее, чем предыдущие, — потому что лучи оказались синими. Желтый луч бластера прожигает дыру, пусть и несовместимую с жизнью, но все же... Синий — р е ж е т. В точности как гиперболоид инженера Гарина. Есть еще зеленый, но это вовсе уж форменная жуть, не к ночи будь помянута...

Пятого варианта, слава тебе, господи, не последовало. Экран недолгое время мерцал — ни букв, ни изображения. Сварог успел с облегчением подумать, что на этом гнуся и кончилась, — но тут же оказалось, что радовался рано. Появилась надпись: «Принц короны Диамер-Сонирил. Первый вариант». Выходит, это не просто подготовка покушения на Яну, тут что-то более сложное...

В кабинет принца входит человек, одетый, как лар. Судя по лицу Диамер-Сонирила, визитера он хорошо знает. Вот только визитер выхватывает бластер... Короткий, справа-налево, росчерк синего луча — и в роскошном кресле сидит безголовое тело в усыпанном орденами мундире. Крови нет — от жара луча кровеносные сосуды моментально спекаются...

Длинный коридор Келл Инира. Принц неторопливо, как и подобает человеку его положения, вообще благородному лару (спешат только лакеи, адъютанты и прочая п о д ч и н е н а я публика), идет по коридору, показанный со спины. Навстречу ему гораздо более быстрым шагом, как и положено, движется ливрейный лакей. Вот он, поклонившись, разминулся с принцем... и, оказавшись за спиной, делает быстрый полуоборот. Кинжал вонзается под лопатку, напротив сердца (у Сварога мелькнула дурацкая в этих условиях мысль: ну да, в грудь нечего и пытаться, ордена являются собой сущую кольчугу).

Лес, не густой и не редкий, в самую, как говорится, пропорцию. Земля голая, ни травинки, ни кустика. Ага! Это наверняка скадер-клуб (скадер — очень популярная здесь игра, похожая на гольф, только, в отличие от гольфа, мячик следует прогнать по лесу из конца в конец,

аккуратненько меж деревьев, чем меньше рикошетов от стволов, тем больше очков). Ну да, катится полосатый, сине-голубой мячик, появляется принц с клюшкой. Значит, это «Радуша» — принц играет только в этом клубе, привычки у него устоявшиеся.

Из-за дерева за его спиной бесшумно появляется человек в ливрее клубного служителя, вскидывает руку с бластером. Желтый луч впивается в затылок Диамер-Сонирила, и тот рушится ничком, нелепо вывернув руку с клюшкой, а убийца так же бесшумно исчезает... Как было только что с Яной, и здесь четвертый вариант оказался самым мерзостным...

Малая столовая в маноре Диамер-Сонирила (Сварог однажды обедал у принца и сразу ее узнал). За столом, рассчитанным на десяток персон, принц с супругой, оба его сына с женами. Сварог и это уже знал: раз в неделю принц устраивает семейный обед, каковую традицию блoudet свято, как и все остальные свои установления, ну, педант же невероятный...

Дверь в дальнем конце столовой резко распахивается, в проеме возникают две фигуры — и навстречу зрителю ударяют два луча «синих» бластеров, проходятся над столом вправо-влево. Все кончено в какие-то секунды. Никого живого.

Но самым гнусным оказалось не это... На экране появилась комната, где под присмотром пожилой нянушки играют все три внука принца (старшему — шесть, младшему — три). Брыкаются двое, то ли те же самые, что устроили резню в столовой, то ли их сообщники, и пронзительно-синие лучи х л е щ у т по ничего не успевшим понять малышам...

Сварогу пришлось приложить некоторые усилия, чтобы подавить позывы к тошноте. Он побывал не на одной войне, и в прежней жизни, и здесь повидал всякое, не раз убивал сам, но это зрелище... Сидевший слева от него Марлок тихо, яростно выругался последними словами.

Картина исчезла, на экране снова лишь синее мерцание — Орк сидел в прежней позе. Значит, будет продолжение. Сварог знал, кто станет следующим...

Так и есть. Принц Элвар... Снова коридор Келл Инира, снова навстречу идет ливрейный лакей, минует с поклоном — и бьет кинжалом в спину, против сердца. Второй вариант. Неширокая быстрая речушка, водяная мельница, на ней крутятся колеса, на падающих с лопастей каплях воды играют крохотные радуги — день прекрасный, солнечный. Справа, в тени раскидистого клена, за простым столом из некрашеных досок сидит принц Элвар, благостно поглядывая на стоящую перед ним большую бутыль из темного стекла, — в таких крестьяне держат домашнее вино. К столу, улыбаясь, идет симпатичная женщина лет тридцати пяти, в чепчике, обшитом узенькой белой каймой, — значит, овдовела давно. В руках у нее большое блюдо с малосольными огурчиками и крупно нарезанной розовой ветчиной. Ага, это, надо полагать, и есть та самая мельничиха, давняя сердечная подруга принца, о которой, похоже, знает весь Катауун и многие за облаками, — Элвар не делает из этого тайны, зачем? Старый холостяк и одинокая вдовушка — что тут дурного?

Откуда-то справа, из подступившего к самой реке лесочка, ударяет желтый луч, и принц рушится с простецкого стула, мельничиха роняет поднос, хватается за щеки, разинув рот в беззвучном крике...

В третий раз смерть настигает принца в его собственном маноре, в собственной спальне. Он спит, лежа на спине, определенно хранил во всю ивановскую, полностью одетый, сбросив только сапоги — надо полагать, пито было хорошо. В спальню проскальзывает проворный, несуетливый субъект, и над спящим занесен широкий кинжал...

И наконец каталаунский дворец принца (Сварог и там бывал пару раз, сиживал за столом в этом самом зальчике, так что узнал его сразу). Никакой роскоши, обстановка довольно скромная, ни за что не скажешь, что здесь

обитает принц короны, похоже скорее на жилище небогатого дворянина средней руки. Стол ломится от бутылок и блюд с закусками, гульба идет вовсю, сам принц и с полдюжины непрятательно одетых на каталаунский манер собутыльников (явно из самых что ни на есть простых) — еще за столом, а вот трое уже под столом в совершеннейшем блаженстве, то есть в полной отключке.

Врываются двое, тоже скромно одетые на каталаунский манер, и по бражникам хлещут пронзительно-синие лучи...

Канцлер. Снова коридор Келл Инира, идущий на встречу лакей, кинжал в спину... Сварог подумал: о н и сплошь и рядом работают по шаблону — а, впрочем, шаблон довольно действенный, в т а к и х делах, в общем, нет нужды изощряться, придумывая какие-то сложные варианты...

Похоже, одна из лестниц в здании, в котором они сейчас находятся. Канцлер энергичными шагами спускается к ее подножию, где вытянулся в струнку человек в ало-синей форме фельдъегеря императорского двора. И получает прямо в лицо удар того же луча...

Спальня. Надо полагать, поздняя ночь — свет погашен, на широкой супружеской постели мирно спят двое. В дверь бесшумно проскальзывает темная фигура — и на постель, как топор палача, обрушивается пронзительно-синий луч...

Снова спальня, но уже другая. На сей раз у изголовья горит неяркая лампа в виде золотистого шара, и Канцлер уже не с супругой, а с молодой очаровательной блондинкой — ну да, про эту блондинку давненько уже ползают осторожные слухи, даже и ему прекрасно известно (Сварогу рассказала Яна). Канцлер вдруг, изменившись в лице, быстрым движением сует руку под подушку. Поздно — по лежащим в постели ударяет пронзительно-синий луч...

Так-так... Ну что же, следовало ожидать, логично, в общем...

Теперь на экране умирает он сам. Келл Инир, коридор, лакей, кинжал... Шаблон работает. Нож на сей раз в спину...

Сварог — сейчас король королей — неторопливо идет по прекрасно ему знакомому Смарагдовому коридору Латеранского дворца, ведущему в его «личное» крыло. Окон там нет, но, судя по горящим лампам, всем до единой, наступил вечер. Он проходит мимо очередного постового дворцовой стражи — тот, как и положено, застыл статуей, чуть расставив ноги, уперев в каменный пол обнаженный меч, держа обе руки на эфесе. И едва Сварог его минует, стражник с невероятным проворством бросается на него сзади, вгоняет в спину меч. Сварог машинально отметил: эти мерзавцы явно понятия не имеют, что по дворцу, даже на балах, он никогда не ходит без поддатой под одежду толладской кольчуги — так что, случись это в реальности, Сварог отдался бы синяком, а вот покушавшемуся пришлось бы скверно...

Вот это уже что-то новенькое... Он едет верхом в сопровождении двух ратагайцев по незнакомой улочке, неширокой и безлюдной. Явная окраина, но район, сразу видно, из приличных — аккуратные домики небогатых градских обывателей, то в один, то в два этажа, в перемешку с солидными купеческими лабазами. Из окна одного из таких домиков и ударяет по всадникам пронзительно-синий луч. Сварог поморщился: собственно, это все равно, что кино, но все же чертовски неприятно видеть, как рушится на немощеную улочку твоя голова вместе с левой рукой...

Вообще, педантичные сволочи: каждой м и ш е н и отведено четыре варианта, всякий раз четыре...

Погасив экран и клавиатуру, Орк обернулся к ним и с чуточку вымученной улыбкой сказал:

— Это все. Больше там ничего нет...

— Ну что же, — бесстрастно сказал Канцлер, — теперь, думаю, пришла пора поговорить?

Он уселся за стол, на свое обычное место, достал трубку и кисет, сказал так же бесстрастно:

— Переставляйте кресла, господа, как вам удобнее... — подождал, когда все это сделают, и, упервшись в Орка тяжелым взглядом, промолвил с явственными приказными нотками в голосе: — Ну, а теперь рассказывайте, герцог, как к вам попала эта штуковина. Подробно, обстоятельно, по-деловому.

— Я ни о чем подобном никогда не слышал, а ведь многое повидал... — начал Орк.

— Без лирики, пожалуйста, — тем же тоном сказал Канцлер.

— Да, конечно, простите... — видно было, что Орк волнуется, хотя и старается это скрыть.

Канцлер, чуть усмехнувшись, сделал небрежное движение пальцами — и на столе перед Орком возникла немаленькая серебряная чарка, определенно с келимасом.

— Выпейте, — сказал Канцлер. — Нервы у вас, я смотрю, в последнее время подрасшатались...

— Подрасшатаются после такого... — сказал Орк. — Благодарю вас.

Он одним махом осушил чарку, чуть поморщился, совершенно по-крестьянски утер губы рукавом. «Крепенько же тебя прижало, прыткий ты наш, — не без легкого злорадства подумал Сварог, доставая сигарету из своего о б ч н о г о портсигара. — Сам не свой, хотя изо всех сил стараешься фасон держать...»

— С чего же начать... — протянул Орк.

— Обычно лучше всего начинать с начала. Как-нибудь вроде: «Началось все с того...»

— Началось все с того... — послушно, словно школьарь за учителем, повторил Орк. — Началось все с того, что я прилетел к себе в манор вечером, настроение было не приподнятое и не скверное — так, обычное... Решил посидеть за бутылочкой, как раз привез с земли ящик неплохого келимаса. Ну, и устроился в каминной. У меня там, кроме прочей мебели, зеркало от пола до

потолка, довольно старое, осталось от отца, он собирал земной антиквариат, еще когда я был мальчишкой, привез откуда-то из Ронеро. Я антиквариатом не интересуюсь, но отец говорил, что какой-то известный старый мастер... — он вскинул на Канцлера исполненные какой-то собачьей тоски глаза. — Я и пьян-то не был, успел опрокинуть пару чарочек, как раз налил третью, и тут...

— Я, простите, на секунду прервус, — сказал Канцлер. — Сколько было времени? Особенная точность не нужна, можно примерно.

— Примерно час до полуночи, — сказал Орк. — Верхний свет не горел, я зажег только лампу на столике, люблю так вот посидеть за бутылочкой в полумраке, — добавил он таким тоном, словно извинялся. — Я сидел перед камином, разжигать его не стал, зеркало было справа, уардах в пяти от меня. И вдруг увидел краем глаза: оно словно бы наливается неярким сиянием изнутри... Повернулся туда. А сияние становилось все ярче и ярче... Признаюсь, испугался. Чуточку, — торопливо добавил он. — Самую чуточку. Исключительно потому, что никогда прежде о таком не слышал, хотя повидал всякое. Неизвестное порой пугает, знаете ли.

— Да, случается, — ровным голосом сказал Канцлер. — И дальше?

— В конце концов там, по ту сторону зеркала, стало совсем светло, как в солнечный день, хотя непонятно было, откуда идет свет, никаких ламп я не видел. Там было что-то вроде сводчатого коридора. Почти вплотную к той стороне зеркала стояло кресло, а в нем сидела девушка. По моему глубокому убеждению, самый обычный человек, я ведь, как любой лар, умею определять... Не почувствовал ни черной магии, ни присутствия нечистой силы. Тут испуг, знаете, как-то улетучился: уж девушками-то меня не запугать, пусть даже объявившись таким вот образом. Для пущего успокоения чувств опрокинул чарку одним махом. Какое-то время стояла

тишина. Я смотрел на нее, а она смотрела на меня с легонькой такой улыбочкой, стерва...

— Почему стерва? — спросил Канцлер.

— Да потому, что нагрянула в гости таким вот образом... — зло поморщился Орк.

— Как она выглядела?

— При других обстоятельствах я бы... Совсем молодая, чертовски красивая. Волосы длинные, светлые, глаза голубые, вид самый что ни на есть добродетельный и невинный, так выглядят либо благонравные, либо дорогие шлюхи высокого полета... Длинное, едва ли не до пят платье, светло-серое. Встреться она мне на земле, я бы с уверенностью сказал, что портной у нее хороший и дорогой. Никаких украшений. Потом она улыбнулась — право, обворожительно — и спросила, не испугался ли я. Мелодичный такой голосок, приятный. Я к тому времени совершенно опомнился. Не показывать же страх перед какой-то девкой, пусть и нагрянувшей в гости столь необычным образом. Так и сказал, что у меня нет привычки пугаться очаровательных девушек, я им всегда готов поцеловать ручку... Встал, подошел к зеркалу. Хотелось и в самом деле к ней прикоснуться, окончательно убедиться, что это обычный человек. Ничуть не боялся, что она обернется чем-то жутким, сцепает и уволочет неизвестно куда, — никак не мог ошибиться, там не было ни черной магии, ни нечистой силы. Только ничего не получилось. Стекло, такое впечатление, куда-то исчезло, но что-то не пускало. Невидимая преграда, наподобие силового поля. Эта стерва с улыбочкой, медовым голоском попросила меня вернуться в кресло, сказала, что дотронуться до нее не получится. Добавила, что знает меня, назвала мое имя. Я спросил, как зовут ее. Она мило так, непринужденно сказала: «Фея Желаний». В жизни не слышал о такой фее. А вы, господа? Тоже нет? Но она представилась именно так... Я спросил, почему обязан столь высокой честью видеть очаровательную фею (на какое-то время он стал прежним Орком, напористым

нахалом, ценителем молодых красоток). Вот тут она мне и объяснила все подробно... По ее словам, ее жизненное предназначение в том и заключается, чтобы исполнять человеческие желания... почти любые. В том числе и те, что каким-нибудь моралистам могут показаться не-приглядными. Мол, такова уж ее натура: она стоит, если можно так выразиться, по ту сторону добра и зла, она — нечто другое. Конечно, она не исполняет грязных желаний всевозможных маньяков, садистов и извращенцев, она просто «Как бы поточнее выразиться?» — мило улыбнулась эта стервочка — на многое смотрит гораздо шире, нежели моралисты и приземленные обыватели. Черт побери, да я сам такой, что скрывать, господа. На многое смотрю... шире.

Так я ей и сказал. Она ответила, что рада встретить родственную душу. И мои желания ей известны: подняться гораздо выше той ступеночки, на которой я сейчас стою. Добавила, что лично она не видит в таких желаниях ничего грязного, порочного, извращенного. И может мне помочь. И спросила: как бы я отнесся к предложению стать Канцлером Империи? Я, простите за вульгарность, чуточку обалдел. И сказал то, что думал: занять этот пост мне, пожалуй, будет довольно-таки трудновато. Ничего подобного, ответила она, при определенных условиях это как раз будет довольно-таки легко. И с улыбкой опытной шлюхи промурлыкала: необходимо уточнить, что это предприятие связано с кое-какими событиями, способными ужаснуть моралиста или человека высоконравственного. Но ведь вы, продолжала она с той же сузьей улыбкой, насколько ей известно, не относитесь ни к тем, ни к другим? Я ей сказал чистую правду: именно так и обстоит. И почувствовал себя вовсе уж спокойно, — он усмехнулся. — С людьми такого прошиба, неважно, будь то мужчина или женщина, я всегда себя чувствовал крайне спокойно и непринужденно, совершенно по-свойски. Ну вот такой я аморальный тип, господин Канцлер, таким уж уродился...

Канцлер все тем же ровным, бесстрастным голосом сказал:

— Герцог, я не монах и не священник. У меня хватает дел и без того, чтобы выносить оценку чьему-то моральному облику. Она, конечно же, вам подробно объяснила, в чем предпринятое заключается?

— Вот именно, — сказал Орк. — Очень подробно, мило улыбаясь, как будто речь шла о покупке нового платья или замене управляющего имением. — Он криво умехнулся. — Без предрассудков девочка, мне такие нравятся... С безмятежной улыбкой, с невинным лицом все это изрекала... По ее словам, здесь, у нас, существует группа заговорщиков — сильная, крепкая, состоящая из людей высокопоставленных, влиятельных, с немалыми возможностями. Имен она пока что называть не будет, но придет время, когда введет меня в их круг. Она уже кое-что с ними обговорила, и они ничего не имеют против того, чтобы Канцлером стал я... Как обладатель кое-каких полезных качеств и человек определенного склада. А дело, сказала она, в следующем. Они намерены, ни много ни мало, сменить династию. Называя вещи своими именами, уничтожить императрицу, принцев короны... ну, и вас, господин Канцлер и лорд Сварог, как людей наиболее для них опасных. И с любопытством наблюдала за моей реакцией. Простите великодушно, я не упал в обморок, в общем, остался спокоен. В конце концов, ничего особо жуткого я не услышал. У нас с ничего подобного не случалось, но на земле происходило не раз... Простите за цинизм, но дело чуть ли не житейское, кое-кто из здесь присутствующих с подобным сталкивался сам.

И он с неприкрытым намеком уставился на Сварога. Сварог постарался сохранить каменное лицо — но в глубине души закопошилось нечто вроде стыдливой досады. Крыть было нечем, мерзавец это должен прекрасно понимать. Он вспомнил пылающий загородный дворец снольдерского короля, затонувшее судно, на котором погибли все, кто имел кое-какие права на ронерский трон,

потворство Бони в приращении х о з я й с т в а , кое-что еще... К превеликому сожалению, многое из оставшегося за спиной словно бы ставило его на одну доску с Орком, и нечем тут крыть...

— Не отвлекайтесь, герцог, я вас душевно прошу, — холодно сказал Канцлер. Уж он-то, при его уме, должен был тут же понять, что творится у Сварога на душе, и Сварог был благодарен за вмешательство...

— Короче говоря, далеко не впервые в истории, — сказал Орк. — Конечно, императрица очаровательна, признаюсь, господа, в юности я одно время был в нее по-настоящему влюблён, но жизнь, знаете ли, сложилась так, что романтичного во мне осталось мало... Точнее говоря, не осталось вовсе. Так что я остался спокоен. Она, конечно же, это отметила. Положила на пол этот камушек, подтолкнула его носком туфельки, и он выкатился на м о ю сторону зеркала. Она пояснила, что это компьютер, объяснила, как с ним работать. И добавила, что это и будет моим первым поручением: просмотреть все, проанализировать, обдумать и для каждого случая выбрать лучший, на мой взгляд, вариант. Потом, сказала она, придется выполнить еще парочку поручений — ну конечно, самому мне рук пачкать в крови не придется, никто этого от меня не требует. Но кое-какие поручения выполнить нужно — мне тоже придется потрудиться ради будущей высокой должности, я наверняка должен прекрасно понимать, что заговорщики — отнюдь не благотворители. Сказала: через пару дней со мной свяжутся — естественно, через этот компьютер.

В особой спешке нет нужды, времени достаточно, с о б ы т и я развернутся самое малое через месяц, а то и через полтора. На этом, по ее мнению, и следует закончить беседу — она прекрасно видит, что я не намерен отказываться или проявлять эмоции. Очаровательно мне улыбнулась, свет в зеркале стал тускнеть, и очень быстро вновь появилось самое обычное стекло... Вот, собственно, и все, господа.

— Все? — переспросил Канцлер, не сводя с него умного, цепкого взгляда. — Она что же, не пыталась вам угрожать какими-нибудь... неприятностями в том случае, если вы поступите так, как поступили? Всегда, когда человека вовлекают в заговор — а уж тем более в та к о и, его непременно предупреждают о суровых карах, которые обязательно последуют в случае измены...

— И тем не менее... — сказал Орк. — Не было и намека на угрозы, что меня даже чуточку удивило. Вы совершенно правы, в таких случаях угрозы непременно следуют. Но их не было...

— И что вы делали дальше?

— Пил, — с вымученной улыбкой сказал Орк. — Надирался. Все же это было настолько неожиданно и ошеломительно... Даже для человека вроде меня. Пил, пока не уснул в кресле. Проснулся очень рано, глотнул отрезвляющего и спокойно все обдумал. Решил во всем этом не участвовать, более того, сдать эту стерву к чертовой матери, — он улыбнулся уже чуть увереннее. — Не буду врать, господа, дело не в моих высоких моральных качествах — нет у меня таковых, что греха-то таить. Просто... Как бы вам объяснить... Понимаете, слишком уж все это н е о б ы ч н о: эта, простите, сучка из Зазеркалья, странный компьютер... Заговор сам по себе ничего необычного в себе не таил — мало ли случалось подобных? А вот эта чертова фея, или кто она там... Категорически не хотелось связываться с т а к и м. Никогда не был трусом, но н е п о н я т н о е сплошь и рядом пугает. Особенно такое... Вот и полетел рано утром к лорду Сварогу. Больше мне, собственно, нечего рассказать...

— Ну что же... — сказал Канцлер. — Крайне любопытно, крайне... Что ж, герцог, вы заслуживаете лишь искренней благодарности, — он жестко усмехнулся. — Вот только... боюсь, хотите вы этого или нет, вам придется несколько дней погостить здесь, в маноре. Для вас найдутся отличные комнаты, ни в чем не будет недостатка... но несколько дней вам провести надо у меня в гостях. Об-

суждению это не подлежит, — в его голосе прозвучали металлические нотки.

— Вы меня арестовываете? — напряженно улыбаясь, спросил Орк.

— Да помилуйте! — воскликнул Канцлер словно бы даже с негодованием. — Ну что вы такое говорите, герцог? Арестовывать человека, добровольно выдавшего та к о й заговор? Достойного всяческих похвал? Речь идет о чисто практических, деловых соображениях. Мы не знаем ни одного из заговорщиков. Эта гостья из Зазеркалья могла вам солгать насчет месяца-полутора или чего-то недоговорить. Второе, согласен, под вопросом, а вот первое... В такой ситуации следует на любые с о б ы т и я реагировать прямо-таки молниеносно. Когда они выйдут с вами на связь, — а они непременно выйдут — мы должны будем узнать об этом моментально. Так что вы должны быть под рукой. — Он сузил глаза: — Повторяю, обсуждению это не подлежит.

— Как вам угодно, я и не думаю ни спорить, ни протестовать, — сказал Орк, натянуто улыбаясь. — Если того требуют интересы дела, остается подчиниться...

— Рад, что мы поняли друг друга, — кивнул Канцлер. — Сейчас вас проводят. Если с вами выйдут на связь, немедленно поставьте в известность человека, который будет находиться... поблизости. Вот и он...

Вошел молодой человек с холодком в глазах и, глядя на Орка, сделав приглашающий к выходу жест, сказал с вежливой непреклонностью:

— Пойдемте, господин герцог, я вам покажу ваши апартаменты.

Орк встал, с деланой невозмутимостью поклонился Канцлеру и вышел в коридор. Молодой человек пошел следом, дверь за ними закрылась. Сварогу пришло в голову, что он уже четвертый раз сталкивается с загадочными непонятностями, исходящими от зеркал. То странное зеркало в доштурмовом метро под Равеной. Случай в Глане. Зеркало, превратившее его в собаку, — это уже не

загадки и непонятности, это гораздо хуже. А уж то, что он только что услышал...

Вошел человек лет сорока, с тонким лицом учителя математики или музыканта, державшийся с уверенностью своего.

— Вам давно следовало познакомиться, лорд Сварог, — сказал Канцлер. Замотался, простите, столько дел... Лорд Галан, граф Элонг, начальник четвертого стола моего Кабинета... Я думаю, вы уже догадались, чем этот стол занимается?

— Конечно, — сказал Сварог, пожимая протянутую руку.

Хотя какие там догадки, Яна ему давно рассказала, что собой представляет четвертый стол — личная спецслужба Канцлера. Галан сказал ему непринужденно, словно старому знакомому:

— Лорд Сварог, пожалуйста, учитывайте одно обстоятельство. Герцог Орк меня знает в совершенно другом качестве, считает обычной канцелярской крысой, пусть и в немалом чине. Как и многие другие. Я бы хотел, чтобы все и далее оставались в этом заблуждении. Потому и пришлось наблюдать за вашей беседой из соседней комнаты...

— Понял, — сказал Сварог. — Можете не беспокоиться, ни одна живая душа не узнает...

— Будем работать вместе?

Сварог усмехнулся:

— Как гласит одна старая пословица, толпой и папашу бить легче...

— Садитесь, Галан, — сказал Канцлер чуточку нетерпеливо. — Нам очень многое нужно обсудить. Начнем, пожалуй, с Орка. За все время разговора он ни разу не соврал, но трижды о чём-то умолчал. Лорд Сварог, вы так удивленно на меня смотрите...

— Вы так уверено это говорите, словно умеете читать мысли. Никогда не замечал за вами этой способности...

— Ну что вы, — усмехнулся Канцлер, — мысли я читать не умею. И никто не умеет. Новейшие технологии...

Он коснулся клавиши на одном из пультов — кроме компьютера и дешифратора на его обширном столе помещались еще четыре небольших, но сложных пульта совершенно непонятного Сварогу назначения. Справа послышалось тихое шуршание, и он повернулся в ту сторону. Квадратный кусок стены отъехал в сторону, открыв скрывавшийся за ним круг — с тарелку размером, золотистого цвета, сплошь покрытый шестигранными ячейками и оттого похожий на пчелиные соты. Дав Сварогу время его рассмотреть, Канцлер вновь тронул клавишу, квадрат скользнул на прежнее место, и стена вновь казалась монолитной.

— Мысли этот прибор не читает, — сказал Канцлер. — К превеликому сожалению. Устройство для чтения мыслей так и не удалось пока создать, хотя отдельные энтузиасты — и в Магистериуме, и у Марлока не опускают рук до сих пор... Научное название у него крайне заковыристое, никак не могу запомнить, да в этом и нет необходимости. В обиходе мы его зовем «индикатором искренности». Как он работает, на каких принципах, не знаю не только я, но и Марлок — это не его область. Да и ни к чему мне знать принципы... Мне достаточно одного: я твердо знаю, что, когда человек солжет в ответ на прямой вопрос, на экранчике — он показал куда-то под столешницу — загорится определенный значок, а когда о чем-то умолчит — другой. И знаю, что «индикатор» не дает ни осечек, ни «недосмотров».

— Когда я принимал восьмой департамент, мне о таком приборе ничего не сообщили, — сказал Сварог. — Неужели от меня там что-то скрывают?

— Нет, — сказал Канцлер. — Просто это — самые новейшие технологии. У меня пока что первый прибор, недавно запущенный в серийное производство. Когда будет готов второй, вы его непременно получите, пригодится.

— Еще как, — кивнул Сварог.

И постарался сохранить абсолютно невозмутимый вид. До него только сейчас дошло...

Во время двух разговоров с Канцлером в этом самом кабинете, он пару-тройку раз именно что лгал в ответ на прямые вопросы. И пару-тройку раз кое о чем умалчивал — речь всегда шла о тех возможностях, которыми он располагал в Хельльстаде. На миг стало зябко. Разговоры эти состоялись не так уж и давно. Был тогда здесь уже установлен этот чертов индикатор или еще нет? Если был, зная Канцлера, стоит всерьез предполагать, что во время разговоров со Сварогом аппарат был включен. И зафиксировал как ложь, так и умолчание. Скверно, если так. Нельзя предугадать, чем все кончится, с Канцлером никогда ничего неизвестно. И никак нельзя спрашивать прямо, когда был установлен аппарат. Весьма неприятная ситуация...

Показалось ему или в самом деле в глазах у Канцлера таится некая многозначительная хитринка? Поди пойми Канцлера... Самый закрытый человек из всех, кого Сварог здесь знал, что за облаками, что на земле. Криптограмма без ключа.

— Лорд Сварог... — сказал Канцлер, — вы больше других общались с Орком, вы его знаете лучше...

Сварог пожал плечами:

— За все годы, что я здесь, я с ним общался шесть раз. Причем одна встреча, предыдущая, свелась к поединку и только. В Сегуре. Так что меня никак нельзя считать большим специалистом по Орку.

— Я неточно выразился, — сказал Канцлер. — Говоря о «других», я имел в виду здесь присутствующих. Марлок с ним не общался вообще. Я беседовал дважды, включая сегодняшнюю встречу. Галан с ним пересекался раза четыре — именно пересекался. Ни разу не было общения. Как уже прозвучало, Орк искренне считает Галана неинтересной канцелярской крысой, не заслуживающей внимания. Так что всякий раз удостаивал его пары фраз, не более. На наше монополии, и в самом деле,

предстаете, как вы удачно выразились, большим специалистом по Орку, согласитесь.

— Ну, пожалуй...

— За время его рассказа о визите загадочной гостьи он о чем-то умолчал трижды, — сказал Канцлер. — В первую очередь меня интересует третий, последний раз. Когда говорил о мотивах, подтолкнувших его пойти к вам и все выдать. Он нисколечко не врал, когда говорил, что не понятное его пугает. Но чего-то недоговаривал. Должно быть что-то еще, кроме страха перед непонятным. Как по-вашему, что бы это могло быть? Подумайте, я не тороплю. И вовсе не жду от вас непререкаемых истин. Мне просто интересны ваши соображения на этот счет.

— Соображения есть, — сказал Сварог, подумав. — Не могу сказать, что знаю Орка очень уж хорошо, но кое-какое представление о нем составил. Он никоим образом не трус, ни в малейшей степени, но вот чутье на опасности и прочие жизненные сложности у него, как у хищного зверя. Он мог заподозрить, что его собираются надуть. Использовать, а потом вместо обещанного поста прикончить. В сочетании с непонятным это и могло привести к приходу с повинной.

— Резонно... — сказал Канцлер.

— Меня удивляет одно, — признался Галан. — Чесчур уж высокий пост ему предлагали, а это странно. Большинство заговоров как раз и устраивают для того, чтобы в о з в ы с и т ь с я. Зачем же отдавать один из самых лакомых кусков Орку? По сути, пришедшему на готовенько? Зачем им в о б щ е Орк? Невелика ценность, если рассудить. Что он такое, в сущности? Здесь, у нас, ни малейшим влиянием не пользуется. Болтается на земле. Авантюрист и интриган со стажем, но — неудачник. Прямо-таки роковое невезение его преследует. Если присмотреться и вспомнить его биографию... Искал на Инбер Колбта Крепость Королей — не нашел. Сунулся на Диори — но и там что-то не сложилось, потерял два корабля из трех и ретировался. Болтался в Лоране, пытался

стать там первым министром, но лоранские царедворцы, сто собак на интригах съевшие, его довольно быстро переиграли. Ограничилось все тем, что он несколько раз переспал с Лавинией, а это достижением назвать нельзя. В Ронеро спутался с очередными высокородными заговорщиками, возмечтавшими убить Конгера и посадить на трон одного из своих, — но тайная полиция заговор раскрыла, Орк еле ноги унес. Вы, часом, не знаете эту историю, лорд Сварог? Вы как-никак ронерский король.

— Знаю, — сказал Сварог. — Мне давали читать дело. «Еле ноги унес» — чересчур громко сказано. Тайная полиция дала ему сбежать, потому что никто не хотел связываться с ларом...

— Все равно. Очередной провал, верно? Он в е р т е л какие-то интриги с герцогиней Мораг, но чем все кончилось в Харлане, присутствующие должны помнить. Месяца три он искал в Иллюзоре, Ямурлаке и Пограничье легендарные клады, где даже якобы лежит Черная Корона, — но и тут успеха явно не добился.

— А что такое Черная Корона? — спросил Сварог.

— Вы не слышали? — слегка удивился Галан.

— Не приходилось как-то, — пожал плечами Сварог. — Судя по тому, что мне о ней ни разу не говорили серьезные люди там, внизу, это что-то третьестепенное, а на такое у меня нет времени...

— Я бы не назвал это третьестепенным, — сказал Галан. — Конечно, если только Корона действительно существует, во что лично я не верю. Черная Корона — это и в самом деле корона, артефакт из времен, бывших глубокой древностью еще до Шторма... А иные считают даже, что она принадлежала Изначальным. Дает своему владельцу огромную магическую мощь... вот только лишь малое число серьезных книжников верят в ее существование — а большинство полагают очередной сказкой. Кстати, и те и другие сходятся в одном: эпитет «Черная» к ней прилагается не просто так... В общем, и Корону Орк не нашел. И так — во всех его «предприятиях». Все прова-

ливалось. Самое последнее — тоже. Мои люди мне уже доложили, лорд Сварог, как он пытался стать королем Сегура и Дике — что для него вовсе уж мелко, но и там не повезло, нарвался на вас... Одним словом, хронический неудачник. На кой черт он заговорщикам, задумавшим столь серьезное дело с самой высокой ставкой — троном Империи?

Канцлер сказал ровным голосом:

— Галан, я вас чертовски ценю и уважаю, вы отличный работник, вы на своем месте... Но, простите великодушно, вы сделали крупную промашку. Кое о чем забыли. За Орком числится один достаточно серьезный успех. Н а в ь и. Да, что бы они там ни замышляли с Мораг, все провалилось, однако вспомните числа. Еще покойный Гаудин обследовал могилы в Ямуулаке и Пограничье, вскрытые Гарпагом определенным образом, — так, что извлечены были только черепа. Таковых его люди насчитали около семи тысяч. А в Харлане навьев было перебито не более шестисот. Шесть с лишним тысяч куда-то з а п р о п а л и. Гарпаг был, по точным данным, последним, кто владел искусством создания навьев и командованием ими... Если только можно назвать это гнусное ремесло искусством. Насколько я помню из отчета лорда Сварога по операции «Полночные Ворота», Орк говорил ему в Равене, что харланские навьи принадлежали как раз ему.

— Был такой разговор, — кивнул Сварог.

— Это автоматически означает, что Гарпаг его научил если и не созданию навьев, то управлению ими. Есть сильные основания подозревать, что и остальные были, так сказать, заказаны для себя Орком. Не такой уж он хронический неудачник. Хозяин войска из шести с лишним тысяч навьев, которых где-то прячет в расчете на некий удобный случай. Лорд Сварог, вы знакомы со свойствами навьев?

— Как-то не изучал, — сказал Сварог. — Со временем харланских событий они ни разу не давали о себе знать, и я ими не стал заниматься...

— По сути это — боевые машины. Крайнее долговечные. Их можно оставить в каком-нибудь подземелье или пещере, усыпить, — и они там могут простоять сотни лет, понемногу обрастаю паутиной, — а потом их можно разбудить и пустить в дело. Шесть тысяч навьев — сила, опасная даже для нас. Конечно, наши солдаты с нашим оружием с ними справятся в открытом бою в два счета — но только в том случае, если успеют подготовиться заранее. А при внезапном налете еще неизвестно, за кем останется победа. Рассуждая трезво: если в этот манор сейчас внезапно ворвутся сотни две навьев — боюсь, они понесут нешуточные потери, но все же вырежут всех, кто сейчас тут находится... Мы так и не доискались, какие именно возможности есть, чтобы без летательных аппаратов попасть к нам с земли, но они есть. Уж если сюда способна проникать та примитивная шлюшка с горы Гундеми-Тенгри, о которой вы, лорд Сварог, писали в одном из отчетов... Я серьезно отношусь к рассказам о Вратах, или порталах, сквозь которые к нам можно попасть с земли. Судя по некоторым данным, люди Вингельта, освобождая Стакора и Эгле, воспользовались именно такими Вратами. Два других умолчания Орка приходятся на его рассказ о беседе с этой... феей. Вполне возможно, заговорщиков он интересует именно как владелец войска навьев, а значит, достаточно серьезная персона, какой стоит заплатить за участие и постом Канцлера... Потом, правда, можно и убить. Скажем, каким-то образом овладев секретом управления навьями. Так что вы его недооцениваете, Галан...

— В самом деле, про навьев я как-то запамятовал... — чуть сконфуженно признался Галан. — По тем же мотивам, что и лорд Сварог: о них слишком долго не было ни слуху ни духу... Но где он их может прятать?

— Да в каких-нибудь подходящих горных пещерах, которых превеликое множество, — и никто их не изучает, не составляет списка. Зачем, собственно? Или, скажем, в какой-нибудь Заводи — мы знаем далеко не обо всех, да и

не во все известные знаем пути... — он помолчал, задумчиво уставясь куда-то вдаль, потом усмехнулся: — Знаете, господа мои, не могу не отдать этим чертовым заговорщикам должное: задумано с большим изяществом. Если допустить — хотя и крайне этого не хочется, — что их план увенчается успехом, серьезного сопротивления они не встретят. Наши друзья и соратники наверняка не вступят в бой — потому что это бессмысленно, коли уж мы все мертвы. За что в таком случае драться? И за кого? Особенно, если главари скроют свое участие в заговоре, свалят все на каких-нибудь пешек, которых быстренько пристукнут при попытке к бегству... Трон без особых потрясений и волнений займет новый император — у них наверняка уже есть марионетка, а может, и не марионетка, может, сия личность и возглавляет заговор...

— Простите, Канцлер, можно вопрос? — сказал Сварог. — Я совершенно не интересовался этой темой, не видел смысла, никогда не предполагал, что возможен такой заговор... Предположим, и в самом деле, заговор прошел успешно, и все показанные нам компьютером Орка мертвы. Я примерно понимаю, кто в этом случае займет трон — кто-то из принцев или принцесс крови. Какими бы высокородными ни были заговорщики, лары не допустят к трону с топонего, верно?

— Совершенно верно, — сказал Канцлер. — Разве что в том случае, если не останется вообще никого из особ императорской крови или приравненных к ним — принцы и принцессы крови, их супруги и мужья, дети... Но их в качестве жертв компьютер нам не показал. Это означает, что марионетку-императора, а то и главу заговора следует искать среди них. Тем более что печальный прецедент имеется. Посвящу вас еще в одну строжайше охраняемую государственную тайну, лорд Сварог. Вы их и так немало знаете, одной больше, одной меньше... В подробности, уж простите, посвящать не буду, но суть расскажу: совсем недавно, и десяти лет не прошло, нашелся принц крови... Долго и успешно притворялся безобидным простачком,

а сам разработал достаточно умный план захвата престола, имевший огромные шансы на успех...

Сварог, естественно, не сказал, что прекрасно знает, о чем и о ком идет речь.

Спросил:

— А каков м е х а н и з м , дающий возможность в этом случае попасть на престол?

— Не такой уж сложный, — досадливо поморщился Канцлер. — Раньше в сложных случаях — когда, например, неожиданно умер отец Яны-Алентевиты и ей было всего шесть лет — судьбу престола большинством голосов решали на совместном заседании Палата Пэров и Тайный Совет. Что греха таить, вокруг них происходили, скажем так, дипломатические хитросплетения и политические баталии... С участием и других лиц. Вы как король с некоторым опытом понимаете, как все это выглядело...

— Увы... — грустно усмехнулся Сварог.

— После того как императрица распустила и Палату, и Совет, автоматически потерял силу и «Эдикт о престолонаследии». Требовался новый. Его составили быстро... и, боюсь, несколько небрежно, наспех. Отнеслись к этому чуточку несерьезно: императрица совсем молода, о судьбе трона думать рано, хватало более важных дел... Короче говоря, процедура упростилась: нового императора выбирают большинством голосов принцы и принцессы крови. Конечно, и в этом случае возможно, так сказать, неофициальное участие других лиц, но все равно процедура упростилась: принцев и принцесс чуть ли не впятеро меньше, чем было членов Палаты и Совета... — он помолчал, хмурясь. — Да, не исключено, что глава заговора — кто-то из принцев или принцесс, учитывая помянутый прецедент. — Он хмыкнул. — По-человечески их понять можно: крайне невесело прожить жизнь, зная, что имеешь некоторые права на престол Империи, но никогда его не займешь... Можно поддаться соблазну... — он задумчиво протянул: — Принцев и принцесс крови — девятнадцать, следовательно, столько же и по-

дозреваемых... Впрочем, нет. Восемнадцать. Принц крови Келивер — на пределе дряхлости, врачи уверяют, что жить ему осталось считаные недели. Он уже не в том состоянии, чтобы замышлять что бы то ни было, а в качестве марионетки он никому не нужен — куда годится марионетка, которой осталось пара недель?

— Строго говоря, одиннадцать, а не восемнадцать, — сказал профессор Марлок. — Трое несовершеннолетние, а четверо вообще малыши.

— Дружище, вы большой ученый, но никогда не были сильны в политических интригах, — мягко сказал Канцлер. — Вспомните п р е ц е н т. Несовершеннолетние, а уж тем более малыши распрекрасным образом го-дятся в марионетки. Кто-то из главарей заговора станет регентом, только и всего. Так что у нас — одиннадцать кандидатов в подозреваемые и семь — в марионетки. Все здесь присутствующие прекрасно знают, что за совер-шенолетними принцами и принцессами осуществля-ется плотное наблюдение с помощью и агентуры, и аппарата. Еще более усилившееся после... прецедента. Вдобавок двое из присутствующих как раз этот надзор и осуществляют помимо прочего...

— Мой соответствующий отдел восьмого департамен-та до сих пор не обнаружил ничего подозрительного, — сказал Сварог.

— Отдел Галана тоже, — сказал Канцлер. — Как и со-ответствующий отдел Кабинета императрицы. Что ни о чем еще не говорит. Есть способы утаить все и от аген-ттуры, и от аппарата. В конце концов, прошлый заго-вор обнаружили чисто случайно, и не службы, а люди, не имевшие к ним никакого отношения...

«Как же, помню, — подумал Сварог. — Простая де-ревенская бабка-сказочница родом с земли... История повторяется, похоже — но на сей раз у нас и бабки-ска-зочницы нет, мы знаем о заговоре, но не знаем ни одного имени, а где искать эту чертову фею, решительно неиз-вестно...»

— Вот что, господа мои, — сказал Канцлер. — По моему глубокому убеждению, мы до сих пор занимаемся второстепенным. Главный вопрос и главная загадка, мне думается, — Нериада. Судя по камням-компьютерам и ночной гостье Орка, против нас играет кто-то несомненно разумный. Природа на такие фокусы не способна. С этим, думаю, все согласятся. И вот тут-то начинаются вовсе уж головоломные загадки. Обитателей Нериады не зря в свое время метко прозвали «куклами», они решительно неспособны на подобное. А никого другого на Нериаде нет. По крайней мере, не было во времена операции «Невод»... Ах да! Лорд Сварог, вы о ней что-нибудь знаете?

— В общих чертах, особо и не интересовался, — сказал Сварог.

— Ну, понятно, оснований не было... — кивнул Канцлер. — Сейчас расскажу. Тем более что отчеты о ней в число государственных тайн не входят, всего лишь числятся под грифом «совершенно секретно», и ваш допуск, лорд Сварог, позволяет в любой момент с ними ознакомиться... Операция «Невод» была проведена шестьсот лет назад по приказу тогдашнего императора, перед тем как объявить Нериаду запретной зоной и оставить там рутинное наблюдение в виде орбиталов, до сих пор, кстати, безрезультатное. Помните, я вам рассказывал, как долго и старательно искали, но не нашли тот фактор, что делает обитателей Нериады «куклами»?

— Прекрасно помню, — сказал Сварог. — Он, конечно, должен быть, я ведь помню еще: те, кого с Нериады увезли, очень быстро стали из «кукол» обычными людьми.

— Совершенно верно. Так вот, перед тем как «закрыть» Нериаду и прекратить там исследования, решено было окончательно убедиться, что там нет никого другого, как раз и являющегося инициатором так и не обнаруженного фактора. Грандиозная была операция. Второй такой в нашей истории, пожалуй что, и не сыщешь. Длилась она два месяца, участвовали в ней все секретные

службы, Технион, Магистериум и Мистериор. Орбиталов и всевозможной аппаратуры доставили прямо-таки неметное количество. Сначала искали людей, таких, как мы. Потом — каких-либо существ, способных такие штуки проделывать. Потом — аппаратуру. Кто-то из наших предшественников довольно логично рассудил, что невозможно привести население всей планеты в такое состояние и постоянно держать в нем несколько тысяч лет без некой разветвленной сети излучателей. Но ничего не нашли во всех трех случаях. Для надежности, — он усмехнулся, — или от безнадежности, на всякий случай, стали проверять и самые экстравагантные версии. Кто-то предположил, что виновники невидимы, есть у них такое свойство. Долго и старательно искали невидимок — есть методы... Не нашли. Была гипотеза, что виновники — не белковые существа, а сгустки полей. Разумная жизнь на основе энергетических полей. И такого не нашли. В конце концов, операцию свернули и ушли... Но теперь оказывается, что не кто разумный на Нериаде все же есть. И он человекообразен. Будь облик этой ночной гостьи лишь маской, за которой кроется нечто иное, Орк это обнаружил бы, он на это способен, как любой лар. Если бы даже он увидел нечто ему непонятное, все равно увидел бы. А он видел в ней исключительно человека — и при этом не врал... У кого-нибудь есть соображения, версии, гипотезы?

Когда молчание затянулось, Сварог сказал:

— Гипотез у меня найдется даже две. Правда, обе склонные, только сейчас пришли в голову, когда я слушал рассказ про неудачную операцию...

— Ничего, — сказал Канцлер. — У остальных, я вижу, и скороспелых нет. Излагайте.

— Первая. Тогдашняя аппаратура была несовершенной и что-то не смогла обнаружить. Например, то самое излучение, делающее людей «куклами». Аргумент есть. Как выяснилось, чуть ли не вчера Брашеро создал аппаратуру, способную искусственно создавать «пя-

ты ручеек», и несколько лет ее успешно использовал для связи с сообщниками, а у наших служб попросту не было аппаратуры, способной эти передачи перехватить, — он покривил губы. — Потому что светило и корифей академик Уртalo держит в руках бразды правления, а согласно его глубокому убеждению, «ручейки» не заслуживают ни малейшего внимания. И никто их не исследует.

Марлок проворчал:

— Вообще-то, он большой ученый. Но с «ручейками», что уж там, дал маху...

— Что могло привести к самым печальным последствиям, — сказал Сварог.

Он представил Каниллу, совсем девчонку, растерянно стоящую перед вальяжным, безмерно уверенным в себе, язвительным светилом, стирающим ее в порошок. Своловь, пусть и большой ученый. Все и в самом деле могло кончиться скверно — победой Брашера и его шайки...

Марлок сказал удрученно:

— Я его, конечно, не защищаю... Но что поделать, если в науке не раз случалось, что крупнейшие ученые-корифеи совершили немаленькие ошибки и допускали глупейшие промахи...

— Вот только это не всегда могло привести к столь трагическим последствиям, как пренебрежение к «ручейкам», — сказал Сварог. — Теперь — гипотеза номер два. Этот пресловутый «фактор» — а он, вы меня убедили, должен существовать — является не делом рук кого-то разумного, а одним из последствий Шторма. Может быть, она высказывалась и прежде?

— Высказывалась, — сказал Марлок. — Но, как вы сами видите, ее пока что не удалось ни доказать, ни опровергнуть.

— Ну, в таком случае... — сказал Сварог, — то ли завершение гипотезы номер два, то ли гипотеза номер три. В и о в н и к и — я не берусь сейчас гадать, кто они — появились на Нериаде уже после объявления Нериады

запретной зоной. Быть может, не так уж и давно, потому что камни-компьютеры не так уж и давно известны.

— И откуда же они, по-вашему?

— Представления не имею по недостатку информации, — сказал Сварог. — Из Большого Космоса, из каких-то иных миров, скажем, Соседних Страниц...

— Гипотеза, в общем, толковая, — сказал Канцлер. — Но и ее, как вторую пока что нельзя ни доказать, ни опровергнуть... У вас все?

— Ну что вы, Канцлер, — усмехнулся Сварог, — я еще только вхожу во вкус... Есть еще вполне материальные вещи, обнаружившиеся в последние дни. Из-за них я к вам и прилетел ни свет ни заря. Сейчас я все расскажу и покажу — и будем ломать головы все вместе, потому что мне уже поперек души заниматься этим в одиночку. Вот извольте.

Он открыл портфель, выложил на стол довольно пухлую пачку листов — доклад Айвики, заключения экспертов-искусствоведов и даже листок с посланием от бабки Грельфи — как ни крути, а это, смеяйтесь не смеяйтесь, была официальная бумага, вышедшая из стен официального учреждения и подписанная официальным лицом в чине советника. Положил рядом две «тарелочки». Сказал уверенно:

— Как видите, господа, документы объемистые, да и написаны от руки, кроме четырех-пяти листов. Почерк разборчивый, но тем не менее, если вы начнете читать это по очереди, пройдет слишком много времени. Я все равно оставлю бумаги вам, Канцлер. Так что лучше будет, если я просто расскажу сам. Только главное, остальное вы сами потом прочтете...

— Рассказывайте, — невозмутимо сказал Канцлер.

Сварог принялся рассказывать, выделяя главное: о том, как встретился с Айвикой, о том, как побывал в Ратагайской Пуште и видел в каком-то другом мире х л е щ у щ и й по Талару с Нериады поток «третьего ручейка», как увидел его, вернувшись в этот мир, как Ка-

нилла определила, что это за поток лучей, и убедилась, что его источником является именно Нериада.

Выдержка у слушателей была отменная, у всех трех — за все время, пока он говорил, никто не притронулся к «тарелочкам». Только когда он сказал, что закончил, «тарелочки» пошли по рукам. А следом — и все три экспертных заключения. Потом на какое-то время воцарилось угрюмое молчание. Нарушил его, как Сварог и подозревал, Канцлер:

— Девушка в безопасности?

— В полной, — сказал Сварог. — Я ее увез в Латеранский дворец, поселил в своих личных покоях. Там двойная цепь охраны — у моего личного крыла и у находящихся в таковом моих личных покоев. Ратагайцы и гланцы. Чтобы через них прорваться, нужна рота, а кто же ее во дворец пустит? Все слуги — из моего манора.

— Есть еще и яды... — сказал Канцлер. — А личного повара у вас наверняка нет.

— Нет, — сказал Сварог. — Есть, конечно, отдельная королевская поварня, но повара там прежние... Я и это продумал. Еду и напитки ей возят из хорошего ресторана поблизости, а уж тут яд никак не подсыплем заранее: кто может знать, что именно мои люди на этот раз потребуют? К тому же они сразу проходят на кухню, берут готовое блюдо или следят за его приготовлением, так что яд подсыпать невозможно, — он усмехнулся. — Правда, проныра-ресторатор под этим соусом выклянчил через моего лейтенанта звание «Поставщик королевского двора». Ну, мне это ничего не стоит — всего-навсего вывеска, которую он к тому же будет заказывать за свой счет... Вообще-то я собирался сегодня привезти девушку сюда, к нам — вы ведь наверняка захотите с ней побеседовать, Канцлер?

— Непременно, — сказал Канцлер. — И Галан, я уверен, тоже, как-никак коллеги по ремеслу...

— Мне ее везти в девятый стол — у меня там неплохая гостиница — или сразу к вам?

— Давайте сразу ко мне, — сказал Канцлер. — У меня здесь тоже неплохие гостиницы... Предприняли что-нибудь еще?

— Ну конечно, — сказал Сварог. — Поднял на ноги все свои секретные службы на земле и агентуру восьмого департамента. Интагар у меня — золотая голова. Он быстро отыскал ответ на вопрос, над которым я сам долго и безуспешно ломал голову: почему столь безобидные вещицы возят контрабандой, хотя это распрекрасно можно было делать открыто, не вызывая ни малейших подозрений? Он считает, все просто: они хотят держать в тайне и с т о ч н и к, откуда эти штуки поступают. «Бадеш и сыновья» — чисто судовладельческая кампания, они не занимаются ничем, кроме перевозок. И на Сегуре все торговцы наверняка — посредники. Должен быть какой-то и с т о ч н и к. Может быть, он в Равене — именно там расположена главная контора Бадеша. Интагар туда улетел, должен вернуться сегодня вечером. Арестовывать мы пока никого не стали — рано, к чему нам посредники? Мне нужен и с т о ч н и к. Вот когда мы его найдем и понаблюдаем как следует, можно и подумать насчет активного следствия, — он жестко, недобро усмехнулся. — Есть у меня на земле мастера и по этой части... Еще я, когда Интагар вернется, «приставлю» к каждому кораблю Бадеша орбитал восьмого департамента — пока что я не знаю, сколько у него кораблей, Айвика засекла только один, а их, у Бадеша, она выяснила в капитанате Сегулы, не менее двух десятков, фирма крупная... Вот и все. По-моему, в данной ситуации это все, что можно сделать.

— Пожалуй... — кивнул Канцлер. — Помощь вам нужна? Скажем, лорда Галана?

— Наверное, нет, — сказал Сварог. — У меня достаточно людей и техники, а моя тайная полиция уже на хвосте у Бадеша... — он беззлобно усмехнулся. — Правда, я подозреваю, лорд Галан все равно будет заниматься расследованием самостоятельно. Знаю я нас, спецслужбистов...

Галан широко, открыто улыбнулся и пожал плечами с таким видом, что моментально стало ясно: будет. Как и Сварог на его месте. Ну ладно, пусть. Толпой и батьку бить легче...

— Ну, а вы что думаете по поводу услышанного от лорда Сварога? — спросил Канцлер, глянув на Галана с Марлоком.

— Лично мне эти настенные украшения ч е р т о в с к и не нравятся, — тихо сказал Галан. — Даже больше, чем компьютеры. С компьютерами ничего не понятно, но тарелочки — еще хуже. Из-за того, что эти самые обычные, по мнению экспертов, камни продают по весьма заниженной цене и перевозят контрабандой. Боятся, что какой-нибудь ученый книжник-минералог определит, что это не таларские и не сильванские камни? Но коли уж они пошли в открытую продажу, такой книжник рано или поздно может найтись... Абсурд какой-то... а меж тем все это, несомненно, имеет какую-то цель и смысл. Меня давно уже научил жизненный опыт: чем абсурднее и непонятнее выглядит нечто происходящее; тем оно опаснее и серьезнее...

— Полностью согласен... — проворчал Сварог.

— Да и я тоже, — кивнул Канцлер. — Профессор, что скажете?

— Ну, одна рабочая версия есть... — сказал профессор, уминая большим пальцем табак в трубке. — Допустим, это полностью на нас похожие пришельцы из Большого Космоса. Допустим, они, как предположил лорд Сварог, и в самом деле, прибыли относительно недавно... Что, если мы имеем дело с каким-то научным экспериментом? Подбрасывая компьютеры — и, непонятно зачем «тарелочки», — изучают человеческую психологию.

— В том числе и явившись в гости к Орку с очередным компьютером? — не без некоторой язвительности спросил Сварог.

— Почему бы и нет?

— А практический смысл? — сказал Сварог. — Какую научную ценность может иметь то, что Бетта общалась с заоблачными друзьями, вор крал, пират захватывал корабли, а патриций зашибал денежки, воруя информацию? Какая научная ценность в том, чтобы подбрасывать та к о е Орку? Посмотреть, пойдет он в спецслужбы или согласится примкнуть к заговору? И только? Странные какие-то получаются эксперименты...

— У них может быть своя логика, о которой мы пока что ничего не знаем, — живо ответил Марлок.

Сварог с сомнением пожал плечами:

— Не исключено, в виде гипотезы, и тем не менее... Сдается мне, профессор, вы смотрите на происходящее в первую очередь как ученый...

— Каковым и являюсь, — сказал Марлок.

— Вот то-то... — сказал Сварог. — А я — король и спецслужбист, причем неизвестно, чего во мне больше... Мне в первую очередь — и во вторую, третью, в десятую — подворачиваются кровь и грязные интриги. Так что я чуточку пессимист. И потому вижу в происходящем именно что заговор, а не научные эксперименты ч у ж и х...

— Я, конечно, не настаиваю, что моя гипотеза верная, — сказал Марлок. — Как и прежние, касательно Нериады, ее пока что нельзя не подтвердить, ни опровергнуть... но и вы пока что не можете доказать, что речь идет о реальном заговоре, ведь так?

— Так, — хмуро признался Сварог.

— Господа, — спокойно, но решительно сказал Канцлер, — по-моему, вам стоит эту дискуссию прекратить. Любые дискуссии бессмысленны, пока у нас нет новой информации... Поэтому, я считаю, совещание можно заканчивать. Я сейчас распоряжусь, чтобы бумаги отдали размножить... Вам ведь тоже нужен экземпляр, лорд Сварог? Сделают. Никаких приказов и никаких поручений давать не буду... — он усмехнулся. — Потому что не представляю, какие на данном этапе нужны приказы и поручения. Чем вы сами намерены заняться?

— Полечу работать, — сказал Галан, улыбаясь Сварогу так, словно хотел сказать: «Ну ты же свой парень, все понимаешь?»

Сварог ответил искренне дружелюбной улыбкой — он все понимал и не сердился — как можно сердиться на хорошую гончую, бросившуюся за зайцем?

— Ну, а я бы полетел в девятый стол и побеседовал с Каниллой Дегро, — сказал профессор.

— Извольте, — сказал Сварог. — Она там.

— Ну, а вы, лорд Сварог? — спросил Канцлер.

— Я, пожалуй, полечу в Глан и поговорю с начальником моей тамошней тайной службы и с книжниками, — сказал Сварог. — Гостья к Орку пришла из з е р к а л а. А именно в Глане чаще всего себя проявляли всевозможные, как там выражаются, з е р к а л ь щ и к и. Может, удастся узнать что-то полезное. Ну, а вечером буду ждать Интагара в Латеране. Не может случиться так, чтобы он вернулся с о в е р ш е н н о м и с чем, не тот человек. Что-то да привезет.

— Ну вот, все при деле, — сказал Канцлер. — А сейчас, господа, я хотел бы поговорить с глазу на глаз с лордом Сварогом о некоторых других делах...

Галан и Марлок встали без малейшей обиды на лицах. Марлок спросил Канцлера:

— Можно, я сам отнесу бумаги, чтобы их размножили? Быстрее будет...

— Извольте, — кивнул Канцлер.

Марлок повернулся к Сварогу:

— Лорд Сварог, вы разрешите взять одну из этих штучек?

— Сделайте одолжение, — сказал Сварог. — Вторую я тоже могу оставить. Если понадобятся еще, у меня в девятом столе они лежат, я привез с Сегура штук десять, на всякий случай...

Марлок сунул в карман «тарелочку», взял со стола бумаги, тщательно подровнял стопочку и вышел. Следом кабинет покинул Галан, «тарелочку» не попросивший, —

должно быть, не видел необходимости отдавать ее своим экспертам после того, как с ней поработали у Сварога, — а Марлок явно намеревался отдать ее в лабораторию Техниона.

Канцлер спросил непринужденно:

— Мне показалось, или вы, в самом деле, начали вдруг держаться настороженно?

Изо всех сил стараясь выглядеть невозмутимым, Сварог соврал без зазрения совести:

— Наверняка показалось, с чего бы мне вдруг... настороживаться?

— Действительно, с чего бы? — пожал плечами Канцлер. — Значит, показалось, эту ночь не спал вовсе, а в прошлую удалось подремать часа два, голова не такая уж и ясная, а з е л и й пить не хочется... Ну, давайте о деле. Я отоспал профессора и Галана отнюдь не потому, что речь пойдет о чем-то тайном, чего им знать нельзя. Тут другое. Мы будем говорить о Той Стороне и предстоящей конкретной операции. Галан и так знает о ней все, нет нужды заставлять его выслушивать это вторично. А Марлок Той Стороной интересуется исключительно по долгу службы, как мой главный научный консультант и глава Техниона. Он не историк, ему попросту скучно... Единственное, чем он с удовольствием занялся бы, — это изучение уровня тамошней науки и техники, но мы пока что не вышли на уровень, позволяющий такие исследования вести. Не вышли за пределы Саваджо. Хотя в ближайшее время намереваемся это сделать.

— Яна, — утвердительно сказал Сварог.

Канцлер кивнул:

— Ну конечно. Как бы иначе наши люди туда попали? Ваша охрана пропускает в ту комнату только тех, кто приходит с ней. Судя по тому, что вы отдали именно такой приказ, вы ничего не имели против визитов по сторонам и х туда?

— Ну да, разумеется, — сказал Сварог. — В конце концов, Та Сторона — не моя собственность, и изучать ее

нужно не по-любительски. Перед тем, как... уйти, я с ней говорил об этом. Просил рассказать вам и не сомневался, что вы тотчас же захотите послать туда людей, как и я на вашем месте. Вот охрана и получила соответствующий приказ...

— Спасибо, — серьезно сказал Канцлер. — Я уже говорил, в ваше отсутствие мы добились кое-каких успехов. Чем в значительной степени обязаны опять-таки Яне: никто другой просто не может привести человека в каталептическое состояние, качественно допросить, а потом внушить, чтобы он все забыл. А также — подтолкнуть человека к какому-то решению и сделать так, чтобы он остался в убеждении, будто эта идея сама собой пришла ему в голову. Она оттуда буквально не вылезала — ей эта работа страшно нравится: как она говорит, у нее никогда еще не было столь серьезного занятия.

— Она и сейчас там, я так понимаю? — спросил Сварог.

— Да, я уже говорил и повторяю еще раз: о ее безопасности заботятся строжайше. Та... штука... явление... в общем, не знаю, как это называть... то непонятное, что в первый ваш визит пыталось ее высмотреть, больше не появлялось ни разу. В город я ей разрешал съездить лишь единожды — уж простите, для пользы дела пришлось сорвать, что именно таков был договор с вами, и я дал вам слово его соблюсти во что бы то ни стало. Вы не сердитесь?

— Нисколько, — сказал Сварог. — Все правильно, так и следовало поступить.

— Успехи наши скромные, но все начинается с малого, — сказал Канцлер. — Мы создали базу. Купили ту гостиницу, возле замка. Нельзя сказать, что она стала убыточной, но все шло к тому, что она вскоре начнет приносить убытки. Потеряла прежнюю популярность, клиенты теперь предпочитают останавливаться в городских, большинство самых дорогих номеров пустует... Хозяин живет в Саваджо. Он, оказалось, уже подумывал,

не избавиться ли от гостиницы — ну, а Яна его легонько подтолкнула. Позавчера мои люди заключили сделку, выправили у нотариуса купчую по всем правилам...

— И заплатили денежками наше й работы? — усмехнулся Сварог.

— Ну что вы, — серьезно сказал Канцлер. — Не стоило рисковать. Мало ли что... Скажем, мы могли поставить на кредитки номера, которые уже присутствуют на настоящих. Это могло открыться, след мог привести к бывшему хозяину, а от него — к нам. Нельзя же было ему внушать, чтобы он забыл о сделке — это вызвало бы еще большие подозрения... Деньги были самые настоящие. Оказалось, их достаточно легко добыть. В городе, где превеликое множество казино, игорных домов и прочих подобных заведений, множество и ювелирных магазинов. Приведя в пух и прах распродают имевшиеся у них драгоценности, а сорвавшие банк частенько бросаются шиковать, покупают дорогую ювелирку. Наши люди, не вызвав ни малейших подозрений — самое обычное для Саваджо дело, — под видом проигравшихся вдрызг объехали десятка два ювелирных магазинов и продали по две-три вещички каждый — настоящее золото, настоящие драгоценные камни, причем крупные. Учитывалось, конечно, что ювелиры, как их собратья во все времена — да и у вас на Таларе сейчас — стараются купить изделия за полцены, на что клиент, будучи в безвыходном положении, соглашается. У них там круговая порука — у ювелиров, я имею в виду — так что настолько цены не дадут нигде. И все равно мы выручили столько, что, кроме расходов на покупку гостиницы, осталось еще немало на текущие расходы. Купили четыре автомобили, разные полезные мелочи... Весь персонал рассчитали, Яна внушила каждому, что он сам захотел уйти, потом мягонько подтолкнула постояльцев уехать. В общем, гостиница теперь наша, персонал полностью состоит из наших людей. Один из номеров целиком отведен под компьютерное хозяйство Элкона, и он с превеликим эн-

тузиазом чуть ли не сутками шарап по тамошним компьютерным сетям. Уверяет, что остается незамеченным. Информация самая разная идет потоком. Да, купили еще парочку скромных квартир в городе, опять-таки в качестве баз. Словом, быстро там освоились — в первую очередь благодаря Яне и Элкону...

— Неплохо, — сказал Сварог.

— Еще немного поработаем в Саваджо и будем отправлять людей в столицу. Шлепать здешние документы мы уже научились, получается безукоризненно, — Канцлер усмехнулся. — А вчера приключилась смешная... и оказавшаяся очень полезной история. Заявила парочка нагловатых верзил, потребовала «нового хозяина» и объявила ему, что теперь он будет им платить «за покровительство», как исправно платил прежний хозяин. Иначе, мол, и гостиница может случайно сгореть от брошенного пьяным постояльцем непогашенного окурка, и с самим хозяином могут приключиться всякие нехорошие случайности...

— И оба — в черных шляпах с белыми лентами? — со знанием дела спросил Сварог.

— Вот именно. В точности такие молодчики, которых вы описывали в отчете. Организованный криминал... впрочем, неорганизованного здесь попросту нет, заletonы тут не привечают. К нашему везению, в это время Яна пребывала в гостинице...

— Понимаю, — фыркнул Сварог. — Я же писал в отчете, как она обошлась с их коллегами в городе...

— Ну что вы! — энергично воскликнул Канцлер. — Это было бы грубейшей ошибкой — выставить их отсюда, приказав все забыть. Это же не одиночки, а представители серьезной и многолюдной конторы, этакого спрута, опутавшего щупальцами весь город. Их отправили с конкретным поручением — и вдруг они возвращаются с провалом в памяти, ничего не в силах объяснить толком... Представляете, что началось бы в их штаб-квартире?

— Да, действительно, — сказал Сварог. — Я как-то не подумал...

— Платить новый хозяин, конечно, будет, чтобы не выходить из образа, — продолжал Канцлер. — Кстати, потребовали они не такую уж большую ежемесячную дань... да, в конце концов, к чему нам скупердяйничать и жалеть тамошние б у м а ж к и? Если понадобятся деньги, к ювелирам проторенной тропкой заявятся очередные «вдрызг проигравшиеся», только-то и всего. Мы поступили иначе. Яна в секунду сделала из них м а н е к е н о в, долго и скрупулезно расспрашивала о здешнем криминале, а потом велела все забыть. Узнали много интересного... Никаких конкурирующих банд — единоначалие. Есть только один хозяин, который и держит в руках весь город. Мы провели совещание и пришли к выводу: чтобы легче работалось здесь, этого хозяина с милой кличкой Удав нужно о с е д л а т ь. Что не так уж трудно сделать: к нему просто-напросто явится в гости Яна, привезет с собой обаятельного человека, а потом Удав объявит своим приближенным, что к нему приехал из столицы любимый и надежный двоюродный брат, который теперь и будет его правой рукой. Как мне объяснили специалисты по таларскому криминалу, — который от здешнего отличается лишь тем, что не располагает машинами, автоматами, карманными телефонами и прочей техникой, — в серьезных бандах обычно так и заведено: главарь старается для пущей надежности брать в ближайшее окружение близких родственников...

— Есть такая традиция, — кивнул Сварог. — Я от своей полиции немало наслушался об обычаях «ночных портных».

— Здесь они себя именуют «пастухами», — сказал Канцлер. — Удав бы тоже так поступил, но он, вот беда, сиротинушка из приюта, о чём, впрочем, не любит распространяться. Вот теперь будет ему новехонький, сиголочки, близкий родственник. Никто ничего не заподозрит. Внушение Яны держится долго. Полезней информации к на-

шему человеку будет стекаться немало, к тому же он подберет себе пару-тройку ближайших помощников — как вы понимаете, из наших людей. В Саваджо безопаснее и легче всего работать под личиной «черных шляп». Есть только одна загвоздка. Мы бы его с д е л а л и в два счета, но приехавшие в гостиницу обормоты не знают, где он живет. И не знают никого, кто бы знал — рядовая пехота, что с них возьмешь... Знают только, что у Удава несколько городских квартир и пригородных вилл, которые он постоянно меняет. Вы ведь и с этим у себя на земле сталкивались?

— Конечно, — сказал Сварог. — Везде одно и то же... В крупных бандах — да и в тех, что помельче, — частенько попадаются прыткие ребята, однажды задумавшие пролезть в главари. Проще всего этого добиться, если старый главарь нечаянно упадет на нож раз десять подряд или с ним произойдет какая-нибудь другая трагическая случайность. Так что многие главари, имеющие такую возможность, стараются, кроме всем известной «главной конторы», которую знают все, завести несколько логовищ, о которых знают считаные люди.

— Действительно, везде одно и то же... А уж здесь, где доходы верхушки «пастухов» считают на миллионы... Удав наверняка понимает что к чему и не хочет однажды десять раз случайно упасть на ножик или сломать шею, оступившись на лестнице... К тому же к нему по каким-то своим причинам крайне недоброжелательно настроены столичные «пастухи», работающие уже в масштабах страны. Поговаривают, намерены заменить его своим человеком, поскольку Удав для них недостаточно свой. Слухи об этом разошлись настолько широко, что о них знают даже приехавшие в гостиницу задрипаные пехотинцы... В общем, мы попали в неловкую ситуацию. О б р а б о т а ть Удава — раз плюнуть, но мы понятия не имеем, где его искать. «Главная контора» нам известна, но там он бывает только днем, и там работать слишком рискованно. Искать его квартиру или виллу слишком долго, к тому же

их с десяток, и нужно еще знать, в которой и когда он будет пребывать. Пускать за ним слежку днем, от «главной конторы» — тоже излишний риск...

— Вы хотите, чтобы я что-нибудь посоветовал? — спросил Сварог. — Сразу скажу: ничего не приходит в голову. Вот уж по криминалу я не специалист. Могу, конечно, порасспросить того же Интагара, вдруг подскажет что-нибудь дельное...

— Нет необходимости, — сказал Канцлер. — Мы нашли способ прищучить сие пресмыкающееся... В той «Лотерее-Грации», где вы были с Яной, события развернулись именно так отнюдь не случайно. Постоянной любовницы у Удава нет — такой уж человечек, любит разнообразие. Именно в этом заведении он просиживает три вечера в неделю, а то и вне графика, когда обстоятельства позволяют. Высматривает очередную красотку, которую потом его ребятки бесцеремонно приглашают в гости. Особенно западает он на голубоглазых блондинок — у каждого свои вкусы. Так что задача предстоит не столь уж и сложная: мы посыпаем в заведение ослепительную голубоглазую блондинку — примерно известно, когда Удав там появляется, так что подгадаем к его приезду, — а на улице машину перехватывает Яна. Уж те ребятки, что «приглашают в гости» девушек, прекрасно знают, где будет пребывать в ожидании очередной «гостьи» Удав... Что скажете?

— Отличный план, — сказал Сварог. — И никакого риска.

— Здесь есть еще одна загвоздка, — сказал Канцлер удрученно. — У меня попросту нет среди особо доверенных агентов очаровательных голубоглазых блондинок. А те, что найдутся, не настолько доверенные, чтобы посвящать их в тайну Той Стороны... Проще всего было бы вновь послать Яну, но это рискованно: и сам Удав, и его свита — а с ним постоянно человек пять-шесть — могут ее вспомнить. Удав наверняка не забыл не такого уж давнего странного случая: когда ребятки, которым он

поручил привезти очередную красотку, обнаружились вдрызг пьяными и совершенно не могли объяснить, почему провалили дело. Как считают наши аналитики, худо-бедно изучившие Ту Сторону, Удав, вероятнее всего, решил, что они напоролись на колдуны, — здесь хватает колдунов и магов, хотя они стараются держаться в тени. Есть какая-то спецслужба наподобие вашей ронерской Багряной Палаты, нельзя сказать, что на тех, кто владеет колдовством или магией, охотятся масштабно и круглогодично, но все же эти ремесла не поощряются, и засветившихся магов частенько хватают... Весь риск состоит в том, что Удав попросту смоется... или останется, но Яну прикажет не трогать. И подлавливай его потом...

— Она ведь может надеть «личину», — сказал Сварог. — Не менее очаровательную, чем ее естественный облик.

— Опять-таки может случиться осечка, — сказал Канцлер. — Эти обломы рассказали, помимо всего прочего, что возле Удава постоянно находится не только охрана, но и пара «колдунцов», как они выражаются. А заклинание «личины», вы, наверное, знаете — одно из слабых. С ним без труда справляется не самый сильный маг. Кто их знает, этих «колдунцов»... — он помолчал и, пытливо глядя на Сварога, сказал: — Весьма даже не исключено, что именно вы можете помочь...

— Каким образом? — искренне удивился Сварог.

— Канилла Дегро, — сказал Канцлер. — Очаровательная голубоглазая блондинка, которая безусловно может считаться особо доверенным сотрудником. Девушка достаточно раскованная: я слышал краем уха, что она частенько балует танцами с раздеванием, то есть баловала до недавнего времени, «выступая» перед одним-единственным человеком, другом, с которым недавно рассталась. Но все равно, это уже означает некоторую психологическую раскованность...

«Краем уха он слышал, видите ли, — сердито подумал Сварог. — Можно подумать, о привычках Кани треплют

на углах так запросто, что это долетело до Канцлера». Зная Канцлера, объяснение может быть одно: у него есть все же агент в девятом столе... хотя нет, та к и х вещей не может знать кто-то посторонний — а во всех своих юных сподвижниках Сварог полностью уверен. Они не вербуются, хоть ты их режь, что показала неудача покойного Гаудина. Скорее уж, агент или агентесса — в ближайшем окружении Каниллы вне девятого стола. Кани — девушка общительная, у нее същется не менее пары дюжин близких подруг и друзей среди «посторонних». Кто-то из них как раз и может знать — современная молодежь раскованная, порой делится интимными секретиками. Учтем на будущее и поищем источник утечки...

— Мне думается, вы сумеете ее уговорить, — сказал Канцлер. — Скажете, что это важное государственное дело... как, собственно, и обстоит. Это Аурика у вас скромница, если не брать в расчет маркиза Оклера, а Канилла — девушка раскованная, с ярко выраженной авантюрной жилкой. У меня есть все основания думать, что она, по присущему ей озорству, легко согласится. Попробуете ее уговорить?

— Попробую, — сказал Сварог.

Хорошо зная Каниллу, он подозревал, что она легко может согласиться, видя во всем этом интересное приключение. Канцлер прав: и озорство присутствует, и авантюрная жилка, и тяга к приключениям — но последнее качество ей просто негде реализовать. Если она узнает про Ту Сторону...

— Я попробую, Канцлер, — сказал он уже увереннее. — Назначена какая-то конкретная дата?

— Да, — сказал Канцлер. — Послезавтра Удав там точно будет — это, так сказать, посещение по графику... Я имею в виду, послезавтра днем, когда там наступает вечер.

— Постараюсь, — сказал Сварог.

Канцлер вздохнул с ненаигранным облегчением:

— Лорд Сварог, я буду вам очень благодарен...

— Не за что, — сказал Сварог и добавил голосом таларского пехотинца-деревенщины: — Мы службу не понимаем? Оченно даже понимаем, не извольте беспокоиться!

Канцлер улыбнулся, давая понять, что по достоинству оценил шутку и вообще, допускает толику юмора даже в серьезных разговорах. И тут же согнал ее с лица, став, такое впечатление, даже угрюмым. Помолчал, глядя в стол, поднял глаза:

— Есть еще одна тема для разговора. Боюсь, для вас она будет неприятной, но я всегда стремился, чтобы между нами оставалось как можно меньше недомолвок. Надеюсь, вы тоже к этому стремитесь?

— Да, — сказал Сварог, исполненный нехороших предчувствий.

Открытым текстом прозвучало, что ему стоит ждать каких-то неприятностей. Ну, будем настороже...

— Возникло недоразумение, которое просто необходимо разрешить, — ровным, бесстрастным тоном продолжал Канцлер. — Мне не хочется, чтобы между нами оставались недомолвки. Я всегда испытывал к вам некое дружеское расположение, а людей, к которым я пытаю такие чувства, очень мало. И старался быть с вами предельно откровенным... Не полностью, конечно. Людей, с которыми я был бы откровенен по-лонству, нет вообще. Даже от императрицы порой что-то скрываю. Потому что должность такая... поганая, — он улыбнулся, точнее, обозначил улыбку. — Наподобие королевской. Вы умный человек и наверняка согласитесь со мной: поганая это должность — король...

— Соглашусь, — сказал Сварог.

— Людей, с которыми я был бы предлонно откровенным, очень мало. Вы входили и входите в их число. Оцените это по достоинству.

— Давно оценил, — тихо сказал Сварог.

— Когда вы увидели индикатор, вы на какие-то мгновения всерьез обеспокоились. Очень быстро овладели со-

бой, но эти несколько мгновений были. Об этом мы поговорим после, а сейчас я хочу вернуться в далекое прошлое, или, как любят выражаться летописцы, сказочники и романисты, в незапамятные времена. Перед нашими спецслужбами не вставало неразрешимых проблем. Кроме одной-единственной, получившей название «Нахальный Призрак». Вскоре после того, как оформились в стройную систему наши компьютерные сети и хранилища информации, кто-то посторонний начал регулярно в них вторгаться. Он преодолевал любую защиту самого высшего уровня. Проникал в сеть. Иногда что-то скачивал, и ни разу не удавалось установить что. Было кое-что похуже: его невозможно было отследить. Хотя наши специалисты всегда, без единого исключения довольно быстро отлавливали людей, вторгавшихся в закрытые для посторонних компьютеры, сети, хранилища. А таких бывало довольно много — иногда это оставалось только попытками, иногда некоторым искусствникам удавалось преодолеть первые пояса защиты. Правда, никогда, в отличие от Призрака, не справлялись с высшими. Всякий раз, повторяю, их быстро отлавливали и отлавливают. Эти вторжения продолжаются и в наши дни, последнее случилось буквально неделю назад. Что характерно, лишь дважды — а случаев таких было несколько тысяч — речь шла о злом умысле. Это были заговорщики. Серьезные, настоящие. И то в довольно давние времена. Все остальные незаконные вторжения на счету подростков, главным образом мальчишек, хотя попадались и девчонки, а в последнее время число девчонок увеличилось, они больше стали интересоваться компьютерами. Так они забавлялись — из подростковой бравады, из желания показать собственную лихость, а то и просто на спор. Знаете, так на земле сорванцы лазят по чужим садам. Порой у их родителей сады и ягодники даже богаче, но они лезут в чужие — из лихости... Среди них попадались многообещающие личности, не раз их, когда подрастили, брали на службу в серьезные учреждения, часто для того чтобы работали по обеспечению

компьютерной безопасности. Один Призрак продолжал развиться. Возникла даже версия, что он пользуется не компьютерной сетью ларов, а работает с земли. Вот только эту версию не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть — Призрак оставался неуловим. На земле искали источник энергии, без которого не способен работать ни один компьютер. Не нашли. Привлекали даже магов — безрезультатно. В конце концов, кто-то предположил, что это Фаларен — первоочередное внимание Призрак уделял Хелльстаду. Но подтвердить эту версию опять-таки не удавалось. Наши предки спустились на землю — и почти сразу же объявился Призрак. Когда они вернулись за облака, Призрак не заставил себя долго ждать. В конце концов, бросили всякие попытки его отследить. Нахальный Призрак стал неизбежным злом, с которым приходилось мириться...

— Интересно, — сказал Сварог, воспользовавшись паузой. — Вот только при чем тут я?

Он уже начал понимать, куда клонит Канцлер. Неприятно...

— Не спешите, — сказал Канцлер. — Сначала я расскажу о Призраке до конца. Есть одна любопытная деталь: с т и л ь его вторжений время от времени менялся. Какое-то время он действовал, можно сказать, несколько хаотично и нерегулярно, без всякой системы. Была информация, которой он отдавал предпочтение, и тем не менее... Потом стиль радикально изменился. Теперь Призрак действовал строго по определенной системе, ее очень быстро удалось проанализировать. Заранее можно было предсказать и никогда не ошибиться — в какой последовательности он будет л а з а т ь. И появлялся он в строго определенное время, хоть часы по нему проверяй. Так длилось несколько тысяч лет. Кто-то из специалистов сказал: полное впечатление, что сначала действовал ч е л о в е к, а потом его сменил бездушный а в т о м а т, работающий по раз и навсегда заданной программе. Проверить это не было никакой возможности...

«Прав был ваш специалист, — мысленно прокомментировал Сварог, — Фаларен полностью потерял интерес к собственноручным, если можно так выразиться, вторжениям, и эти несколько тысяч лет лазали исключительно Золотые Обезьяны, и в самом деле работавшие по раз и навсегда заданной программе...»

— Около восьми лет назад стиль внезапно и неожиданно резко изменился. Если очень долгий период можно было именовать работой автомата, то теперь, такое впечатление, вновь появился человек. Вторжения вновь стали нерегулярными и хаотичными, вдобавок изменился их характер — теперь он в первую очередь буквально грабил все, что касалось Яны. Что меня тревожило страшно: я не знал его целей...

«Зато я, очень похоже, знаю, — подумал Сварог. — Предназначенная для Яны комната в Красном Павильоне. Очень похоже, этот скот всерьез намеревался ее похитить в поисках новых развлечений...»

— Столь же внезапно, как и появился, человек пропал, вернулся автомат, — Канцлер уперся в него холодным, тяжелым взглядом. — По какому-то странному совпадению исчезновение «человека» идеально совпадает по времени с вашим проходом через Хелльстад, когда вы там прикончили Фаларена. Всякие совпадения в жизни случаются... Несколько лет работали «автоматы». С год назад вновь обявился «человек». Но стильно радикальным образом изменился и нисколечко не походил на прежний. Теперь Призрак работал по другой системе, гораздо реже стал заходить в сети и архив моего Кабинета, а Кабинет императрицы вообще обходил стороной, хотя раньше «человек» там буквально пасся... Так вот, у меня есть основания подозревать, что это и в самом деле компьютеры Хелльстада, которыми последний год пользовались либо вы, либо один прекрасно нам обоим известный компьютерный гений...

— У вас и доказательства есть? — небрежно спросил Сварог, уже понимая, что его загоняют в угол, прижимают к стене.

— Сейчас будут, — столь же небрежно, в тон ему ответил Канцлер. — Индикатор включен. Любая ложь в ответ на прямой вопрос будет выявлена моментально. Разумеется, вы вправе уйти, хлопнув дверью. У меня нет никаких доказательств, одни стойкие подозрения. Презумпция невиновности... Но если вы так поступите, это осложнит и усложнит наши прежние отношения. Черт, я забыл... Вы в два счета можете уговорить Яну отправить меня в отставку и загнать в почетную ссылку куда-нибудь на Сильвану. Что ж, я ничем не смогу помешать. — И он слегка наклонился вперед. — Но всю оставшуюся жизнь, а жить мне еще долго, я вас буду люто презирать. Может быть, вам на это будет глубоко наплевать... А может, и нет. Вы не встаете... Что, вас непременно нужно загонять в угол? Задавая прямой вопрос? Или хватит смелости самому сказать правду?

Сварог молчал недолго. Сказал, приложив нешуточную силу воли, чтобы не отводить взгляда:

— Хорошо. В Хельстаде есть компьютеры.

— Следовательно, нет смысла задавать следующий вопрос... Конечно же, и о вы й Нахальный Призрак — это вы... или тот самый компьютерный гений. Яна знает?

— Знает, — сказал Сварог, подумав: «Уж ей-то вы, супдарь мой, ничего не в состоянии сделать».

— И молчит, — сказал Канцлер. — Что ж, логично: любой умный монарх что-то скрывает от самых доверенных министров... как наверняка поступаете и вы на земле. К тому же она имела случай убедиться, что и я кое-что от нее порой скрываю — тот эпизод, когда я принес вам сводку, которую никогда ей не показывал. И не показал письмо того моряка, которое вы нашли в Хельстаде... Логично... Сердиться на нее не стоит. Там у вас что, и в самом деле есть какие-то автоматы? Долго работавшие вместо Фаларена? Почему он сам устранился?

— Ему попросту надоело, — сказал Сварог.

— Черт... — сказал Канцлер. — Такое простое объяснение... А почему он лет восемь назад вновь заработал сам, активнейшим образом?

Сварог едва ли не рявкнул:

— Да потому что этот скот поганый всерьез собирался похитить Яну, к чему имел все возможности, и сделать сексуальной игрушкой! И если бы я его не прикончил, так и произошло бы! Верьте уж на слово! Доказательства имелись, но я их уничтожил к чертовой матери!

— Ну зачем же «на слово», — спокойно сказал канцлер. — Индикатор показывает, что вы говорите чистую правду... Интересные дела... Похоже, вас стоит поблагодарить. Я говорю совершенно серьезно.

— Не за что, — язвительно бросил Сварог. — Эти доказательства я обнаружил гораздо позже, уже не один год будучи хельстадским королем. Раньше как-то кое до чего руки не доходили. Я его прикончил, ничего не зная о его планах касательно Яны. Исключительно потому, что он собирался нас там задержать, и, похоже, навсегда...

— И тем не менее... — сказал Канцлер, —вольно или невольно вы ее спасли. Вопрос, продиктованный чистым любопытством: что именно вы скачали из моего архива? Однажды вы что-то скачали. Что именно, как всегда, отследить не удалось...

— Документ с длиннющим суконно-канцелярским названием, — сказал Сварог, рассудив, что терять ему больше нечего. — «Подробный и обстоятельный отчет о жизни и поведении...»

— Достаточно, — прервал Канцлер. — Я понял, о чем идет речь, такое название там только одно... Значит, вы его прочитали... И все знаете о той истории на Сильване... — Он улыбнулся. — И что же, вас радует, что теперь вы и это о ней знаете?

— Ничуть, — сказал Сварог. — Лучше бы и не знать...

— Ну вот, теперь сами видите, что неуемное любопытство иногда не доставляет ничего приятного... — сказал

Канцлер без тени язвительности. — Совсем наоборот... Интересно, у вас найдутся какие-нибудь оправдания?

— Найдутся, — усмехнулся Сварог. — Никаких законов я не нарушал.

— А подробнее?

— «Закон о компьютерах» содержит четко сформулированную статью: «Запрещено вторжение в закрытые для не имеющих допуска лиц компьютеры, сети, хранилища информации и архивы с любого нашего компьютера». Нашего. То есть здешнего. Про другие компьютеры ничего не сказано.

Канцлер покачал головой, улыбаясь почти весело:

— Ну да, лорд Сварог, вы большой мастер выискивать юридические прорехи, что не раз проделывали... В самом деле, с точки зрения действующих законов, привлечь вас к ответственности невозможно... А чисто моральный аспект вас не заботит? Вы рассказывали, что в прежней жизни, едва войдя в совершеннолетие, стали военным и пробыли им семнадцать лет. Да и здесь возглавляете конторы, требующие строгой дисциплины... каковой требует и королевский титул, я так полагаю. И вдруг обнаруживается, что вы ведете себя, как сопливый мальчишка. «Отчет» вы скачали, несомненно, из чистого любопытства. Я уверен, и со многим другим обстояло точно так же. Совершеннейшее мальчишество...

Было бы легче, начни он кричать, ругаться, грозить. Но этот спокойный, насмешливый с укоризной тон... На какой-то миг Сварог не выдержал и опустил глаза.

— Пойдем дальше, — продолжал Канцлер. — На один вопрос я получил ответ. Есть и второй, интерес к которому еще более окреп после того, как вы сказали, что Фаларен имел все шансы похитить Яну. Где-нибудь на охоте, я думаю? Самый удобный случай. Но ведь вы отлично знаете, что после сильванских событий ее повсюду сопровождала на земле сильная охрана, вооруженная и лучевым, и другим, не менее, а то и более сильным оружием, — я о тех «стволах», что рвут

водородные связи меж молекулами и мгновенно превращают что человека, что зверя в облако пара. И тем не менее вы уверены, что у Фаларена были все шансы. А если вспомнить, что вы в свое время солгали в ответ на прямой вопрос, есть ли в Хелльстаде оружие, способное справиться с шайкой Брашеро... Ответ на второй вопрос напрашивается сам собой: серьезное оружие в Хелльстаде есть. Я прав?

— Правы, — сказал Сварог. — Но большая его часть для Империи совершенно не опасна... хотя это было бы достаточно, чтобы легко одолеть охрану Яны где-нибудь на земле.

— А меньшая?

— А меньшую я просто не успел до сих пор опробовать в деле и совершенно не представляю, как оно действует и на что способно.

— И оба раза не соврали... — сказал Канцлер. — Собственно, я узнал все, что хотел знать...

— Интересно, а что дальше? — спросил Сварог, прекрасно зная, что улыбка у него сейчас вымученная. — Выйду я отсюда в одинокое? Или нет?

— Что за вздор вы несете! — досадливо сказал Канцлер. — И выйдете — один, пойдете на все восемь сторон света, не потеряете ни одной должности, останетесь в прежнем положении. Слово чести. Нам с вами еще работать и работать бок о бок. На Той Стороне прежде всего. Кстати, в ваше отсутствие мы осуществили вашу идею.

— Которую? — спросил Сварог, все еще державшийся настороженно.

— Закопать на той стороне, в месте, о котором известно, что оно останется таким и сегодня, какой-нибудь предмет, а потом как следует там покопаться, уже в нашем мире. Если что найдется закопанное — станет ясно, что там — не Соседняя Страница, а наше доштурмовое прошлое.

— Если только какие-нибудь кладоискатели не добрались... — проворчал Сварог.

— Ну, мы же там не золото зарыли... — усмехнулся Канцлер. — Дешевый глиняный горшок со слитком свинца внутри, парочку лошадиных подков и бутылку из грубого стекла. Никто на такой «клад» не позарится, если доберется. Оставит все в яме. И с Нериадой нам с вами следует поработать бок о бок. Видите ли, я решил, не дожидаясь, пока хоть что-то прояснится, повторить операцию «Невод». В тех же масштабах, благо старая аппаратура усовершенствовалась за эти столетия и появилась новая. От вас, как от главы восьмого департамента, потребуется некоторое количество людей и техники, как и от прочих задействованных ведомств.

— Охотно, — сказал Сварог. — Дело полезное...

— Теперь вернемся к вам персонально, — непринужденно сказал Канцлер. — Я не собираюсь против вас ничего предпринимать или замышлять по одной-единственной причине: не вижу в вас угрозы Империи. Если бы я ее видел, живым бы вы отсюда не вышли. Не так просто, но вполне реально было бы организовать вашу «пропажу без вести», оставив следочки, ведущие, скажем, к «Черной Благодати». Вы здорово насолили черным, они на вас злы... Ваши отношения с Яной меня бы не остановили: я не сентиментален, вы знаете. Когда на одной чаше весов — судьба Империи, меня не волнует участь того, что находится на другой. Но пока что угрозы для Империи с вашей стороны я не вижу... А вот польза от вас немалая. К власти вы не стремитесь: отказываетесь жениться на Яне здесь, отказались занять мое место, когда Яна вам это предлагала... В общем, я считаю, нам выгоднее дружить, чем враждовать. Не так ли?

— Согласен, — сказал Сварог.

Канцлер сказал с несколько сокрушенным видом:

— И тем не менее кое-какие ваши хельстадские тайны меня, признаюсь по совести, тревожат, потому что я о них ничего не знаю, а непонятное, как сто раз говорилось до нас, внушает страх... а страх порой может подвигнуть

человека на необдуманные поступки... — он улыбнулся открыто, широко (ну просто отец родной!): — Лорд Сварог, давайте заключим договор, который снимет между нами последние недоразумения и взаимные подозрения? Вы покажете мне ваш арсенал, который у вас наверняка есть, и дадите слово чести ничего предварительно не прятать. Когда выдастся свободная минутка, вы изучите то оружие, что не успели изучить, и, если отыщется что-то, способное представлять хоть малейшую опасность для Империи, уничтожите.

— В вашем присутствии? — спросил Сварог.

— Необязательно. Если дадите слово чести. Ваши компьютеры меня совершенно не интересуют — что в них интересного? Несколько совершеннее наших, я полагаю, только и всего. А значит, ничего интересного, я не ученый. Вот только вы пообещаете никогда больше не лазить по закрытым архивам, не проникать туда, куда посторонним нет доступа. А я, со своей стороны, дам слово чести, что буду предоставлять вам секретную информацию, которую вы не можете получать обычным путем, — он с улыбкой развел руками. — Как вы понимаете, не всю. Всеми секретами я никогда и ни с кем не делюсь. Но знатчительную часть гарантирую. Устраивает вас такой договор?

Как будто был выбор...

— Устраивает, — сказал Сварог.

И встал следом за Канцлером, догадываясь, что тягостная беседа подошла к концу. Канцлер протянул ему руку:

— Слово чести, что я свою часть договора исполню.

— Слово чести, что я исполню свою, — сказал Сварог, пожимая ему руку.

— Вот и прекрасно. Можете идти. Ваш экземпляр бумаг заберете в пятой комнате, это на первом этаже. Пока вы дойдете, я с ними свяжусь. Значит, вы в Глан сейчас?

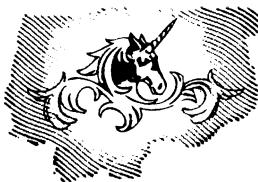
— Туда, — сказал Сварог.

— Желаю найти что-нибудь полезное.

— Благодарю, — сказал Сварог, повернулся и вышел.

«Красиво он меня сделал, — думал он, шагая к своему браганту. — Почище, чем Мюллер Штирица. Обыграл в два счета, загнал в угол, добился всего, чего хотел, мат не поставил, но ферзя отыграл. Мои выгоды от этого клятого договора туманны и непредсказуемы: быть может, еще сто лет не потребуетсяся какой-нибудь секретной информации, которую нельзя получить обычным путем... Но что остается делать, когда с доски по всем правилам снимают твоего ферзя? Ладно, примем проигрыш по мужски, без соплей и истерик. К тому же проигрыш не так уж и велик, если рассудить...»

Глава V

ДВОРЦОВЫЕ БУДНИ

Сварог остановился у перил галереи, посмотрел вниз. По обширному залу с колоннами, мягкими диванчиками вдоль стен уже степенно прогуливались несколько особо нетерпеливых парочек. С противоположной стороны зала, от балкона для оркестрантов, доносились звуки, напоминавшие этакий кошачий концерт, — там настраивали музыкальные инструменты. Трудно было поверить, что они, вскоре принявшие бы услаждать слух прекрасными мелодиями, сейчас вразнобой визжат и скрипят самым отвратительным образом, словно кошки, которым прищемили хвосты дверями.

Примерно через полчаса должен начаться бал. Если называть вещи своими именами — не более чем танцевальный вечер, какие Сварог с некоторых пор устраивал раз в неделю. Если совсем просто — местная дискотека. Настоящий Королевский бал — это нечто великолепное. Залы и коридоры, богато украшенные цветочными гирляндами, драгоценными тканями и прочими красавицами, иллюминацией и фейерверки, а порой и пушечная пальба, менестрели и певицы, акробаты и жонглеры, танцовщицы, клоуны и глотатели мечей.

Приглашенные разодеты насколько возможно пышно, кавалеры залиты сиянием драгоценных самоцветов от ушей до каблуков, а дамы — от ушей до подолов. Сейчас же не прибавилось даже цветка в горшочке, все осталось, как и в будни. Словом, обычный танцевальный вечер — но, поскольку речь идет о королевском дворце, столь вульгарное определение не подходит. Не допускает придворный этикет вульгарностей, еженедельные танцульки, хоть ты тресни, положено именовать балом...

Он вошел в приемную своего Малого кабинета. Статс-секретарь встал из-за стола, проворно, но без малейшего подобострастия (Сварог его ценил еще и за отсутствие этого качества, которое не терпел в окружавших его людях). Еще проворнее вскочили, слаженно прищелкнув каблуками, двое в форме снольдерских летчиков: поверх голубых мундиров — черные кожаные куртки (до которых здешние авиаторы додумались совершенно самостоятельно) с золотым орлом на левой стороне груди и крылатым мечом выше правого локтя, черные береты наподобие гланских с золотыми драконами в виде кокарды. Правые накладные карманы у обоих одинаково оттопыривались — поскольку они возили секретнейшие бумаги, в карманах у них лежали даже не бластеры, а то самое жутковатое оружие, что превращает любое живое существо в облачко пара. Если откровенно, это были никакие не снольдерские летчики, а орлы из дружины Сварога, из той ее половины, что стала спецназом девятого стола.

Тот, что справа, протянул Сварогу толстый пакет из желтоватой плотной бумаги, украшенный там и сям добрый полудюжиной синих и черных сургучных печатей:

— Почта из Горрота, ваше величество!

Сварог взял конверт, кивнул:

— Благодарю, можете идти.

Оба столь же слаженно щелкнули каблуками, четко повернулись через левое плечо и вышли. Взвешивая на руке конверт — барона Скалитау обуял нешуточный эпистолярный зуд, — Сварог глянул на секретаря:

— Баронесса Вольмер?

— Еще не возвращалась из лаборатории, ваше величество.

— Интагар?

— Должен прибыть часа через три.

— Меня ни для кого нет, — сказал Сварог. — Разве что случится какая-нибудь Белая Тревога. Потом я, может быть, загляну на бал. Как только прилетит Интагар, известите меня немедленно.

Статс-секретарь молча склонил голову. Сварог направился в кабинет, невольно ухмыляясь на ходу: лаборатория, да уж...

По размышлении он отказался от прежней «легенды» касательно комнаты, откуда можно было проникнуть на Ту Сторону. Версия о личном королевском архиве далеко не все объясняла бы. В первую очередь, стали бы гадать, отчего это в отсутствие короля в его кабинет и личный архив постоянно ходят какие-то неизвестные личности. Пересуды пошли бы, сплетни, а лишняя болтовня ни к чему.

На ум пришла другая «легенда», гораздо более удобная. Сварог изрядно сдвинул во времени возраст печатей на двери, сильно их омолодив (благо настоящие видели считаные люди, которые умеют молчать). Теперь печатям было не пятьсот лет, а всего сто пятьдесят. И наложил их король Кардош. Ученый, почувствовав приближение смерти, велевший замуровать отраду всей своей жизни — алхимическую лабораторию. Двое ловких и неглупых агентов Интагара из благородных дворян, в чью задачу входили лишь две обязанности: старательно фиксировать все слухи и сплетни, гуляющие по дворцу, а при необходимости распускать свои, как всегда, сработали на совесть. Шепнули на ушко па-

ре-тройке завзятых сплетников, о которых прекрасно известно, что они не способны удержать при себе ни одной новости, якобы сугубо конфиденциальную информацию: король Сварог, наткнувшись в архивах на старинные документы, узнал о запечатанной лаборатории, велел ее открыть, посмотрел-посмотрел и сам увлекся алхимией. А вслед за ним этой же страстишкой заразилась баронесса Вольмер (женские причуды неисповедимы). Широкие дворцовые массы это скушали с совершеннейшим доверием. И никого теперь не удивляло, что и в отсутствие короля баронесса Вольмер ходит в лабораторию всякий раз в сопровождении нескольких человек в плащах и беретах Сословия Совы, и они остаются там надолго, порой засиживаясь сутками. Придворная общественность понимающе кивала: дело совершенно житейское, король Сварог, не он первый, не он последний, ищет способ добывать золото из черепков и мусора, а то и бери выше философский камень, способный превращать в золото любой мусор, обеспечивать владельцу долголетие, а то и бессмертие, и так далее и тому подобное, в зависимости от фантазии рассказчика. В философский камень до сих пор верили даже иные серьезные книжники, что уж говорить о придворных, в массе своей образованием не обремененных?

О том, что король Кардош много лет отдал поискам философского камня и прочим алхимическим упражнениям, помнили многие. Вот только все как-то забыли, что свою алхимическую лабораторию он держал не во дворце. В противоположность многим алхимикам, человек был рассудительный и предусмотрительный, а потому с умыслом выбрал для нее двухэтажный домик напротив пожарной части. И рассчитал все правильно: однажды очередной эксперимент закончился нешуточным пожаром, а потом два раза что-то качественно взрывалось, опять-таки вызывая пожары. Так что близкое соседство пожарных оказалось как нельзя

более кстати (пожарные весьма гордились, что некоторым образом принимают участие в высоконаучных экспериментах, проводимых к тому же самим королем, хвастались этим в кабаках и задирали нос перед другими частями).

Исторической точности ради, необходимо добавить, что король Кардош, как и все его многочисленные предшественники, философского камня не нашел, вообще ничем алхимию не обогатил. Зато чисто случайно, желая достичь чего-то совершенно другого, сотворил рецепт изготовления великолепного напитка, по сей день пользующегося большой популярностью, под названием «келимас Кардоша». По этой причине многие выпивохи имеют обыкновение первый тост поднимать в память короля Кардоша...

Именно чарочку «келимаса Кардоша» Сварог себе налил, садясь за доставленные из Горрота бумаги, вышедшие из-под пера начальника тайной полиции. Лысый коротышка изо всех сил пытался доказать Сварогу свою полезность — и, надо сказать, это у него получалось. Он нарился обширный, детально проработанный, крайне убедительный, без единого логического изъяна проект заговора, который в ближайшее время с большим шумом и оглаской собирался эффектно разоблачить. В заговор было вовлечено немало важных персон: флотские и армейские офицеры и генералы, банкиры и крупные купцы, чьи интересы в первую очередь связаны были с островом Дике, вмиг лишившиеся своего добра владельцы рудников и копей, хозяева пещер, где добывают пещерный жемчуг, владельцы лесов красного дерева, крупных лесопилок. Прицепом шли судовладельцы, завязанные на перевозке дорогой дре-весины и прочих природных богатств острова, несколько биржеvikov, парочка влиятельных журналистов, работавших на вышеупомянутую публику... Вся эта компания, как вскорости окажется, строила злодейские планы убийства вдовствующей королевы и намерева-

лась приставить регентом к принцу своего человека, а все ключевые посты в королевстве заполнить своими ставленниками. Хватало жутковатых деталей, способных ужаснуть обывателя, имелись надежные свидетели и внедренные к заговорщикам агенты тайной полиции. История обнаружения и полного разоблачения заговора напоминала добротный приключенческий роман.

Все это, конечно, была брехня от первого до последнего слова, выдумка чистейшей воды, поклеп и навет. Но что поделать; если не было другого способа разгромить довольно влиятельную группировку, состоявшую из всех вышеперечисленных? Конечно, никаких заговоров они не строили — но откровенно да в и л и на Литту, требуя санкционировать крупномасштабную военную операцию, чтобы вернуть Дике Горроту. Сварогу эти планы решительно не нравились. Вот и пришлось... С разгромом сторонников отвоевания Дике, автоматически приобретала немалый вес и выходила на передний план другая группировка, с совершенно противоположными целями. Такие же флотские и армейские чины, такие же банкиры, купцы, биржеевики и горнозаводчики — но не имевшие на Дике ни малейших интересов, а потому относившиеся к судьбе острова довольно прохладно. Их интересы были направлены как раз в противоположную сторону, идею они вынашивали другую: ударить по погрязшей во внутренних противоречиях и ослабевшей Святой Земле, захватить, в первую очередь, тамошние богатые золотые и медные рудники. Вот это интересы Сварога никоим образом не ущемляло, наоборот, все, что отвлекало внимание влиятельных горротских кругов от Дике, его только радовало.

«Ну да, форменный тридцать седьмой год, — философски подумал он, — отложив последнюю страницу. — А что еще делать? Гораздо предпочтительнее запихнуть за решетку сотню человек, чем впутываться

в очередную войну, тратить массу денег, терять военные корабли и людей». Чтобы успокоить легонько по-пискивающую совесть, он решил: ни одного смертного приговора не будет, сидеть они будут в относительно комфортных условиях, а лет через несколько, когда они в результате отсидки растеряют всякое влияние и значение, можно их потихоньку выпустить, подогнав под какую-нибудь памятную дату или особо торжественное событие большую амнистию, которая затронет не только «заговорщиков».

Он налил себе еще чарочку, отодвинул кресло, откинулся на спинку, вытянув ноги, включил свой музыкальный центр и какое-то время прикидывал, что именно из Тарины Тареми запустить первым. Душа просила чего-нибудь бравурного, напоминающего лихие военные марши, — чтобы взбодриться, отогнать дурное настроение и легонькую хандру... Ага!

— Железным будь, железным будь,
железным!

Пусть путь —
без губ любимой, без костра,
без трав полезных,
компасов любезных, —
ищи свой Полюс
и топчи свой страх.

Железным будь!
Сжав челюсти до боли,
скользи,
ползи,
но — верь,
что —
будет Полюс!

Он глотнул келимаса и прикрыл глаза, стараясь отогнать хандру. Понемногу более-менее удавалось.

— Но где же Поляс,
где же Поляс,
где же?
Все те же льды,
обрюзгшие моржи.
И, веки, смежив,
хочется в одежде
упасть,
лицом зарыться в снежный жир...

Сварог машинально отметил: моржи, и в самом деле, обитали на Таларе до Шторма, это достоверно установлено — в Саваджо, помимо прочих увеселительных заведений, есть парочка неплохих зоопарков, и один из людей Канцлера видел там моржа. Вот только потом вымерли, бедолаги, как и прочая фауна, обитавшая возле полюсов, — исчезли льды. На Сильване, правда, и после Шторма остались приполярные холодные области, так что зверье благodenствует.

Сам сидишь сейчас, как обрюзгший морж... Дурное настроение было вызвано вовсе не моральными терзаниями по поводу вымыщенного заговора, который вскоре отправит за решетку сотню человек. Не было никаких таких моральных терзаний. Причина в другом...

Глэрд Баглю разводил руками: информации о реальных Зеркальщиках у него нет, если не считать прекрасно знакомого самому Сварогу случая с глэрдом Рейтом, когда именно в его замке облюбовали зеркало пришельцы с неведомых дорожек. Снабдил Сварога тремя толстыми старыми книгами, из которых габаритами и толщиной выделялся ученый труд под названием «О злокозненной нечисти, Зеркальщиками именуемой, о злодеяниях их и вреде, честному люду наносимом». Сварог по дороге в Латерану полистал их в самолете. «Ученый труд», как и два других фолианта, оказался не более чем сборником страшных сказок, разве что оформленным более наукообразно, чем

остальные две книжищи. Как тогда говорила юная хозяйка замка Барраль: «С малолетства помню, как пастухи рассказывали страшные сказки про зеркала, зазеркальные омерзительные страны, про чудовищ, что оттуда вылазят, кровь пьют и порчу наводят...»

Вот именно. Просто в Глане народный фольклор отводит зеркальщикам гораздо больше места, чем в других странах, только-то и всего. В Ронеро больше всего песен и сказок о зверях-оборотнях (что, несомненно, вызвано близостью Каталауна с его чащобами). На Сегуре больше всего легенд, сказок и баллад о всевозможных морских чудовищах, диковинах и ужасах — как, впрочем, и на других крупных населенных островах. И что?

Вообще-то, не приходится сомневаться, что порой из зеркала и в самом деле могут вылезти какие-нибудь злобные твари, — самого в замке навещали, убили первого домового. Вот только ни одну из приведенных в трех томах историй нельзя проверить и доказать ее реальность — ищи ветра в поле, столетия прошли...

Он полистал «ученый труд», сердито плюхнул его на стол, глянул на часы и решительно вышел в приемную. Сказал статс-секретарю:

— Схожу-ка я на бал. Прилетит Интагар, ищите там...

Развеселую мелодию райды он услышал еще издали — но, пока дошел, она умолкла, кончился танец. И тут же заиграли ванжиль. Как всегда, ярко освещена была лишь середина зала, где танцевали, а по периметру, для удобства влюбленных парочек, царил полу-мрак. Особых вольностей на диванчиках, конечно, не допускалось, танцы в королевском дворце, как их ни именуй, все же не маскарад — но подержаться за руки и пошептаться имелись все возможности.

Пройдя мимо пары таких диванчиков, занятых увлеченно шепчущимися парочками, Сварог, не замеченный никем, отыскал свободный, удобно на нем

устроился и стал лениво разглядывать танцующих, высматривая знакомые лица.

Маргилена отплясывала с собственным мужем, выглядела веселой и довольной жизнью. Сварог невольно усмехнулся: с ветреной красавицей произошла неожиданная метаморфоза — ухитрилась все же сделать из графа отличного любовника. Как-то, когда они наедине перекинулись парой слов, выпалила с присущим ей наивным цинизмом: «Размер достойный, только мастерства не хватало...» И в последнее время практически не заводила любовников на стороне. Среди придворных ловеласов, помнивших прежние времена, царило уныние. Сварог подумал, что эта его очередная победа, пусть маленькая, совсем даже крохотная, но никоим образом не связанная с боями и нечистью, с кровью и грязью политических интриг, пожалуй, заслуживает того, чтобы чуточку ею гордиться. Благодаря его усилиям, воцарилась счастливая семейная жизнь, граф излечился от своей застарелой меланхолии, воспрянул, набросился на дела служебные, как волк на овцу... Тьфу ты, опять мысли сбиваются на дела, чистой воды pragmatику...

Канилла танцевала с Гаржаком. Она была великолепна: волна золотых волос взлетала над обнаженными плечами, как пламя костра в ночи, синие глазища о путь вали сетью лукавых взглядов. Граф, известный дамский угодник, никогда не терявший головы, на сей раз, судя по его затуманенному взору, готов был оную потерять. Канилла — это Канилла. «Что же, красивая пара», — подумал Сварог, провожая Каниллу взглядом не без легкой грусти о том, чего никогда уже не будет.

С некоторым удивлением он обнаружил Яну в неизвестном ему вишневого цвета платье. А впрочем, чему тут удивляться. Вернувшись с Той Стороны, она не нашла Сварога в его личных покоях и отправилась потанцевать, не заглянув к статс-секретарю, полагая, что Сварог где-то далеко отсюда по уши погрузился в очередные жизненные сложности. Так уже бывало.

Танцевала она с личностью в некотором смысле примечательной, главным персонажем пересудов и сплетен последнего месяца. Совсем молодой, одет роскошнейше, богаче всех в зале, но чертовски безвкусно, драгоценностями, опять-таки в противоположность всем прочим, увешан, как новогодняя елка — украшениями. В подобном виде являлись лишь на Королевский бал, а на еженедельные танцы одевались гораздо скромнее и украшений надевали немного. А тут — мама родная! — ходячая витрина ювелирной лавки: перстни на каждом пальце, мужская серьга в левом ухе, мужское ожерелье, два браслета, бриллиантовые булавки, золотые цепочки... Явно, радостное похмелье до сих пор не схлынуло.

Именовался сей разряженный попугай герцог Данир — в последнее время получивший кличку Везунчик (и, в общем, заслуженно). История была примечательная. Парень был единственным наследником, отец, в противоположность иным герцогам, порой перебивавшимся с хлеба на квас, славился богатством. Вот только и сам он, и его супруга отличались редкой пружинистостью, откровенно говоря, были невероятными скрягами, так что содержание единственному сыночку определили откровенно мизерное. Супруги могли похвастаться отменным здоровьем, оба едва достигли сорока пяти — так что существовала ненужная опасность, что в столь убогом состоянии юноше придется пребывать еще лет двадцать, если не больше. От лютого безденежья единственный наследник безуспешно искал клады в Ямурлаке и хотел даже податься в пираты, но оказалось, что малейшая качка вызывает у него тяжелейшие приступы морской болезни.

Месяца три назад Сварог, как любят выражаться романисты, принял участие в судьбе молодого человека. Его об этом слезно просил министр двора, приходившийся герцогам Данирам дальним родственником. По его словам, молодой человек помаленьку катился по

наклонной плоскости: под будущее наследство (и под людоедские проценты) занимал деньги у ростовщиков, болтался по игорным домам, где чаще всего проигрывался...

Министр двора был у Сварога, в общем, в милости: мужик деятельный, толковый, на своем месте. Казнокрадствует, правда, помаленьку, но, в отличие от многих, меру знает. Так что Сварог подмахнул распоряжение, ничего ему не стоившее. «Приписал» бедолагу к Казначейству в чине советника.

Была такая разновидность монаршей милости, применявшейся не столь уж редко, поскольку монарху это ничего не стоило, все расходы ложились на многострадальную государственную казну. Пожалованный таким вот образом официально зачислялся на службу в то или иное учреждение, получал право носить полагавшийся ему по чину мундир, получал жалованье, но на службу не ходил ни при какой погоде. «Служить» так можно было до седых волос, до пенсиона, сплошь и рядом повышаясь в чинах согласно канцелярскому порядку о выслуге лет, парочку орденов получить опять-таки из тех, что полагаются за выслугу... Жалованье советника Казначейства было раза в три выше ежемесячного родительского содержания. Правда, Сварог, не любивший глупой филантропии, велел министру двора передать юному герцогу: если не перестанет шляться по ростовщикам и игорным домам, лишится всего пожалованного. Юный герцог, надо отдать ему должное, внял и королевским указаниям последовал.

Ох, не зря народ сочиняет пословицы — они частенько находят отражение в реальности... Человек предполагает, а Бог располагает. Не было бы счастья, да несчастье помогло. И так далее. Месяц назад сквалижные родители молодого герцога оказались среди погибших, когда в устье Тея взорвался паровой котел речного парохода, на котором они плыли в гости к родственникам...

Нежданно-негаданно молодой человек стал обладателем огромного родового замка, роскошных особняков в Сноле и Латеране, трех обширных и доходных имений (овцеводство, неплохие пахотные земли, отданые в аренду небедным фригольдерам, денежки от деловых людей, добывавших на территории одного из имений каменный уголь). И вдобавок чуть ли не миллион ауреев золотом на банковских счетах...

От столь смачного поцелуя Фортуны у новоявленного богача малость сорвало крышу. Ел-пил отныне исключительно на золоте, закатывал роскошные пиры и балы, обил карету серебром (коны маялись), на людях появлялся не иначе как увешанный добрым килограммом бриллиантов, завел собственный театр, домашний зоопарк (для которого купил на Сильване мамонта и супружескую пару моржей), со страшной силой приударял за красотками, невзирая на их происхождение, причем несговорчивых частенько убеждал с помощью пригоршни-другой золотых. Одним словом, оттягивался по полной программе, словно голодный нищий, получивший вдруг в наследство богатую колбасную лавку. При дворе над ним втихомолку насмешничали — но многие из насмешников, не способные похвастать такими богатствами, втайне завидовали...

Обозревая другую половину зала, Сварог вдруг зло сузил глаза. Крепко выругался про себя.

Томи танцевала сандугар с герцогом Лемаром. Лемар, обнимая ее за плечи и талию со всей допустимой в сандугаре вольностью, что-то непрестанно нашептывал на ухо, в рубы и все свое нешуточное обаяние.

«Предупреждал же скота, чтобы и близко к ней не подходил, — сердито подумал Сварог. — Открытым текстом предупреждал. Законопатить его, что ли, на годик на Стагар, где он уже обвыкся при Конгерे?» Созданные им Братство Юных Витязей Короны и Лига Юных Сподвижниц Короны уже работают, как хорошо отлаженные механизмы, ничего не изменится, если

вместо Лемара поставить во главе кого-то другого. А работать над очередными проектами Сварога он может и на Стагаре: прилетевший на самолете гонец привезет подробное «техническое задание», а потом увезет готовый материал. Работать будет, как миленький, если пригрозить, что в случае забастовки останется там пожизненно...

Сварог уже хотел было привычным жестом подозвать кого-нибудь из одетых в лакейские ливреи дворцовых стражников — их тут торчало немало, примерно столько же, сколько и настоящих лакеев. Это для танцующих он оставался незамеченным, а вышколенные лакеи и хваткие стражники, судя по быстрым взглядам, засекли его в тот момент, когда он вошел в зал. Как тем и другим по службе и полагалось. Имелись тут и люди Интагара, и люди Сварога из восьмого департамента (добрая половина их имела строжайший приказ не спускать глаз с Яны — после того, что Сварог увидел на компьютере Орка, он, едва выйдя от Канцлера, отдал распоряжение усилить охрану Яны насколько возможно). Одним словом, тихарей достаточно, чтобы повязать Лемара, как пучок редиски...

Сварог уже начал было поднимать руку — и опустил.

Томи улыбаясь. Впервые за много дней. Пусть слабо, но почти весело, и щеки утратили прежнюю бледность, чуть зарумянились. Она уже начинала походить на себя прежнюю. Ради того, чтобы видеть ее такой, можно было стерпеть и Лемара...

Почти не глядя в ту сторону, Сварог небрежно поманил указательным пальцем — и к нему бесшумной тенью подлетел лакей с подносом, уставленным хрустальными бокалами с золотисто-зеленоватым сангари, здешним аналогом шампанского. Стол же бесшумно и проворно вернулся на прежнее место.

Сварог так и сидел, по глоточку прихлебывая вино, наблюдая за Лемаром и Томи, когда заиграли анде-

мир. Вторая половина этого танца состоит из импровизации. И вдруг...

Мысль была щальной, сумасшедшей, но отчего-то он остался в убеждении, что не ошибается. Что в танцевальных движениях Лемара — они с Томи подняли руки над головой, переплели пальцы, медленно кружились — есть нечто знаконое. Уже виденное не далее, как этой ночью. Чем дальше, тем больше крепнет уверенность, что он не ошибается. Но ведь не может же оказаться... Но ведь могло однажды? Да не однажды, черт... Она улыбается, оттавает... Ни одна из похищенных Лемаром девушек не принесла на него жалобу, а ведь вряд ли он их запугивал. Это его прямо-таки колдовское умение очаровывать...

Уже привычно, не глядя, он отвел в сторону руку с пустым бокалом — и бокал моментально, словно сам собой, исчез из его пальцев. Танец кончился. Наступил короткий перерыв. Сварог решительно встал и пошел через зал, целеустремленно, энергично, решив разгадать эту загадку раз и навсегда.

Перед ним, тут же узнавая, поспешил расступались. Он успел в тот самый момент, когда Лемар и Томи собирались направиться к одному из диванчиков. Похлопал Лемара по плечу. Тот спокойно обернулся, глядя без всякого страха. Томи улыбнулась Сварогу почти прежней улыбкой. Он сказал с наигранной веселостью:

— Томи, прости, я буквально на пару минут украду твоего кавалера, срочные государственные дела...

И, крепко сжав локоть герцога, повел его в полу-мрак. Остановился у колонны, спросил без злости:

— Герцог, вы помните, что я обещал оторвать вам голову, если еще раз увижу возле этой девушки?

— Ну оторвите, если пришло такое желание, — спокойно сказал Лемар. — Только, я вас прошу, после бала.

— Хотите мне что-то сказать?

— Да, наверное, — сказал Лемар. — Ваше величество... Не хотелось бы унижаться, рассыпаясь в завер-

ниях, но, слово чести, в этот раз у меня совершенно другие намерения. Самые безобидные. Я всего-навсего хотел, чтобы девушка немного оттаяла, и не более того. У нее большое горе, и я всего-навсего хотел этот снять, насколько удастся...

И ведь он не врал, с нешуточным удивлением определил Сварог. Крепко взял Лемара за левую руку у самого плеча и потеснил к стене, почти прижав к ней. Тихонько спросил:

— Лемар, у вас в роду были нелюди?

— Конечно, — сказал герцог буднично, словно о самой обыденной вещи. — Моя мать была дриада. Одна из последних дриад Каталауна. У отца было имение близ Хребта, однажды они с матерью встретились в лесу... Все началось, и, в конце концов, она решилась...

— Стать человеком, — утвердительно кивнул Сварог. — Я кое-что знаю о дриадах... — И продолжал еще тише: — Но ведь этого мало, Лемар? Недостаточно, чтобы она полностью оттаяла? Мало одних танцев и разговоров?

— Мало, ваше величество, — кивнул Лемар. — Уж если вы кое-что знаете о дриадах, должны знать, что необходимо...

Сварог приблизил лицо почти вплотную к его лицу и выговорил яростным шепотом:

— Я вам разрешаю все, Лемар. Понятно? Всё. Один-единственный раз. Но если я завтра увижу, что она не стала прежней, я вас сгною на Стагаре...

— Она станет прежней, ваше величество, — сказал Лемар со спокойной уверенностью. — Горе останется, но уйдет настолько вглубь, что перестанет мучить. А если этого не случится, можете отрубить мне голову.

— Можете не сомневаться, отрублю, — сказал Сварог жестко. — Ну, что вы стоите? Идите к ней...

Глядя вслед, он видел, как Томи радостно подалась навстречу герцогу — так, словно опасалась больше никогда его не увидеть. «Господи, лишь бы удалось, и я за-

крою глаза на все его будущие грехи, лишь бы удалось, и Томи вновь стала прежней, пусть с ней произойдет то же, что и со мной...»

Наступил перерыв, как обычно, после полудюжины танцев. Проворные лакеи обносили гостей вином и прохладительными. Сварог удовлетворенно наблюдал, как Томи о чем-то своем беседует с Лемаром — порой улыбаясь, пусть бледно, но очаровательное лицико уже не похоже на застывшую маску горя. Ну, пусть идет, как идет, если все получится, Лемару много грехов простится...

В левом кармане почувствовалась знакомая пульсация — кто-то что-то сообщал. Настоящий портсигар лежал у него в правом, а в левом он носил о с о б й, имевший лишь вид портсигара, а на деле представлявший собой футляр, набитый устройствами связи в миниатюрном исполнении, да вдобавок там был дешифратор. Присев на диванчик, Сварог быстро огляделся. Придворные его не замечали, а тихарям ничему удивляться не положено...

Он достал «портсигар», повернул его так, чтобы окружающие не видели небольшого, в ладонь, экрана, нажал «рубин» на крышке справа.

Сообщение от резидента девятого стола в Глане — зашифрованное, но без отметок тревоги. Все законно, господа мои: сотрудники имперских спецслужб как раз и связываются и меж собой, и со штаб-квартирами с помощью таких вот устройств, резидентом в Глане сидит антланец, штатный сотрудник девятого стола, з а в я з а н н ы й на глэйда Баглю. Вот то, что он дал Интагару компьютер, как раз и являет собою вопиющее нарушение правил, предписаний и законов — но, судя по тому, что Канцлер даже сегодня ни словечком о том не упомянул, э т о он не намерен ставить Сварогу в строку, понимая, что тут не прихоть, а производственная необходимость, идущая лишь на пользу делу.

Так. Баглю докладывает. Что ж, все логично, хотя по-прежнему насквозь непонятно. Нет пока что ничего

тревожного или опасного, противник продолжает разыгрывать свою партию — ну, а мы будем ждать возможности сделать ответный ход, каковой вскоре обязательно последует, как только мы будем знать больше...

Высмогрев Яну с кавалером — Везунчик что-то прлил к ней неотвязно, — Сварог не спеша направился в их сторону, держась в полумраке на самой границе света.

Ого! Яна внезапно резко повернулась к кавалеру и залепила ему оглушительную пощечину так, что звонкий треск далеко разнесся. Сварог не ускорил шаг, наоборот, остановился, не без любопытства наблюдая развитие событий, — опасности ведь никакой не было, так что вмешаться он всегда успеет.

Везунчик замер соляным столбом, улыбаясь криво, растерянно, жалко. Придворные притворились, будто ничего не видели и не слышали, что ничего и не произошло. Случись это с кем-нибудь другим, вокруг моментально столпились бы любопытные, как при любом скандале на балу, а такой вот эпизод — несомненный скандал. Однако все прекрасно знали, какое положение при короле занимает «баронесса Вольмер», а потому благоразумно не стали любопытствовать.

Вокруг Яны и ее потиравшего щеку с той же жалкой улыбкой кавалера моменально сомкнулась охрана. Посторонние ничегошеньки не заметили, но к о л ь ц о было выстроено грамотно: трое «придворных» и пятеро «лакеев», якобы невзначай расположившихся так, чтобы надежно прикрыть «баронессу» от любых случайностей. Они, конечно, стояли не плечом к плечу — и внутрь «кольца» кинулись Гаржак с Каниллой. Охрана на них никак не отреагировала, прекрасно знала: люди с в о и.

Гаржак что-то коротко спросил — явно «Что случилось?» Яна, нахмурясь и сердито сверкая потемневшими от гнева глазами, ответила довольно короткой фразой. На лице Гаржака моментально появилась дав-

но знакомая Сварогу хищная улыбка, он повернулся к герцогу, и произошла чуточку странная сцена: Гаржак, упервшись в герцога недобрый взглядом, черкнул по лбу указательным пальцем правой руки, слева направо — а герцог после короткого промедления приложил правую ладонь к левой щеке.

Кажется, Сварог догадался, в чем тут дело. Был сделан — и принят — вызов на дуэль, каковой был строжайше запрещен в королевском дворце — что словесный, что сделанный посредством брошенной перчатки. Однако Сварогу доложили, что изобретательные бреттеры давненько отыскали выход, разработав несколько условных жестов.

Забавно, но это тут же напомнило ему школьное детство, точнее, седьмой класс. Девчонки придумали систему условных знаков, наподобие азбуки глухонемых, охватывавшую весь алфавит, и очень быстро наловчились болтать на нем оживленно. Мальчишки злились — в шаге от них шел разговор, в котором они нисколечко не понимали, — но девчонки секрет хранили свято, пока в восьмом эта забава как-то незаметно не вышла из употребления.

«Вот теперь пора и вмешаться, — решил Сварог. — Король, как ему и положено, выдвигается творить справедливость — что порой оборачивается крайне печально для провинившихся...» Выйдя на свет и подойдя вплотную к участникам событий, он распорядился тихо и властно:

— Всем оставаться на местах.

После чего он подхватил Яну под локоток, отвел в полумрак — она не противилась — и тихонько спросил:

— Сколько он тебе предлагал за ночь?

— Догадался? — фыркнула Яна рассерженной кошкой.

— А что тут голову ломать? — пожал плечами Сварог. — Я что-то не видел, чтобы он распускал руки, в конце концов, тут не марчерет на маскараде. На обыч-

ный двусмысленный комплимент ты бы так не отреагировала. Зная появившиеся у него после нежданного обретения наследства привычки, ответ напрашивается сам собой... Так сколько?

— Пятьдесят тысяч ауреев золотом, — сказала Яна, уже остывая. — И чтобы непременно с «игрой на флейте» и «тюремным наездником». Вот, кстати, что такое «тюремный наездник»? В жизни не слышала.

— Это потому, что ты воспитанная девушка, — сказал Сварог, невольно ухмыляясь во весь рот, не ожидал такой дерзости от сопляка. — Я тебе потом объясню. А сейчас схожу-ка, на скорую руку сотворю справедливость... Посиди здесь, подожди меня, есть разговор...

Он вразвалочку подошел к оставшейся троице, уставилялся на помертвевшего проказника отнюдь не дружелюбно и с ухмылочкой спросил:

— Я вижу, вам деньги некуда девать, сударь мой?

Бледный как смерть герцог тихонечко постукивал зубами — только сейчас сообразил, оборвот, что не нареком зарвался. Взяв его за руку у плеча, Сварог с ласковой угрозой спросил:

— Слушать и понимать в состоянии?

— Да, в-ваше... — откликнулся герцог сквозь постукивание зубами. — П-помилуйте...

— Везет вам, что настроение у меня сегодня не такое уж дурное, — сказал Сварог. — Завтра утром, едва откроются банки, переведете сто тысяч ауреев золотом Ордену Возрождения Трех Королевств. При дворе не появляться месяц. Этим моя немилость, на ваше счастье, и ограничится. Все понятно?

— К-конечно, в-ваше... — пролепетал герцог, уже сообразивший, что сделался, в общем, легко. — Н-непременно... Утром...

— Вон отсюда, — сказал Сварог.

Герцог покивал, пару шагов пятился, потом развернулся и чуть ли не бегом направился к выходу. Возле уже стояли с выжидательным видом один из младших

церемониймейстеров, как раз и распоряжавшийся подобными балами, и начальник тихарей. Сварог сказал им небрежно:

— Печальное недоразумение разрешилось, бал продолжается как ни в чем не бывало...

Взял за локоть Гаржака, отвел его в полумрак и тихонько спросил:

— Вы ведь его вызвали на дуэль, я так понимаю? Врать не стоит, прекрасно знаете, что я это моментально определи...

— Вызвал, — покаянно сказал Гаржак. — Запрет запретом, но, по-моему, тут особые обстоятельства...

— И он, сдается мне, вызов принял?

— Ага. Он не трус...

— Ловко же вы, господа бретеры, навострились обходить запреты... — сказал Сварог ворчливо. — Ладно, я сам виноват: в указе о запрете вызовов во дворце ничего не говорится о вызовах же есть стами (подумал: вообще-то я сам такой, при необходимости использую малейшую юридическую прореху). Ничего, я это упущение быстренько исправлю завтра же... Гаржак, дуэль должна состояться не ранее полудня. Пусть сначала переведет деньги. Мыслить нужно по-государственному: ничего не стоило прямо сейчас отправить его в ссылку, но приведение в порядок Трех Королевств постоянно требует немалых денег... Понятно?

— Конечно, ваше величество. Я и сам так решил, когда услышал про сто тысяч...

Сварог, не видя вранья, одобрительно кивнул:

— Хвалю за сообразительность... Только вот что, граф: до смерти его не убивать. Это прямой приказ. Если убивать каждого дурака за дурацкие поступки, мир наш ощутимо обезлюдеет. Я, конечно, ревнив, как любой нормальный мужчина, но не до такой же степени... Все ясно?

— Конечно, — сказал Гаржак. — Ничего, у меня есть задумки, вовсе не угрожающие жизни... — он продол-

жалтише и неувереннее: — Ваше величество... Я не вызову вашего неудовольствия, если рискну... подружиться с графиней Дегро?

(Это Яне по вполне понятным причинам приходилось пользоваться «рабочим псевдонимом». Остальные юные сподвижники и сподвижницы Сварога выступали здесь под своими подлинными именами и титулами. Что ничуть не нарушало конспирацию: кто возьмется проверять? В любом королевстве множество захудальных провинциальных дворян, чьи имена в столице никому не известны — и порой они попадают ко двору в результате удачного для них стечения обстоятельств. Никто из придворных не будет старательно изучать геральдические справочники, а почти все земные спецслужбы в цепких руках Сварога...)

Сварог подумал не без веселости: судя по замеченному прежде чуточку затуманенному взгляду графа, на сей раз его зацепило всерьез. Что нередко случается и с записными ловеласами, привыкшими крутить легкие, ни к чему не обязывающие романчики. Канилла есть Канилла — безобидная обликом разновидность оружия массового поражения. Сколько дуэлей из-за нее приключилось за то время, что она бывает во дворце, и не сосчитать толком. Хотя она никому не подавала надежд, дуэли тем не менее частенько случаются — как бывает и на земле, и за облаками...

— Ничего не имею против, — сказал Сварог. — Никакого неудовольствия — она девушка взрослая и свободная. Вот только... Если вы ее как-то обидите, Гаржак, или, скажем, бросите так, что она будет несчастна... Вот тогда разозлюсь. И не посмотрю, что вы крайне нужны для дела.

— Никогда в жизни, ваше величество! — воскликнул граф с нешуточным пылом.

Усмехнувшись про себя — да, зацепила крепко, — Сварог сказал:

— Вы же из дуэлей вылезать не будете...

— Дело привычное, ваше величество, — усмехнулся ободренный Гаржак. — Справлюсь, не впервые...

— Ну, смотрите, — сказал Сварог, заметив краем глаза, что в шаге от них нарисовался начальник тихарей, стоявший с явно выжидающим видом. — Ладно, идите...

Едва Гаржак отошел, лейб-тихарь посунулся к уху Сварога:

— Государь, господин Интагар прилетел и ждет в приемной Малого кабинета...

— Отлично, — сказал Сварог. — Передайте, что я... и баронесса Вольмер сейчас придем.

Подошел к Яне и деловито спросил:

— Тебе что интереснее — танцы или новые загадки?

— Что за вопрос! — Яна проворно вскочила с диванчика. — Загадки, конечно!

— Ну, тогда пошли.

Когда они вышли из зала, Сварог усмехнулся:

— Вита, твоя цена возрастает поразительными темпами. Тогда, на танцах в Пограничье, тебе предлагали всего-то шесть серебряных, а теперь...

— Пошлые у тебя все же шуточки... — она пытливо взглянула на Сварога, и вместо деланой обиды ее лицо озарилось нешуточной радостью. — Шут и шут? Значит, от боле л?

— Пожалуй, что так, — сказал Сварог.

Яна облегченно вздохнула:

— Вот и прекрасно. Ты и не представляешь, как я рада. Тягостно было видеть тебя таким...

— Одного я не пойму, — сказал Сварог. — Там, в Пограничье, ты все восприняла спокойно, даже с юмором. Хотя тебе там не просто деньги предлагали, а еще и пониже спины хлопнули. А сейчас взбеленилась...

— Тут совсем другое, — сказала Яна. — Тогда, в Пограничье, тот хам представления не имел, кто я такая: небогатая горожаночка и все тут. Этот болван тоже не знает, кто — я, но прекрасно осведомлен, что я — твоя...

Разозлившись тут. Ты, надеюсь, предупредил Гаржака, чтобы его не убивал? В общем, человек не такой уж и скверный, просто немного одурел от шальных денег...

— Вот и я то же самое подумал, — сказал Сварог. — И велел не убивать... — усмехнулся: — Правда, содрал с него денежки в двойном размере — все равно промотает, а так хоть часть пойдет на нужды Трех Королевств... — и повторил: — Мыслить нужно по-государственному...

— Изящно, — одобрила Яна. — А куда мы идем?

— Интагар прилетел из Равены только что. Не может быть, чтобы он не накопал совсем ничего нового о «тарелочках».

— О ч е м? — удивленно спросила Яна. — О каких таких тарелочках?

Сварог недоуменно воззрился на нее, но тут же сообразил: безвылазно просидев на Той Стороне более суток, она попросту ни о чем еще не знала — о «радианте», о «тарелочках», о явке Орка с повинной. Обо всем этом деле.

— Давай-ка постоим пару минут, — сказал он, останавливаясь у беломраморной с розовыми прожилками колонны. — Сейчас расскажу кратенько, ты ведь совершенно не в курсе. Интагар подождет, будь там что-то, не терпящее отлагательств, мне бы так и доложили... Только, я тебя прошу, оставайся веселой и беззаботной, король воркует с фавориткой, обычное дело. А если тебя увидят озабоченной и нахмуренной, моментально сплетни поползут, сама знаешь...

— Поняла, — сказала Яна, улыбаясь весело и беззаботно, даже где-то лучезарно. — Рассказывай.

Он тихонечко, почти шепотом, принялся рассказывать, выделяя главное — потом сама посмотрит подробные материалы. Яна все это время продолжала улыбаться лучезарно и счастливо. Предосторожность не лишняя: пока он говорил, мимо в обоих направлениях трусцой пронеслись три лакея, «настоящих», и

два раза проходили придворные, дамы с кавалерами. Ни те ни другие на них вроде бы не обратили ни малейшего внимания, но Сварог давно убедился, что красивым глаза все ухитрились рассмотреть их и оценить выражение лиц. Окажись Яна хмурой или озабоченной, моментально расползутся сплетни о размолвке, а к чему им лишняя болтовня?

— Вот такие дела, Вита, — сказал он, закончив.

Яна помолчала немного, подняла на него глаза. Взгляд у нее был спокойный.

— Но ведь ничего страшного пока что не усматривается? — спросила она. — Никакой угрозы?

— Пока — нет, — сказал Сварог искренне. — У нас просто мало информации, вот и все. На Той Стороне за день — то есть за тамошнюю ночь — не случилось ничего интересного? Последний раз о том, что ты там, Канцлер мне говорил ранним утром.

— Совершенно ничего, — сказала Яна. — Так что я хорошо выспалась... — Она бросила на него лукавый многозначительный взгляд.

— Понял, — сказал Сварог. — Ничего не имею против, наоборот... Пошли?

Сидевший в приемной Интагар проворно встал, когда они вошли. Статс-секретарь остался сидеть (по установленному порядку он вставал лишь при первом в этот день появлении Сварога). В руке верный бульдог держал объемистую матерчатую сумку с двумя ручками — с такими небогатые хозяюшки или горничные и служанки из не особенно зажиточных домов ходят на рынок и в лавки за продуктами. Судя по ее виду, там было что-то другое, не бумаги — их Интагар, как министру и положено, носил в портфеле с тиснеными золотым государственным гербом и эмблемой министерства тайной полиции. Содержимое сумки глухо стукнуло, и у Сварога появились определенные догадки.

Сварог сел за свой стол, Яна устроилась чуть поодаль, в кресле, Интагар, как обычно, занял место «до-

кладчика» напротив Сварога. Нельзя сказать, что его бульдожья физиономия лучилась радостью, но и печальным он не казался, а это позволяло верить, что он все же раскопал толику полезного.

— Интагар, стопку келимаса? — спросил Сварог. — А ты, Вита?

Сейчас не было никакой нужды в конспирации — уж Интагар-то прекрасно знал, кто она такая. И далеко не сразу поборол некоторую робость, остатки коей сохранились до сих пор.

— Не отказался бы, ваше величество, — сказал он. — Весь день на ногах, носился по городу, как собака... прощите... баронесса.

— Ничего страшного, — лучезарно улыбнулась Яна. — Я и почище словечки слышала на каталаунских охотах...

Сварог переставил кресло Яны к торцу стола. Она попросила:

— А мне — бокал вина, если найдется.

— У короля да не найдется? — фыркнул Сварог. Он налил себе и Интагару по чарке «Старого дуба», Яне — бокал темно-рубиновой «Медвежьей крови» (одно из ее любимых вин), выставил тарелочки с тонко нарезанным копченым мясом, конфетами и гиперборейскими финиками, ларчик с сигаретами и хрустальную пепельницу (Интагар крепкие напитки весьма даже жаловал, но не курил, а с курением Яны Сварог с самого начала примирился). Удовлетворенно оглядел этот натюрморт и сказал:

— Ну вот, рабочая атмосфера создана. Выпьем за удачу и начнем, пожалуй...

Они с Интагаром осушили чарки, Яна отпила пол-бокала.

— Ну, а теперь о деле, — сказал Сварог. — Я так понимаю, Интагар, что-то вы да раздобыли? — и кивнул на сумку, стоявшую у ножки кресла министра тайной полиции. Да, ничуть не походило на бумаги — судя по

тому, как свободно опала на сторону верхняя половина сумки, там лежало что-то объемистое.

— Что вам известно... баронесса? — осведомился Интагар.

— Все главное, — сказала Яна.

— Это хорошо... Итак. Пожалуй, стоит начать с тех судовладельцев? (Сварог молча наклонил голову.) «Бадеш и сыновья». Дела ведут сам Коринт Бадеш и два его сына. Компания старая, основал ее еще дед Бадеша, потом она перешла к отцу, и только потом к Коринту, до того значившегося среди «...и сыновья». Сорок два судна, из них тридцать одно — пароходы. Тридцать речных и, соответственно, двенадцать морских. Шестая по величине среди подобных ей компаний. Пользуется хорошей репутацией — в контрабанде не замечена ни во времена Бадеша-деда, ни во времена Бадеша-отца, ни при нынешнем главном владельце. С давних пор грешила одним — частенько перекрашивала «трюмные марки». Вы знаете, что это за штука?

— Не слышал, — сказал Сварог. — Как-то не занимался я судовыми делами...

Яна отрицательно мотнула головой.

— Ну, а я об этом узнал довольно давно, — сказал Интагар. — Мне как раз судовыми делами заниматься приходилось, еще не будучи министром... Штука несложная. На борту каждого грузового судна есть линия с особым знаком. Когда при погрузке ее закрывает вода, это означает, что достигнут крайний предел загрузки. Однако частенько ее закрашивают и переносят повыше. Это дает возможность взять неучтенный груз и тем самым платить меньшие пошлины. Особенно выгодно такое проделывать на крупных судах. В основном этим занимаются на речных судах и на тех морских, что ходят в спокойные районы, — при сильном волнении на море, а уж тем более при шторме очень велик риск, что перегруженное судно затонет быстрее, чем идущее без перегрузки... что порой и происходит.

А вот на реках, на спокойной воде риск потонуть невелик, примеры по пальцам можно пересчитать... А потому перекраской «марок» грешат практически все без исключения солидные компании. Так что это еще не свидетельствует об о с о б ы х преступных склонностях Бадеша. Порой ловят, конечно, но законы предписывают лишь денежные штрафы, не столь уж и чувствительные для крупной компании. Я простите, отвлекусь, ваше величество, но закон не мешало бы ужесточить. Во-первых, недоплаченные пошлины довольно велики, во-вторых, распространяется продажность среди соответствующих чиновников...

— Ужесточу в ближайшее время, — кивнул Сварог. — Я такие вещи быстро делаю... Дальше.

— Одним словом, в контрабанде Бадеш никогда не был замешан, до этой истории. Быть может, ему предложили деньги, перед которыми он не смог устоять, — случается такое с людьми... У нас было слишком мало времени, чтобы установить с ходу, выгружал ли еще Бадеш эту загадочную контрабанду в других портах. Я связывался с бароном Фатерусом, он сумел раскрыть одинединственный случай. Так что пока у нас только два: тот, о котором вы мне рассказали, и тот, на который наткнулся Фатерус. Но теперь, когда он на примете, это лишь вопрос времени. Во всех находящихся под вашей властью королевствах и прочих землях тайная полиция и соответствующие морские и таможенные службы подняты на ноги. Гораздо легче искать, когда знаешь, где искать. Скоро будет сплетена сеть, в которую непременно попадутся жирные мухи, — я не исключаю, что перевозит эти штуки не один Бадеш... Само собой разумеется, за его конторами и кораблями поставлена плотная слежка, начинаем понемногу там и сям засыпать агентов. Ручаюсь, ваше величество, это лишь вопрос времени...

— Имейте в виду, — сказал Сварог. — Времени в нашем распоряжении, вполне может оказаться, не так уж и много. Какие-то недели, от силы месяца...

— Я учитываю, ваше величество. Все работают с предельным напрягом жил... Теперь — о самих «тарелочках». У меня есть сведения пока что только из Снольдера, Ронеро и Балонга...

Сварог прервал его привычным движением руки:

— В таком случае вы, возможно, уже усмотрели некую с и с т е м у? Четыре страны, включая Сегур, позволяют, по-моему, усмотреть систему, которая просто должна быть...

— Кое-что просматривается, ваше величество...

— В таком случае быстренько добавьте туда и Глан, — сказал Сварог. — Я буквально полчаса назад получил сообщение от своего человека в Глане, а он, в свою очередь, получил сведения от Баглю. Вот уже семь с лишним месяцев в Глане торгуют «тарелочками». Тот, кто все это затеял, учитывал местные особенности. «Тарелочки» украшены излюбленными гланцами мотивами: медведь и медвежья голова, чертополох, репейник, всевозможное оружие. Стоит одна «тарелочка» один гланский серебренник, что, как мне объяснили, составляет примерно половину серебряного сестерция. Глан — держава небогатая, для нее и эта цена высока... если речь идет о простолюдинах, небогатых членах Гильдий и Сословий. Но те, у кого лишние деньги водятся, покупают охотно. В первую очередь, дворяне побогаче, а за ними, как водится, тянутся и те, что победнее... Подумайте, как это уложить в вашу систему.

Инtagар задумался, но ненадолго.

— Это совсем нетрудно, — сказал он вскоре. — Семь с лишним месяцев... Примерно столько же времени ими торгуют в Снольдере. В Сегуре, как вы сами говорили — полгода. А вот в Ронеро — восемь с половиной. И не только «тарелочками»... С вашего позволения, я сначала покажу?

Сварог снова кивнул. Инtagар поднял на колени глухо стукнувшую сумку, принялся выкладывать на стол аккуратные свертки, потом развернул их. Уже насмо-

тревшийся «тарелочек» Сварог окинул выложенные в длинный ряд предметы лишь беглым взглядом: те же выгравированные рисунки, разве что добавились новые — женская головка, скрещенные мечи и тому подобное. Зато Яна, впервые с этим столкнувшаяся воочию, рассматривала и вертела в руках тарелочки с большим интересом.

— И кое-что другое, — сказал Интагар, — пока что это появилось только в Ронеро, но продаётся в немалых количествах...

Он развернул последний сверток, самый маленький. Теперь и Сварог присмотрелся с интересом. Маленький, в половину его мизинца крест Единого, такой же величины медальоны с каноническими изображениями Ашореми, Бригиты, Кернуунноса, Руагату, Симаргла и Хорса.

— Нет Черной Троицы, и то хорошо, — сказал он. — Но нет и Великой Матери, которую никто и никогда не причислял к черным божествам...

— По-моему, объяснение есть, — сказал Интагар. — За редчайшими исключениями, Великой Матери поклоняются только в деревнях. Возможно, деревня тех, кто все это затеял, не интересует, они «осваивают» города. В Ронеро с чьей-то легкой руки — обладателя этой «легкой руки» мы сейчас усиленно ищем, потому что есть стойкие подозрения: мода родилась не сама по себе, а была кем-то искусно з а п у щ е н а в обиход...

— Что за мода?

— В последний месяц распространилась в Равене, а из столицы, как всегда бывает, потихоньку перекидывается в провинцию. У дворян вдруг стало модно вешать дома такую тарелочку с изображением своего герба. В Равене работают уже пять мастерских, где гравируют гербы на имеющихся у них чистых «тарелочках», и в последнюю неделю еще две открыты в самых близких к Равене провинциях. Мы, конечно, быстро проверили все, что могли. На бумаге все пять мастер-

ских и те две провинциальные принадлежат разным людям. У нас пока что нет прямых улик, но появились стойкие подозрения, что принадлежат они кому-то одному, а мнимые владельцы — лишь подставные лица. Очень уж слажено они открылись, как по команде, наборы инструментов словно вышли из одной мастерской, они не пробуют меж собой конкурировать, что для них скольких заведений в одном городе нехарактерно. Разумеется, мы и их тщательно изучаем. Агентов, правда, туда не внедрить — число работающих там невелико и новые там не нужны. Если подтожить все, мне думается, что и сточник — в Равене. Там раньше всего начали продавать «тарелочки», там появились первые гравировальные мастерские, там и только там начали торговаться символами Единого и других божеств. Кстати, имеющими большой спрос у поклоняющихся этим божествам — раньше до этого как-то не додумались, каждый, кто хотел их носить, заказывал у мастеров самостоятельно, производство символов поставлено на поток только у членов Братств Единого и некоторых его монастырей. Мы уже обнаружили два торговых дома, поставляющих в лавки «тарелочки» и символы, и одну — промышляющую грузовым извозом, у которой, похоже, форменное монопольное право на перевозки. Один торговый дом и одну извозную контору нашел у себя в столице барон Фатерус. Все это — на скорую руку. Не исключено, есть другие. Но все они, создается впечатление — не более чем посредники. Ничего. Теперь, когда мы знаем, где искать, отыскать гнездо будет быстрее и проще. Так уже не раз бывало с другими делами — ухватив ниточку, быстро разматываешь клубок... Вот и все у меня, ваше величество. На сегодняшний день. Но мы и работали-то всего сутки, так что упрекать нас, сдается мне, пока что не стоит...

— Я и не собираюсь, — сказал Сварог. — Наоборот. Вы в кратчайшие сроки провернули хорошую рабо-

ту. Если и дальше пойдет такими же темпами, выйдет просто отлично.

Веря в руках «тарелочку» с изображением корабля, Яна задумчиво сказала:

— Они как-то очень уж беспечны, если ведут торговлю на широкую ногу и вдобавок открыли гравировальные мастерские...

— Вот это вряд ли, — серьезно сказал Сварог. — Они торгуют, самое малое, восемь с половиной месяцев, не исключено, и дольше. Никто ничего не заподозрил — это просто безобидные камни. А контрабанду впервые обнаружили не сильные тайные службы держав Харума, а совсем молодая девушка с небольшим опытом работы, в крохотном Сегуре. (Инtagар с сокрушенным видом приподнял плечи и чуть развел руки). Нет, беспечностью тут и не пахнет, а вот точным расчетом — за лигу...

— Пожалуй, вы правы, государь, — согласился Интагар (никогда не льстивший, знавший, что пустой лести Сварог не переносит). — Чисто случайно на них наткнулись... Девчонка утерла нос всем.

Когда Интагар вышел, Сварог вольготно раскинулся в кресле в неподобающей королю позе, курил и смотрел на Яну, все еще перебирающую «тарелочки» и медальоны, порой, то положив ладонь на «тарелочку», то зажав медальон в ладонях. Она что-то коротко шептала, устремив взгляд в потолок, — и всякий раз делала недовольную гримаску. В конце концов, похоже, нашла это занятие безнадежным. Пожала плечами:

— Одно скажу: магии тут ни на грош.

— Грельфи говорила то же самое, — сказал Сварог. — А как насчет т е х н о л о г и й? — и тут же смущенно осекся. — Да, конечно...

Дававший владельцу нешуточное могущество Древний Ветер технологий, вульгарно выражаясь, не просекал совершенно. С месяц назад произошел примечательный случай, кое-что прояснивший. На последней

охоте в Каталауне егеря из тамошних жителей случайно задел руку Яны повыше локтя наконечником короткого охотничье копья. Точнее, задел бы. Неведомая сила отбросила копье в сторону так, что егеря едва не вывихнул запястье. Вернувшись домой, Яна, не теряя времени даром, принялась экспериментировать. Вела срочно изготовленный «научное оборудование» в виде копий, ножей и топоров, позвала двух Бриллиантовых Пикинеров, надела кафтан из прочной кожи сильванского буйвола... Эксперименты оказались крайне полезными. Было точно установлено: в отличие от других ларов, Яне нисколечко не опасно холодное оружие, находящееся в чьей-то руке. Но не всякое. Она получила все же несколько царапин — пустяковых, вмиг ею залеченных, — но никаких неясностей не осталось. Отлетали отброшенные той же силой копья с костяными и каменными наконечниками, костяные и каменные ножи, топоры и мечи. Оружие из железа, бронзы, меди, серебра и золота (Яна решила не доводить дело до абсурда и прочие металлы не испытывать), пребывавшее в руке, было для нее столь же смертельно опасно, как для всех остальных ларов. Наконечник копья егеря был как раз из камня, в Каталауне же добывавшегося черного обсидиана. При надлежащей обработке изготовленные из него наконечники копий и стрел и кинжалы иные охотники предпочитали стальным, потому что они были острее стали. Из эксперимента проистекал логический вывод: Древний Ветер, чем бы он ни был, возник в те незапамятные времена, когда люди еще совершенно не знали металлов. Какие уж тут технологии...

— Я и забыл... — сказал Сварог. — А твой шар ничем помочь не может?

— Я, конечно, попробую, — сказала Яна. — Но подозреваю, что не получится. Если там самые обычные люди — не получится. Как бы тебе объяснить... Я могу найти, глядя в шар, любого известного мне че-

ловека — но не того, о котором мне ничего неизвестно. С Хитрыми Мастерами обстояло иначе: шар их увидел вовсе не потому, что они обладали техникой, превосходящей земную. Техники этой он вообще не видел. Просто эта техника была чужой, инородной в этом мире. Вот и нородность он усмотрел безошибочно. Вот если бы Интагар нашел гнездо, я бы, точно зная место, смогла смотреть и слушать...

— Если точно знать место, мои хельстадские компьютеры легко делают то же самое... Но ты все же попробуй, ладно?

— Попробую. Налей мне еще немного.

Сварог налил. В голове сама собой всплыла песенка, которую еще в прежней жизни, в полузыбые тогда (а ныне почти начисто забытые) времена больших несбытий надежд, он пел под гитару по-французски, поскольку изначально она и была французской, — а потом, когда надежды не сбылись и потянулась рутиной, французский забыл вовсе.

*Его отец был арлекином,
а мать наездницей была.
И с колыбели был подкинут
он в мир добра и зла.
А колыбель его висела
над самой клеткой льва...*

«Это про нас, — подумал он. — Ну, почти. Мы стоим перед клеткой — и есть все основания думать, что там обосновалась зверюга даже почище льва, и клетка не заперта, и когда она бросится наружу, решительно неизвестно. Правда, мы не младенцы в колыбели, но все равно есть что-то общее... Над самой клеткой льва...»

Видя, что ее бокал опустел, а сигарета докурена, он предложил:

— Пойдем к себе?
— Пойдем, — встала Яна.

Они вышли из кабинета... и Сварог с некоторым недоумением узрел Интагара, о чем-то говорившего с секретарем. Лицо у верного бульдога было хмурое — с таким он заявлялся сообщать неприятные новости.

— Случилось что-то? — спросил Сварог.

— Нет, собственно... Но если позволите, ваше величество, я бы хотел недолго с вами поговорить наедине...

— Конечно, — сказал Сварог и повернулся к статс-секретарю: — Вызовите Амину, пусть проводит баронессу...

Секретарь коснулся нужной кнопки. Яна послала Сварогу выразительный взгляд, читавшийся легко, словно детская книжка на родном языке: а не чересчур ли? Мы меж двух линий надежнейшей охраны, пройти уардов сто — коридор, невысокая лестница, еще один коридор...

Он ответил не менее выразительным взглядом: прости, милая, но я в свете последних событий предпочту перестраховаться... Прекрасно знал, что при посторонних она с ним спорить не будет.

Очень быстро появилась девчонка лет четырнадцати в классическом наряде: короткие штаны с буфами, кафтан особого покроя с буфами на плечах, чулки и туфли, синий берет с роскошным пером. Совсем соплюшка на вид, но смертельно опасная, как дюжина гремучих змей. Питомица заведения Гаудина, готовившего малолетних суперменов и суперменш, — оно досталось Сварогу по наследству вместе со всем восьмым департаментом, хотя использовал он этих юных убийц крайне редко. Вообще-то пажей и пажесс, согласно этикету, полагалось приставлять исключительно к несовершеннолетним членам королевской фамилии, но кто бы пискнул поперек? При том что Барги издавна прославились как самодуры и тираны? Вот Сварог и приставил ее с сегодняшнего вечера к Яне ради пущей надежности — девчонка даже надежнее пары-тройки ратагайцев... вот только он чуть помрачнел, поневоле вспомнив д р у г у ю...

Яна одарила его сердитым взглядом и вышла. Сварог распахнул дверь в кабинет:

— Заходите. В чем там дело?

Тщательно прикрыв за собой дверь, Интагар сказал с тем же крайне хмурым видом:

— Государь, во дворце творятся неприглядные дела...

— А точнее?

— После бала графиня Дегро проследовала в свои покои в сопровождении графа Гаржака. Хуже того, маркиза Лейт покинула дворец в карете герцога Лемара...

Сварог ощутил нешуточное облегчение и вдобавок досаду: он-то полагал, что и впрямь случилось что-то скверное. А это, изволите ли видеть, единственная жизненная ситуация, когда Интагар проявляет обычные человеческие чувства — если речь идет о добродетели и благонравии молодых девиц. Но каков! За квадранс с небольшим успел собрать донесения...

— И что теперь? — спросил Сварог.

— Если прикажете, я пошлю людей... Девушкам не пристало... Тем более когда речь идет о Лемаре...

Тяжко вздохнув про себя, Сварог сказал насколько мог убедительнее:

— Интагар... Девушки взрослые и самостоятельные... с определенным жизненным опытом. Вольны поступать, как им вздумается, и ничего тут не поделаешь...

— К тому же я полагал, что графиня Дегро — замужем...

— Они в разводе, — сказал Сварог, чтобы не громоздить лишние сложности. — И обе — отнюдь не наивные простушки, которым легко заморочить голову. Ну, а о принуждении и речи быть не может, сами понимаете. Попробуйте принудить к чему-либо Каниллу Дегро — она вам кости переломает... И Томи — отнюдь не простушка. Ну вот так они живут, Интагар, в полном соответствии с нравами той среды, где выросли. Здесь, на земле, я сплошь и рядом наблюдаю то же самое...

— Значит, не прикажете... — уныло сказал Интагар, хорошо изучивший Сварога и знавший, когда настаивать бесполезно.

— Наоборот, решительно запрещу, — сказал Сварог, положил верному министру руку на плечо (что считалось нешуточным выражением монаршей милости). — Интагар, дружище, они обе на меня смертельно обидаются и никогда мне этого не простят, а мне с ними еще работать и работать, они мне необходимы. Пусть их... И мне бы не хотелось, чтобы с Лемаром или Гаржаком произошел какой-нибудь несчастный случай, вам понятно? Гаржак мне нужен, а Лемар просто необходим, я на многие его прегрешения вынужден закрывать глаза. Вы прекрасно знаете, что на многое порой приходится закрывать глаза для пользы дела. А сейчас, никаких сомнений, речь идет о добром согласии... Идите уж спать, вы изрядно вымотались...

— Как прикажете... — проворчал Интагар с горестным видом. — Эх, ваше величество... Если бы родители знали...

Он махнул рукой и побрел к двери. Сварог смотрел ему вслед со смешанным чувством легкой иронии и сочувствия. Если бы родители знали... Если бы сам Интагар знал, что его старшая дочка не первый месяц состоит во вполне взрослых отношениях с неким лейтенантом Синих Мушкетеров (который, правда, намерен вскоре по всем правилам просить ее руки и сердца, там настоящая любовь), а младшая три дня назад все же уступила нежному натиску возлюбленного — по точным данным разведки в лице Каниллы Дегро, как раз и помогавшей парочке отыскать подходящее местечко и обеспечившей надежное алиби... Вот только он никогда об этом не узнает — чтобы жизнь молодых людей осталась вне опасности, неплохие парни, судя по тому, что о них известно...

...Сварог сидел тихонечко, как мышь под метлой, чтобы, боже упаси, чем-нибудь не помешать. Яна в легком домашнем халатике сидела спиной к нему перед тем самым шаром, ее волосы, как всегда в этом случае,

разевал неощутимый Сварогом ветерок, взметывая и перебирая золотые пряди.

В голове у него навязчиво крутилась еще одна песенка из прошлой жизни, вовсе уж старый зонг:

*Семь ворчунов зашли в кафе
чего-нибудь поесть.
Один скривился: «Вот бурда!»
Их осталось шесть...
Шесть ворчунов шли на парад,
один хотел отстать.
Его заметил штурмовик...
Их осталось пять.*

Почему привязалась именно эта, крайне напоминающая сюжетом «Семеро нас было»? — тоскливо подумал он. — Вот это уж вовсе не про нас, ничего похожего. Мы не теряем человека за человеком, как это случилось в той клятой Заводи, где алел снег, мы вообще никого еще не потеряли, не понесли ущерба и на ломаный грош, мы всего-навсего знаем слишком мало, но скоро, никаких сомнений, будем знать гораздо больше. Если Интагар настолько продвинулся за сутки, что будет через неделю? И все равно прицепилась песенка...

В шаре по-прежнему словно бы тяжело плавали клубы дыма, черного и темно-фиолетового. Вдруг они пропали, шар вновь приобрел прозрачность хрустала. Яна решительно встала:

— Бесполезно, ничего не получается. Не могу отыскать простые камни, пусть даже с другой планеты. Вообще-то иногда отсутствие результата — тоже результат. Камни я не нашла — зато можно с уверенностью сказать, что и с точником заправляют самые обычные люди. Будь там кто-то иной, я бы его непременно нашла и увидела. Самые обычные люди. Это чуточку облегчает задачу, правда?

— Правда, — отозвался он угрюмо.

Яна присела на широкий подлокотник его кресла и взъерошила ему волосы:

— Ну перестань ты печалиться. Только-только я тебя увидела п р е ж н и м — и опять... Вы же всего лишь первый шаг сделали. Интагар их найдет, ему да не найти...

— Да я и сам так думаю, — сказал Сварог все так же угрюмо. — Просто непонятное и напрочь неизвестное меня чуточку бесит, и ничего не могу с собой поделать...

— Как бы тебя отвлечь... — в ее голосе появились игривые нотки. — Вот кстати... Ты мне так и не рассказал, что такое «tüремный наездник».

— Ушко подставь, — вяло улыбнулся Сварог.

И в четырех словах объяснил ей, что к чему.

— А-а... — чуть разочарованно протянула Яна. — Я-то думала, тут что-то гораздо более интересное. А об этом я сто лет знаю. В «Фонтане наслаждений» это имеется «Обходной путь странника». И картинки есть.

Ну разумеется, — усмехнулся про себя Сварог. — Следовало ожидать. «Фонтан наслаждений» — здешний аналог «Камасутры», ставший трактатом об искусстве любви, исключительно меж мужчиной и женщиной, без всяких извращений. И «картинок» множество. И земные книжники, и библиофилы ларов едини во мнении: судя по стилю гравюр, трактат еще до Шторма считался ставленником — после Шторма уцелела пара дюжин книг старых времен, есть с чем сравнивать. Подразумевается, что девицы до совершеннолетия о нем и слышать не должны — однако и на земле, и за облаками означенные девицы ухитряются его раздобыть в довольно юном возрасте и в глубочайшей тайне передают друг другу. На земле это дочки дворян, членов Гильдии и Сословий, вообще девицы из зажиточных семей, располагающие карманными деньгами и возможностью послать в книжную лавку кого-то взрослого, — «Фон-

тан» стоит недешево, и большинство книготорговцев несовершеннолетним его ни за что не продадут (не из соображений высокой морали, а оттого, что наказание уличенному полагается довольно суровое). Родители с этой книгой борются беспощадно, на земле тех, у кого книгу обнаружат, беспощадно порют, даже в дворянских семьях, за облаками пороть не порют, но и пряниками не кормят. Однако запретный плод сладок, и все усилия напрасны, «Фонтан» продолжает странствия, и на земле провалились все попытки законодательным образом запретить его издание и продажу — поскольку немало взрослых, в том числе знатных и влиятельных, держат книгу в своей библиотеке, хотя порой у иных вся библиотека из «Фонтана» и состоит.

— Ну конечно, — сказал Сварог. — Следовало ожидать... Прелесть моя, а сколько вам было лет, когда ваша спаянная девичья компания ознакомилась с сим шедевром изящной словесности и рисовального мастерства? Только честно.

Потупившись в наигранном смущении, Яна призналась:

— Двенадцать...

— И раздобыла книгу, конечно же, Канилла?

— Какой ты у меня догадливый и проницательный...

«Ну да, вот именно, — подумал Сварог. — Как утверждают знающие люди, изрядное количество девиц как раз в эти примерно года с „Фонтаном“ ухитряется познакомиться. А потом как-то сами собой приключаются истории наподобие ее сильванской. Или, если обратиться к земному опыту — эпизоды из досье на герцога Лемара...»

Ухо ему защекотал дразнящий шепот:

— А почему ты мне это никогда не предлагал?

— Неловко было, — сказал Сварог чистую правду.

— Но ведь «Фонтан» утверждает, что меж мужчиной и женщиной это вовсе не извращение...

Сварог повернул голову и посмотрел ей в глаза:

— Я тебя правильно понял?

— Правильно... — опустив длиннющие ресницы, тихонечко сказала Яна. — Рассказывали мне кое-что замужние подруги...

Кажется, она Сварога отвлекла-таки от унылых раздумий.

Глава VI

МИМОЛЕТНЫЕ ПОБЕДЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ОТКРЫТИЯ

Когда Сварог подошел к каменным перилам, темная фигура внизу подняла руку, и дважды мигнул синий огонек. Все в порядке, путь безопасен. Сварог выбросил за перила веревочную лестницу с деревянными ступеньками и довольно ловко спустился на каменистую землю то ли Соседней Страницы, то ли далекого прошлого. Обернулся, махнул рукой. Лестницу тут же втянули назад.

— Чертовски рад вас видеть, лорд Сварог, — жизнерадостно сказал Брагерт, всегдаший веселый ветротрон. Когда Канцлер попросил у Сварога парочку подходящих людей, Сварог в первую очередь подумал о Брагерте: рыжий ветротрон чем-то крайне напоминал графа Гаржака — за канцелярским столом он киснул от тоски, но приходил в восторг, едва обозначались дела в стиле «плаща и кинжала», причем всегда справлялся отлично.

— Я тоже, — сказал Сварог.

— Ну, как вам тут, на нашей стороне?

— Милорд, не забывайтесь, — сказал Сварог, беззлобно ухмыляясь. — Как-никак я, могу скромно напомнить, и есть первооткрыватель вашей стороны. Чужой славы мне не надо, но и от собственной не откажусь...

— Да все я прекрасно помню, — сказал Брагерт. — Конечно же, вы — первооткрыватель и первопроходец. Просто привыкли мы как-то именовать здешние места «нашей стороной». Профессиональный шик, что поделать...

— Вообще-то, по совести, я — третий, — сказал Сварог. — Первой была крыса, изловленная в дворцовом подвале, вторым — щенок с дворцовой поварни. Но поскольку эти создания по скудоумию не способны осознать, что были первопроходцами, я себе это почетное звание присвоил. Тем более что первооткрыватель — уж точно я...

— Пойдемте?

— Пошли, — сказал Сварог, поправил пиджак, спицкий (точнее, изготовленный) по последней здешней моде, педантично проверил кобуру пистолета под мышкой. — Как обстановка?

— Идеальная, — ответил Брагерт. — Посторонних — ни души. В гостинице — только наши. Таксисты сюда больше не ездят — мы им быстренько растолковали, что новый хозяин начал небольшой косметический ремонт и затеял кое-какие переделки, так что постояльцев в ближайшее время не ожидается. Вы, я смотрю, рановато? До начала операции еще часа два, а дорога до места отнимет не менее получаса...

— Да так как-то... — сказал Сварог. — Делать было совершенно нечего.

— Понимаю. Я сам тут сижу безвылазно вторую неделю, о чем нисколечко не сожалею: затягивают эти места... Ее величество и Канилла Дегро прибыли с полчаса назад, хотя не было никакой необходимости являться так рано.

— Как Канилла?

— Госпожа графиня, она же штаб-сержант, в совершеннейшем восхищении, — поведал Брагерт. — Ждет не дождется, когда поедем в город. Говорит, что такого приключения у нее еще не было — ну разумеется...

Как Сварог втихомолку и рассчитывал, Канилла, не особенно и задумываясь, быстро согласилась с отведенной ей в операции ролью, весело заявив: «Я им устрою представление, долго будут помнить и облизываться так, что языком до ушей достанут. А этот ваш бандюган в штаны... в общем, сомлеет». Словом, уговаривать ее не пришлось — понадобилось лишь убедительно напомнить, что к операции следует относиться серьезно. Она обещала быть серьезной, как принц Диамер-Сонирил при исполнении служебных обязанностей.

— Элкон работает?

— Как обычно, лишь изредка отвлекаясь, чтобы перекусить и вздренуть, — сказал Брагерт. — Получает несказанное удовольствие на свой лад. Когда я уходил вас встречать, перед ним горели три экрана сразу, и он играл пальцами по клавишам, словно темботист^{*} высокого полета. В город не ездил вообще, заявил, что Саваджо его нисколечко не привлекает, сначала нужно собрать побольше информации. Каждому свое...

— Это хорошо, что он на месте, — сказал Сварог. — Я, собственно, потому и пришел пораньше, чтобы кое-что с его помощью посмотреть...

— Если только вас не опередят ее величество с Каниллой, — фыркнул Брагерт. — Обе чертовски интересуются здешними модами, уже немало скачали...

Они вышли из-за угла, и Сварог увидел гостиницу — естественно, ничуть не изменившуюся, совсем немного времени прошло. У крыльца не было ни одной машины, только на стоянке — три.

— А давайте-ка я блесну могучим интеллектом и железной логикой, — сказал Сварог. — Канцлер говорил, что машин у вас четыре. Тут их три. Кто-то в городе?

* Тембот — музыкальный инструмент, весьма схожий с роялем.

— Ну да. Почти всегда кто-то в городе — текучка... Даже не знаю, что на сей раз. Очередные мелкие дела. Вот наша операция — не мелочь...

— С Каниллой идете вы?

— Эх, если бы... — тяжко вздохнул Брагерт. — К превеликому сожалению, нет. Душа в тоске: лишиться единственной в жизни возможности увидеть такое зрелище... Подобрали человека более подходящего, как мне объяснили, облика: чтобы выглядел плюгавеньким, в годах, трусливым ловеласом. Меньше будет подозрений. Я им напомнил, что вы тогда выглядели отнюдь не плюгавым, и тем не менее они преспокойно стали отбирать у вас девушку. Но начальству всегда виднее, мне сказали, что ваш рейд был чистой воды самодеятельностью, а сейчас речь идет о серьезно организованной операции...

— Стервецы, — искренне сказал Сварог.

— Законченные, — грустно подтвердил Брагерт. — Говорят, этот тип — хороший оперативник. Но и я, во-первых, не растяпа, а во-вторых, сдается мне, у него не настолько развито эстетическое чувство, чтобы оценить по достоинству подобный танец в исполнении Каниллы Дегро. Но с начальством не поспоришь... Я уверен, если бы роли распределяли вы, вы бы отправили меня.

— Пожалуй, — сказал Сварог. — В конце концов, к чему старательно лепить образ, если Яна все равно их тут же срубят?

— Ну, хоть на это зрелище полюбуюсь...

Они вошли в вестибюль, где половина люстр была погашена. «Портье» сидел на стуле с внешней стороны стойки, часть противоположной стены наполовину зашвешена грубым брезентом, в углу стоят несколько больших металлических бочонечков с яркими надписями, свидетельствующими, что там находится краска, тут же — краскопульт, еще какие-то замысловатые штуковины. Неплохая имитация ремонта.

— Значит, вы к Элкону?

— Ну да.

— Пойдемте, покажу комнату, это на втором этаже...

Стучаться не обязательно, он и пушечного выстрела в коридоре не у услышит.

Брагерт подвел его к двери под номером двести семь, кивнул на нее и сказал:

— Пойду сообщу императрице, что вы прибыли. Мне сказали: хотя роли расписывали и не вы, именно вам поручено руководить операцией. Так что имейте в виду: за полчаса до выезда будет совещание. А впрочем, я за вами зайду...

Он отдал честь на ронерский манер и пошел к лестнице. Сварог повернул ручку двери, вошел, оказавшись в коротком коридоре, куда выходило три двери, постоял, чтобы сориентироваться, — и услышал из-за одной, справа, чуть приоткрытой, тихое курлыканье компьютера, работавшего в поисковом режиме. Вошел. Под потолком горела люстра, окно плотно зашторено. Перед сидевшим к нему спиной Элконом, и в самом деле, светились три экрана, изображения сменяли друг друга с калейдоскопической быстротой, так что Сварог так и не понял, что видит. Подошел к увлеченно работавшему Элкону, громко покашлял и, не дождавшись никакой реакции, похлопал юношу по плечу.

Нервы у Элкона были крепкие — он спокойно повернулся голову, просиял:

— Ну наконец-то, командир! Присаживайтесь.

У стены стояла парочка таких же, как у Элкона, легких креслиц на колесиках. Сварог подкатил одно, уселся. Элкон что-то нажал, изображения на всех экранах замерли: какой-то печатный текст, город с высоты птичьего полета, географическая карта.

— Как работается? — спросил Сварог.

— Распрекраснейшим образом, — во весь рот улыбнулся Элкон. — Порой даже неловко себя чувствуешь, когда входишь в закрытые сети, — словно конфеты у

малышни воруешь. У них, конечно, хватает защитных систем, иные сложные, в несколько уровней, но самая хитрая ни в какое сравнение не идет даже со средненькой нашей, не говоря уже о наших самых серьезных, которые я на раз проходил.

— Можете отвлечься от с воих дел и немного помочь в моих?

— Что за вопрос, командир! Срочных конкретных поручений у меня нет, обычный поиск по заданным темам. Подождут. Что вас интересует?

— База данных военно-морского флота, — не раздумывая, сказал Сварог. — Точнее, Полночный флот.

— Сейчас поищем, — кивнул Элкон.

Он погасил два экрана, оставив только центральный, пальцы запорхали по клавишам со знакомой уже Сварогу виртуозностью классного темботиста. Сварог терпеливо ждал. С минуту на экране мельтешили разноцветные полосы, потом появилось изображение рыцаря в черных латах, с опущенным забралом и грозно поднятым мечом.

— Первый пояс защиты, — сказал Элкон. — Сейчас мы его...

Очень быстро рыцарь исчез с экрана, снова замельтешили полосы, потом возникло мохнатое оскаленное чудище наподобие Кинг-Конга, угрожающее воздевшего когтистые лапы.

— Ай-яй-яй, какие мы страшные... — фыркнул Элкон. — А если по блудливой морде?

С чудовищем он разделся так же сноровисто, а потом и с черным омерзительного вида пауком, обосновавшимся в центре сложной, как лабиринт, паутины. Экран стал светло-синим, на нем появилась золотого цвета эмблема: горизонтально, рукоятями к центру — два меча, вертикально, проушинами к центру — два якоря, и этот крест посередине скреплен кругом, точнее, змеей со странной головой, глотающей собственный хвост. Очень знакомая эмблема. Сверху и снизу

полудугами надпись «Полночный флот». Ага, выходит, это эмблема не просто соединения, а всего Полночного флота...

— Что именно, командир?

— База «Стагар». И имя командующего.

— Так... Базы... Ага, вот «Стагар». Командующий — архонт-адмирал Крагонар Диртуэн. Снимок, послужной список?

— Нет, достаточно. Серебряная эскадра и имя командира.

— Так... Идем, как по паркету... Есть такая. Командир — краг-адмирал Колин Делутер.

— Достаточно. Возвращаемся на базу «Стагар». Списки личного состава... точнее, командного. Посмотрите, есть ли там штандарт-навигатор Тогир Горонеро, начальник отдела штаба. Какого именно отдела, я не знаю, но вряд ли их такое уж несметное количество...

— Пройдем по алфавиту... — на экране быстро поползли снизу-вверх имена, фамилии, звания. Список остановился. — Есть такой, все совпадает.

— Если найдется снимок, выведите на экран.

— Вот он...

Сварог сразу узнал лицо, которое видел на найденном в гостинице удостоверении. Какое-то время вглядывался в него, словно чего-то ждал, потом тряхнул головой и сказал:

— Теперь пройдемся по списку кораблей, его просто не может не быть. Если есть снимки, вообще прекрасно. Начнем с крейсеров, пожалуй что. Посмотрите, есть ли там «Турул».

— Снимки имеются... И «Турул» есть.

Значит, в свое время на морском дне Сварог угадал правильно — «Турул» оказался именно что крейсером. И узнать его не составило особого труда: название на борту, те же орудийные башни, надстройки, решетчатые мачты. И «Рагнарок» отыскался, как две капли воды

похожий на ту субмарину, что сейчас принадлежала Сварогу. Совпадало абсолютно все, что ни возьми: имена, воинские звания, лицо штандарт-навигатора, облик крейсера и субмарины...

И все это ничего еще не доказывало. Соседняя Странница могла оказаться крайне похожей на доштурмовое прошлое Талара, а различия — настолько мелкие, что их пришлось бы искать долго и кропотливо. Как в каком-то давным-давно читанном фантастическом романе: туфли не на шнурках, а на пряжках, скамейки в парке не того цвета, дорожки уже, памятник Пушкину в другом месте... Стопроцентную ясность мог внести лишь задуманный Сварогом и осуществленный людьми Марлока эксперимент.

— Что дальше? — спросил Элкон.

— Это все были дела служебные, — медленно сказал Сварог. — А если не в службу, а в дружбу?

— Командир, какой может быть разговор! Жесткие сроки мне не заданы, так что располагайте мною, как вам угодно.

— Можете скачать все, что найдется касательно Тарины Тареми?

— Не вопрос. Сейчас мы ее найдем... Солидный файлище. Концерты, фильмы, интервью, публикации о ней, снимки... Пустяки, если прикинуть, квадранс с лишним — на максимальной скорости. Все равно за электричество наши платят бумажками, которых можно в любой момент без труда раздобыть сколько угодно. Видите, как я здесь освоился, командир, хотя ни разу не ездил в город. Я год прожил на земле, в Латеране, прекрасно усвоил, что там за многое надо платить, но здесь еще и за электричество, за горючее для машин, черт знает за что еще... Чем выше техническое развитие общества, тем больше разнообразных плат...

— А вы как думали? — усмехнулся Сварог. — Вы год прожили в мире, где за многое нужно платить, а я — тридцать пять. Хорошо еще, что у нас есть возможность

грести здешние деньги лопатой и, по сути, даром. За пиво платит дон Рэба, точнее, никто не платит...

— Простите?

— Это цитата из романа... из моей прежней жизни. Пришел кто-то, слышите?

Негромко стукнула входная дверь, послышался звонкий женский смех, и появились Яна с Каниллой, Яна — в бежевом брючном костюме и голубой кружевной блузке, Канилла одета гораздо более легкомысленно: в коротеньком алом платьице того фасона, в котором со Сварогом здесь была Яна, — сверху донизу на пуговицах, в обтяжечку, причем проказница Канилла расстегнула и вверху, и внизу побольше пуговиц, чем Яна тогда. Она была обворожительна, с распущенными волосами и умело наложенной косметикой. Когда начнет танцевать, с Удавом, если он там будет, и в самом деле может произойти то, о чём Кани недоговорила, оборвала на полуслове. В общем, сомлеет.

— Опередили! — с наигранной грустью воскликнула Яна. — Опередили, Кани, и не кто иной, как мой грозный супруг... Что-то скачивает, я из деликатности не интересуюсь что, у мужчин могут быть свои интересы...

— Да ну, — сказал Сварог. — Тарина Тареми. Пикантных снимков она всегда избегала, так что не строй беспочвенных подозрений.

— Ах, ну да, Тарина... Следовало догадаться. А фильмы скачиваешь тоже? Дочка Канцлера мне расхваливала один, о капитане, который плавал во льдах, и его жене...

— И фильмы, — сказал Сварог. — Это самое большое квадранс займет, так что вам хватит времени...

— Не хватит, — теперь уже с ненаигранной грустью сказала Яна, посмотрев на часы. — Через двадцать минут начнется совещание, а нам с Кани, чтобы вдумчиво изучить последние моды, понадобится часа полтора, как в прошлый раз...

— Вообще-то два с половиной, — уточнил Элкон.

— Элкон, не будь таким мелочным, — фыркнула Канилла. — Полтора или два с половиной, какая разница? Служебное время мы не занимаем, а эта дурацкая «плата за электричество», ты сам говорил, ничего нам не стоит. А чтобы совсем уж никому не мешать, я в следующий раз захвачу свой компьютер. Мне до тебя далеко, но я и не собираюсь взламывать защиту секретных сетей... ну разве что парочку.

— Кани, — искренне удивился Сварог, — а тебе-то зачем секретные сети? Тебе, насколько я знаю, ничего подобного не поручали.

— А я проявляю инициативу, командир, — ослепительно улыбнулась Канилла. — Ручаться можно, есть вещи, о которых вы с Элконом понятия не имеете. Оказалось, что здесь лучшие Дома мод держат в строгом секрете последние наработки, еще не показанные на публике, — чтобы конкуренты не украли. Соответственно, у них есть засекреченные файлы. Их и буду цинично взламывать. Ты ведь поможешь, Элкон, если у меня что-то не получится?

— Куда я денусь... — вздохнул Элкон.

— Действительно, куда ты денешься? — улыбнулась Канилла.

— Канилла... — сказал Сварог укоризненно.

— Да? — откликнулась она чуть настороженно: прекрасно знала, что полным именем Сварог ее называет лишь, когда ею не доволен или устраивает легонькую выволочку.

— Канилла, я тебя душевно умоляю: держись по-серьезнее, — сказал Сварог. — Мы сюда пришли не в игрушки играть...

— Я понимаю, — сказала Канилла. — Командир, у меня просто-напросто такая манера держаться перед серьезным делом. Честно. Кто-то сидит в уголочке и хмурился, а я шучу вовсю...

- Ладно, верю... — проворчал Сварог.
— Готово, командир, — прилежно доложил Элкон. — Вы ведь потом заберете, когда будете возвращаться?
— Конечно, — сказал Сварог, — Смысла нет с собой таскать.

Яна взглянула на свои дорогие з д е ш н и е часики, которые, к сожалению, не могла забрать домой, решительно уселась рядом с Элконом:

— У нас есть почти десять минут... Я, с вашего позволения, посмотрю хотя бы крохотный эпизодик того фильма, о полярном капитане.

Элкон кивнул и заиграл на клавишиах. На экране появилось немаленькое судно, плывущее средь льдов, потом — человек на капитанском мостике, судя по суровой мужественной физиономии, классический Главный Герой. За кадром его сопровождала знакомая мелодия и голос Таринь Тареми:

— Но где же Полюс,
где же Полюс,
где же?
Все те же льды,
обрюзгшие моржи,
и, веки смежив,
хочется в одежде
упасть,
лицом зарыться в снежный жир...

Ага, вот откуда взялась песня — из этого фильма... Усмотрев подходящий момент, Сварог глазами показал Канилле на дверь; она понятливо кивнула, и они тихонько выскользнули в коридор.

— Кани, пожалуйста, учти на будущее, — сказал Сварог. — Ведите себя поаккуратнее, оба. Ты приглашаешь к себе гостя поздним вечером, и об этом не одному человеку становится известно...

— Так, — сказала Канилла. — Уже... осведомили?

— Через какой-то квадранс, — кивнул Сварог. — Интагар — мерзавец первостатейный, но я ему оттого и позволяю легонько казнокрадствовать, что мозги у него золотые, а высокоморальные и душевые люди на таких должностях не нужны... Вы бы поступили, как все делают: снимите какой-нибудь уютный уединенный домик, ты ведь как раз через Гаржака это делала уже раз. Деньги выделю как раз... — он усмехнулся, — из секретных фондов тайной полиции, они и не такие расходы стерпят. Мне просто не хочется, чтобы Интагар опять заявлялся ко мне и ныл, это как-то напрягает — а он, точно, не уймется. Ты же знаешь его пунктик...

— Ну еще бы, — фыркнула Канилла, — Томи он в свое время достал несказанно: и юбки короткие, и вырезы смелые... Она по некоторой мягкости характера все это не раз выслушивала и терпела. А вот со мной у него обломилось. Я его быстренько, пусть и в деликатной форме, послала очень далеко. На меня, где сядешь, там и слезешь. Лучше бы за дочурками своими присматривал, прохвост мордастый, вы же знаете, как с ними обстоит...

— Темнее всего под пламенем свечи, — философски сказал Сварог. — Ты подумай насчет домика, ладно? Интагар твоего... друга к тому же давненько ненавидит, еще при Конгере пытался добиться, чтобы его повесили.

— Сволочь толсто... мордая, — убежденно сказала Канилла. И добавила не без тревоги: — Командир, вы, надеюсь, его в обиду не дадите?

— Конечно, не дам, — сказал Сварог. — Он у меня в списке особо ценных сотрудников, да и вообще мне симпатичен. Не беспокойся, Интагар точно знает, где следует остановиться. Но насчет домика не тяните. Вот только я вскоре твоего друга отправлю в командировку на неизвестный срок.

Канилла надула губы:

— Ну вот, все так хорошо началось...

— Ничего, потом наверстаете, — сказал Сварог. — Разлука укрепляет чувства... Служба, Кани, мне там нужен надежный человек, — поколебавшись, он все же признался: — Понимаешь, в Полуденном Каталауне з а м а я ч и л и Стакор с Эгле. Надо бы без деликатностей отловить. А Гаржак хорошо знает те места, уже готов отряд из надежных каталаунцев, исходивших там все тропки... Не могу я допустить, чтобы эта парочка разгуливала на свободе, особого вреда от них не вижу, но все равно...

Дверь открылась, появилась Яна:

— Пойдемте, пора...

Совещание заняло даже меньше получаса. В небольшом конференц-зале (гостиницу прежде посещали не только беззаботные туристы, но и деловые люди, собиравшиеся здесь, в отдалении, обсуждать серьезные сделки) сидели шестеро мужчин, из них Сварогу был знаком только Брагерт. Сварог моментально определил, кто из них назначен спутником Канилле. Что ж, фактура и в самом деле убедительная: невысокий, по-ниже Каниллы мужичок, пузатый, с обширной лысиной, одетый дорого, но безвкусно, щеголявший с двумя излишне крупными для человека с т и л ь н о г о бриллиантами в перстнях и с такой же галстучной булавкой. Подходящий персонаж: за сто уардов видно человека денежного, но лишенного и капли хорошего вкуса, за одним-единственным исключением: в прекрасном поле знает толк. Вот и сейчас подцепил красотку, конечно, за приличные деньги — какая красивая девушка с таким чудом бесплатно пойдет?

Один за другим присутствующие (в том числе Яна с Каниллой) вставали и кратко, емко излагали свою задачу. Сварог признал, что каждый знает свой маневр. Вполне возможно, командовать и не придется.

«Собственно говоря, командовать, вполне возможно, и не придется, — сказал Канцлер. — Но на любой опе-

рации у группы должен быть командир. Вы, во-первых, профессиональный военный в прошлом, а во-вторых, тридцать пять лет прожили в мире, крайне близком по уровню развития к Той Стороне. Что еще важнее, психологически вам там наверняка комфортнее, чем остальным. Они отличные работники... но пока еще не изжили некоторое удивление Той Стороной. Зато вы там наверняка чувствуете себя даже чуточку равнодушно, я прав? Вот видите. Так что будете командиром. Задача простая: приглядывайте за происходящим и, если произойдет что-то непредвиденное, импровизируйте на ходу. У вас — да не получится? И при малейшей угрозе уводите Яну на нашу сторону. Она обещала подчиняться вашим распоряжениям и, я уверен, слово сдержит — давно повзрослая...»

Выехали на двух машинах, в первой — Сварог с Яной и Канилла со спутником, во второй — все остальные. Сварог потрогал большим пальцем твердое удостоверение в нагрудном кармане пиджака, усмехнулся. Он и сам собирался предложить то же самое, но Канцлер опередил.

Наилучшее прикрытие в подобных случаях — убедительные документы грамотно подобранный спецслужбы. Подобрали. Военные не годились — местные полицаи к военным спецслужбам как-то не привыкли и не научились видеть в них авторитет. Политическая полиция здесь имеется, отнюдь не тайная — но она ничуть не напоминает НКВД, гестапо или тонтон-макутов: ее попросту не особенно боятся, тут царит умеренный разгул демократии, с сильной оппозицией в парламенте и влиятельными газетами, часть которых рада любому случаю куснуть президента с премьером и любую государственную службу. МВД здесь существует, и уголовная полиция при нем имеется, но для обычной полиции и «уголовка» — не особенный авторитет, в конце концов, под одним министром ходят, да вдобавок главы обоих ведомств откровенно конкурируют.

Хорошо еще, имеется и СД — Сыскной Департамент. Контора, во многом напоминающая американское ФБР: замкнута непосредственно на президента (он тут играет первую скрипку, а премьер — на вторых ролях), занимается борьбой с уголовным элементом по всей стране, подчиняется только столичному центру, и полномочия широкие, права большие. Ребятки жесткие, вот перед ними любая полиция встает навытяжку: могут и крупные неприятности устроить, и попросту в ухо врезать, и ничего им за это не будет.

Как только о существовании этой конторы узнали, дальнейшее было делом техники. Элкон со своей всегдашей в таких случаях бесцеремонностью без особого труда преодолел три защитных пояса и незамеченным проник в секретнейшие архивы СД. Очень быстро раздобыл образцы удостоверений — и грозные ксины лежали сейчас в кармане у каждого, даже у девушек в сумочках. Очередная группа агентов СД, нагрянувшая в один из центров организованной преступности страны, не могла вызвать ни малейшего удивления ни у одного полицейского...

На памятном Сварогу здешнем КПП их не тормозили — к пассажирам машин с местными номерами полиция не цеплялась с выяснениями, есть ли у них должным образом оформленные документы гостей города. Их машины, объяснил Брагерт, не из самых роскошных, но достаточно респектабельных марок. Так что цепляться не будут.

Половодье разноцветных огней, мельтешение реклам, подсвеченные фонтаны, светящиеся вывески... На сей раз Сварог смотрел на все это без особого любопытства — не давали покоя дела поважнее, оставшиеся по другую сторону балкона. Пожалуй, он понимал Элcona, всецело поглощенного добычей информации и от того не интересовавшегося городом. Собственно, своего человека к Удаву собирались внедрять ради той же

цели: сбор информации. К Удаву она поступает самая разнообразная, какую сплошь и рядом в компьютерах не раздобудешь: «крестный отец» ее прилежно к себе стаскивает, как хомяк в норку, — никогда в его положении не знаешь, что может пригодиться завтра, а потому умный человек гребет все...

Ага, вот он, знакомый перекресток. И сверкающее огнями здание «Лотереи-Грации», значащееся в путеводителе под номером четырнадцатым. Машина свернула влево и остановилась почти напротив той скамейки, где сидели Сварог с Яной, когда объявились «черные шляпы» пополнить коллекцию Удава.

Сидевший слева Сварог опустил стекло, увидев направлявшегося к ним человека. Тот наклонился и негромко сообщил:

— У черного хода для «важняков» топчутся двое жлобов характерного вида. И машина с известным номером тут же. Удав, несомненно, внутри.

Сварог уже знал, в чем тут подробности: в заведении устроено два черных хода, один — для всех, пришедших по тем или иным делам, и персонала, второй — для особо важных персон ведет прямиком в ту самую ложу с зеркальными окнами.

— Отлично, — сказал он. — Начали.

Человек кивнул и пошел прочь, отправился на прежнее место. Водитель вылез из-за руля и тоже ушел. Канилла с пузатым кавалером вылезли из машины и направились ко входу в веселое заведение, к хвосту короткой очереди. Сварог пересел на водительское место, рядом с которым на переднем сиденье поместилась Яна.

Вскоре в правом кармане у него пискнул и тут же умолк карманный телефон — были тут и такие, размером с его портсигар, но наполовину потоньше. Удобная штука, Сварог сразу оценил. Канилла подавала сигнал — они вошли в зал. Оставалось спокойно высидеть квадранс и ждать дальнейшего развития событий.

Они и сидели, время от времени целовались — отнюдь не притворно. Подобная сценка — парочка в припаркованной в тихом местечке машине ни у кого не вызовет подозрений.

— Как впечатления от вчерашнего? — шепотом на ушко спросил ее Сварог.

— Генерал, ведите себя... — с деланным возмущением фыркнула Яна. — Мы на задании...

— Интересно же... Сама напросилась.

— Интересные ощущения, — медленно сказала Яна. — В этом что-то есть, «Фонтан» оказался прав... Ага, внимание!

Сварог моментально отодвинулся от нее, посмотрел в сторону выхода: очередное выступление кончилось, публика расходилась. Вот и Канилла со спутником... как и следовало ожидать, на шее у нее, отсюда хорошо видно, золотая цепочка с подвеской-ракушкой: другого финала и ожидать не следовало, Канилла есть Канилла. Берегите пенсне, Киса, сейчас начнется... Если они рассчитали все правильно и Удав там, сейчас появятся его ребятки. Сам он, как выяснила Яна у тех бандюганов, в гостинице просидит еще пять-шесть представлений — подбирает подходящих кандидаток про запас, словно завсегдатай игорного дома, прикупавший и прикупавший карты в расчете на козырные розы. Эстет с развитым чувством прекрасного, блин...

Канилла со спутником уселись на ту самую скамейку, где сидели тогда Сварог с Яной, закурили... Ага! Низкая, сверкающая темно-серым лаком машина неспешно, плавно подкатила и остановилась неподалеку, неторопливо вылезли двое в черных шляпах с белыми лентами и вразвалочку двинулись к скамейке.

Сварог тоже не видел смысла торопиться. Вынул и положил в карман ключ зажигания. Канилла и ее кавалер уже стояли, парочка верзил что-то крайне убедительно втолковывала лысому — о содержании разговора догадаться было легко. Сварог вылез, следом вылезла

Яна. И первой пересекла улицу. Мимоходом легонько махнула рукой в сторону водителя — и тот, Сварог прекрасно видел, застыл за рулем манекеном.

И тут же на крылья парочку, приехавшую за Каниллой, оба легонько дернулись, словно от разряда слабого электрического тока, встали, опустив руки. Не обращая на них внимания, Сварог поднял руку, подавая условный знак, — за ними сейчас следило несколько пар глаз, все должны отреагировать моментально.

Так и произошло, вокруг началось несуетливое движение. К ним подошли Брагерт и один из незнакомых Сварогу агентов, подкатила вторая их машина. Сварог сказал:

— Спасибо, Кани, хорошо сработано. Давайте в гостиницу, вы свое отыграли...

Они сели в машину, и та, мигая поворотником, отъехала.

Яна подошла к замершим гангстерам, что-то тихонько стала им говорить с интонациями опытной учительницы младших классов. Длилось это недолго, в конце концов оба подошли к скамейке, уселись, вытащили сигареты — тут им и предстояло проторчать часа два, что их в нынешнем своем положении нисколечко не напрягало. Один вытащил карманный телефон, принялся набирать номер. Сварог не шелохнулся — это входило в программу, то бишь в сеанс внушения: обормот докладывал боссу, что драгоценный груз в машине. Закончив недолгий разговор, бандюган поднял голову и граммофонным голосом доложил стоявшей над ним Яне: — Удав сказал, что выедет через полчаса. Девушку доставить к нему на виллу.

«Раненко сорвался, вопреки обыкновению, — подумал Сварог. — Торопится пообщаться с Каниллой, тонкий ценитель прекрасного...»

— Поехали? — спросила Яна.

— Поехали, — кивнул Сварог. — Машину я запер, «потаенку» включил.

Угон машин тут не принял характера эпидемии, но все же имелся промышлявший этим народец, как же без него — так что люди Канцлера вмонтировали в укромном месте тумблерчики, размыкавшие цепь зажигания.

Он, Брагерт и третий, которому вскоре предстояло стать «столичным родственником» Удава, разместились на широком заднем сиденье. Яна села рядом с водителем и безмятежно сказала:

— Ну, что сидишь? Повезли девушку.

Водитель включил зажигание и медленно отъехал от тротуара. Гипноз — или как там это называть — никоим образом не должен был повлиять на его шоферское умение. Проще было бы выдернуть Удава из заведения и потолковать с ним по душам в машине — но не стоило взваливать на Яну лишнюю работу, время их не поджимало. К тому же не мешает своими глазами взглянуть, где Удав обосновался, не исключено, что «родственнику» придется завтра туда и ехать.

Они катили по ярко освещенным улицам минут двадцать — обворт за рулем вел уверенно и довольно лихо. Потом город внезапно кончился, машина оказалась на четырехполосной дороге посреди соснового леса, ярко освещенной фонарями на тонких металлических столбах с загнутыми вниз верхушками. Вот и указатель, черные буквы на желтом фоне. Сварог как следует изучил карту Саваджо с прилагающимися окрестностями и узнал название на указателе — небольшой поселок из частных особнячков лигах в десяти от города, таких вокруг Саваджо отыщется поболее дюжины, больших и поменьше, как тот, куда они ехали.

Встречных и попутных машин почти не попадалось. Пару раз дорога круто сворачивала — вправо, потом влево. Водитель прибавил газу, и они быстро домчали до высоких распахнутых ворот — ажурных, металлических, — над которыми укреплена вывеска с тем же названием, что стояло на указателе.

Машина слегка замедлила ход. Справа и слева тянулись аккуратные особнячки, не особенно и большие, но с обширными участками — переводя на полузыбытые уже советские мерки, соток по двадцать. Судя по тому, что на каждом произрастали сосны, поселочек возвели посреди обширного леса.

Водитель поехал совсем медленно, свернул направо, на асфальтированную дорожку, ведущую к высокой кованой ограде с ажурными воротами. Уже отсюда видно: посреди участка в окружении неизбежных сосен разместился небольшой домик: одноэтажный, четыре окна по фасаду (горит только одно, справа от двери), с мансардой. Удав, судя по всему, весьма неглуп: одно из своих лежбищ устроил в поселке, где обитает народец, надо понимать, не из живущих на одну зарплату, но и никак не тugo набитые денежные мешки. Миллионеры в таких «хижинах» не живут, разве что особо эксцентричные. То-то водитель, перед тем как въехать в ворота, торопливо сдернул «форменную» шляпу и сунул под сиденье — не светится Удав лишний раз...

И точно. Когда водитель посигналил явно условно — короткий-длинный-короткий — по ступенькам сбежали и торопливо направились к воротам двое в самых обычных шляпах, разного цвета и другого фасона.

Сварог, разумеется, не мог определить, когда Яна стала деться вовать — но он видел, как двое в шаге от ворот вдруг легонько дернулись, словно бы споткнувшись, и их движения приобрели некую деревянность. Получили свою дозу... И они проворно распахнули ворота.

— В доме еще один, — сказала Яна. — Накрыть его отсюда для надежности?

— Давай, — сказал Сварог.

Машина остановилась у невысокого крыльца в четыре ступеньки с горящим над ними ало-синим светильником, стилизованным явно под какую-то старину, — такой у него был вид.

— Мне нужно уезжать, — бесстрастно, тем же граммофонным голосом сказал водитель.

— Подождешь нас, — сказала Яна. — Пойдемте?

Она вылезла первой. Двое, вернувшись от ворот, так и торчали на крыльце, один предупредительно распахнул дверь перед незваными гостями, которых наверняка не видел в обычном смысле этого слова, пребывая в неведомых пространствах, в полном отрыве от реальности.

Яна приостановилась, небрежно спросила того, что держал распахнутой дверь:

— Где вы обычно находитесь?

— В вестибюле, — раздался в ответ бесстрастный голос робота.

— Вот там и сидите, когда мы войдем. Приедет Удав — откроете ворота. Вести себя, как обычно.

И она вошла внутрь, а следом — остальные трое. Вестибюль оказался довольно обширным: судя по размерам, в глубину домик раза в два длиннее, чем по фасаду. Вот и лестница в мансарду — из темного дерева, с массивными перилами. В уголке сидит третий, замер, как манекен. Ай-яй-яй, шалуны... В углу стоит вороненый ручной пулемет с высокими сошками и объемистым магазином в виде усеченного конуса. Бережется Удав, и, глядя с его колокольни, прав совершенно: лучше перебдеть, чем заполучить несовместимое с жизнью отравление организма свинцом, в случае, если кто-то из его «офицеров» захочет подняться повыше или столичные конкуренты нагрянут...

«Все идет, как по маслу, — подумал Сварог. — Даже непривычно».

Ну, так гладко проходит — и пройдет — исключительно потому, что есть Яна-Алентевита, единственная в Имерии обладательница и полноправная хозяйка Древнего Ветра. Иначе все было бы гораздо дольше и сложнее. А ведь она говорила, з д е с ь есть и другие, владеющие Дор Террахом... Нужно будет потом ими

поинтересоваться, вдруг из этого получится что-то полезное...

М-да, уютно устроился наш Удавчик, любит ценить прекрасное со вкусом и комфортом. Всю площадь мансарды занимает одна большая комната. У стены — широченная кровать, застланная розовым атласным покрывалом, в изголовье низкий столик, уставленный бутылками и закусками. Легко опознанный телевизор, нечто вроде музыкального центра, а это, скорее всего, цветомузыка... Стены покрыты зелеными обоями в красивый белый цветочек. Хозяин определенно не чужд и высокому искусству: на стенах целых пять картин, на всех — обнаженная натура. Не дешевая мазня, впрочем, работал не такой уж плохой мастер, это чувствуется.

— Уставились. Уставились... — насмешливо сказала Яна ему с Брагертом. — Прихватите на память, если хотите. Кто нам запретит хоть весь дом вынести?

Брагерт сверкнул белозубой улыбкой:

— Что ж, если разрешаете, ваше величество, я вот эту рыжую обязательно прихвачу. Я человек холостой, попрекать меня некому, к тому же волосы у нее — в точности, как у меня...

— Милорд, это ведь вульгарная кражा... — улыбалась Яна.

— Вовсе нет, ваше величество, — серьезно сказал Брагерт. — Это спасение культурных ценностей — в том случае, если мы действительно в прошлом. — Он вдруг стал вовсе уж серьезным. — Ваше величество, милорды... Мне пришло в голову... Если это и в самом деле прошлое, что-то надо обязательно спасти: книги и картины из музеев...

— Не получится, — сказал Сварог. — И эту картину забрать не получится. Вы запамятовали, Брагерт: б а л к о н не пропускает к нам ничего материального, принадлежащего этому миру...

— Да, я и забыл... — сконфуженно сказал Брагерт. — Вот интересно, а л ю д е й отсюда он пропустит? Что-то

мне подсказывает, вы с превеликой охотой спасли бы ту же Тарину Тареми. Если это прошлое, она либо погибнет, либо будет скитаться среди развалин в толпе таких же оборванных и голодных...

— Вы мне подали дельную мысль, — без улыбки сказал Сварог. — В самом деле, если это прошлое, так и случится...

Яна посмотрела на него пытливо и внимательно. Сварог так и не смог понять, что означает ее взгляд. Брагерт, подойдя к столику и присмотревшись к этикеткам на бутылках разнообразной формы, прозрачных и темного стекла, предложил:

— А не выпить ли нам по бокальчику в ожидании хозяина? Он все равно не обидится, не успеет. Дешевки я тут не вижу...

Знает толк, прохвост.

— По бокальчику, пожалуй, можно, — согласилась Яна. — Как вы смотрите, лорд Калвер?

— Не откажусь.

— Только потребуется еще два бокала, тут всего два... — она извлекла из воздуха два бокала, точные копии стоявших на столике, только не из прозрачного хрусталия, а из синего. Пояснила: — Другой цвет — чтобы отличить потом, какие именно уничтожить. Не годится оставлять материальных следов. Сама не знаю почему, но у меня стойкое убеждение, что — не годится. Откупорьте вон ту бутылку, Брагерт. Очень уж солидно выглядит, — она присмотрелась. — И вряд ли надпись на этикетке врет насчет двадцатилетней выдержки...

— Наверняка не врет, — сказал Брагерт, смыкая на горлышке бутылки клещи большого позолоченного штопора. — Я уже пробовал. Обходится, как мне объяснил Элкон, примерно в месячное жалованье городского чиновника ранга нашего советника — а оно не маленькое...

Он с большой сноровкой ввинчивал штопор. Хлопнула выдернутая пробка. Брагерт разлил по бокалам гу-

стоватое багровое вино. Все четверо стояли с бокалами в руках, словно на дипломатическом приеме а-ля фуршет — сесть было просто некуда, разве что на постель, тут не стояло ни единого кресла или стула, вся здешняя жизнь хозяина протекала, надо понимать, на постели.

— Присядете, ваше величество? — спросил Брагерт.

— Благодарю, постою, — отрезала Яна. — На эту постель в жизни не сяду... — она подошла к высокому окну и посмотрела вниз, на ярко освещенную дорожку, аккуратные клумбы и стоявший в стороне от крыльца автомобиль. — Пожалуй, их следует н а к р ы т ь сразу, как только машина заедет во двор. Он ведь явно велел водителю уезжать, оставив здесь девушку. Когда увидит, что тот торчит во дворе, непременно разозлится и кинется выяснять отношения. Лишняя суeta.

— Наверняка, — сказал Сварог. — Ну, глухи их сразу, какая разница, минутой позже или раньше...

— Легок на помине, — сказала Яна. — Выключите свет... а впрочем, уже все равно, свет они наверняка видели, подъезжая...

Остальные моментально оказались рядом с ней. Длинный черный автомобиль отчаянно засигналил, на условный сигнал это не походило ничуть.

— Боюсь, он меня увидел издали, — спокойно сказала Яна. — Но он явно намерен заехать во двор, вон и холуи поспешают... Отойдите от окна, меня он уже видел, мне поздно...

— Я так подозреваю, он с ходу кинется разбираться, что происходит, — сказал Сварог. — Должен понимать: окажись тут засада соперников или конкурентов, девушка с бокалом не стояла бы у окна и не зажигала свет...

— Ну, я все равно успею раньше... — сказала Яна. — Да, ты, похоже, прав...

Едва ворота распахнулись, автомобиль рванул к крыльцу, затормозил с отчаянным визгом покрышек... Но Яна уже смотрела вниз с холодным, жестким выра-

жением лица, пошевелила губами. Все четыре дверцы распахнулись... да так никто и не показался. Конечно же, она успела раньше.

Потом из правой задней дверцы вылез мужчина в светлом костюме и сдвинутой ухарски набок шляпе, чуточку деревянным шагом направился к крыльцу. Ну, все в порядке...

Вскоре дверь распахнулась, и вошел Удав. Остановился у порога, уставиля на них совершенно пустыми глазами, лишенными и проблеска сознания. Как это частенько случается, в нем не было ровным счетом ничего демонического или хотя бы отталкивающего: крепкий мужик лет сорока, в обычном своем состоянии, пожалуй, даже обаятельный, женщинам должен нравиться. Аккуратные тонкие усики, перстень с бриллиантом отнюдь не вульгарен, не так уж и велик, торчащий из нагрудного кармана носовой платок подобран в тон галстуку — то ли сам такой тоняга, то ли держит на жалованье понимающего толк в хорошем стиле специалиста.

— Проходите — сказала Яна. — Садитесь на постель...
Он повиновался, как автомат.

Уходили они примерно через полчаса, оставив за собой полное благолепие, не способное вызвать ненужные раздумья: Сварог привел в беспорядок постель, Брагерт с Калвером тем временем откупорили еще парочку бутылок и половину вина и келимаса — явно с глубокой душевной печалью — вылили в белоснежный унитаз (ванная и туалет были тут же, за двумя дверцами). Передвинули бутылки, придали закускам такой вид, словно хозяин и «гостья» отдали им должное. Удав сейчас раздевается догола, плюхнется в постель и уснет. Утром он будет помнить, что облюбованная им красотка у него побывала и ночь прошла самым приятным образом. И накрепко запомнит, что завтра должен здесь и оставаться, пока к нему не приедет двоюродный брат... да, его двоюродный брат, с которым они сто лет не ви-

делись, — и Удав его сделает своей правой рукой. Все будут помнить, что им надлежит: охрана — что девушку привозили и увозили. Водитель довезет их туда, где они оставили машину, заберет своих корешков, смиренхонько сидящих на лавочке, и преспокойно уедет.

Выбрав какой-нибудь глухой тупичок, они беспробудным сном будут дрыхнуть в машине до утра, а потом вспомнят, что по распоряжению босса отвезли девушку в гостиницу, и будут помнить в которую. Тип-топ, как выражался герой старой кинокомедии. Операция «Шаровая молния» успешно завершена...

«Стоп, — одернул себя Сварог. — Опыт еще прежней жизни учил: операцию можно считать завершенной не раньше, чем группа вернется в точку выхода. Никогда нельзя расслабляться на обратном пути, мы еще только выехали за ворота. Не видно никакой угрозы, но будем уже соблюдать традиции, потому что кое-кто из тех, кто опрометчиво позволил себе расслабиться на обратном пути...»

Он вскинулся, услышав легонький вскрик Яны:

— Что, Вита?

Яна повернулась к нему с переднего сиденья. Глаза стали на пол-лица:

— О н о... То, что меня в ы н ю х и в а л о в прошлый раз. Только теперь оно где-то совсем близко, а я так и не пойму, что это такое... Оно ищет... и, кажется, на сей раз нашло...

Брагерт преспокойно достал пистолет и оттянул затвор.

— Уберите, — резко бросила ему Яна. — Не поможет, я отчего-то уверена... Оно совсем близко...

— Вели этому болвану дать полный газ, — сказал Сварог. — Авось в городе отвяжется...

Яна велела. Машина летела по пустой дороге, фонарные столбы мелькали мимо, сердце у Сварога сжалось в болезненной тоске — он ничего не мог сделать, чтобы отогнать опасность...

— Ну? — выдохнул он. — Не молчи, комментируй...

— Догоняет, — сказала Яна. — И вот-вот догонит...

Особенно мощи там нет, но и ничего светлого, мрак и грязь... — она повернулась к водителю: — Сбавь скорость, потом — на обочину!

— Вита... — сказал Сварог, охваченный нешуточной тревогой.

— Нам все равно не уйти, — сказала Яна с поразившим его спокойствием. — Оно быстрее. Придется драться. Не путайтесь под ногами, сидите в машине, вы все еще ничем помочь не в состоянии...

Водитель гасил скорость, потом съехал на обочину, к самым соснам. Яна так же хладнокровно продолжала:

— Оно совсем близко... Уже почти над ними...

— Существо? — зачем-то спросил Сварог, как будто это имело какое-то значение. — Или какой-то аппарат?

— Существо... Разум там есть... но ничего, кроме зла... Все! Оно над нами... Ну, посмотрим...

В следующий миг это, пролетевшее явно над самой крышей машины, резко замедлило полет, буквально пикируя на обочину уардах в десяти перед машиной. Больше всего оно напоминало зеленовато-белесого огромного, под стать человеку нетопыря, словно бы и нематериального. Коснувшись усыпанной сосновыми иголками земли, оно моментально изменило облик — теперь там стояла огромная, в полтора человеческих роста, фигура, столь же зеленовато-белесая, похожая на великана в монашеской рясе с опущенным на лицо капюшоном — и вот она-то выглядела гораздо более материальной...

Рывком распахнув дверцу, Яна выскочила из машины. Сварог выскочил следом, выхватывая пистолет. Яна выкинула перед собой руки, переплетя пальцы, вывернув ладони наружу — а в следующий миг перед ней разбрзгался ярко-синими искрами и погас метнувшийся было к ней синий клубок огня.

Сварог отскочил на пару шагов направо, вскинул пистолет, держа его обеими руками, и стал нажимать на спуск. Выстрелы исправно хлопали — но всякий раз после очередного перед самой грудью загадочной фигуры вспыхивал желтый комочек огня.

— Перестань! — отчаянно закричала Яна, не оборачиваясь. — Мешаешь только!

Сварог опустил пистолет, видя, что от пальбы нет никакого толку. Еще один синий шар метнулся к Яне — и тоже погас, разбрызгавшись о невидимую стену. С ладоней Яны сорвались ветвистые, ярко-зеленые молнии. Удалили в загадочное создание... или не коснулись? Не слухом, а как-то иначе Сварог слышал — именно слышал! — противный звук, напоминавший скрипенье ножа по тарелке. На него навалилось что-то непонятное: парализующее, липкое, вязкое, словно кто-то из огромной бади лил на него сверху невидимое густое варенье. Пошатнулся, но устоял на ногах. Навстречу друг другу метались разноцветные молнии и разноцветные огненные шары, лопались, причудливо выгибались. Ехавшая со стороны города машина отчаянно взмыла мотором и с дикой скоростью пронеслась мимо них, сидящий за рулем определенно спасался от непонятных сложностей жизни... Или наоборот, слишком понятных... Неизвестно, сколько это продолжалось, — но вдруг, после очередного обмена ударами, на месте зеленоватой фигуры взметнулся гейзер холодного голубого сияния, пронизанного алыми вспышками. И растворялся. На том месте никого и ничего больше не было. Яна согнулась, зажимая ладонями голову. В два прыжка Сварог оказался возле нее, схватил за плечи:

— Что, Вита?

И поневоле отдернул руки — словно током чувствительно ударило, даже зубы лязнули. Подбежали Брагерт с Калвером, растерянно остановились возле. Яна медленно выпрямлялась, опустив руки, вокруг нее слабо засветился словно бы повторявший очертания фи-

туры кокон из желтоватых огоньков — и, будто уходя в землю, погружаясь, понемногу растаял.

Они трое стояли и молча ждали — а что им еще оставалось?

— Кажется, я его прикончила... — невероятно усталым, но довольным голосом сказала Яна, рукавом пиджака утирая с лица обильный пот, — она выглядела так, словно на голову ей вылили ковш воды. — Да, похоже. Оно не ушло. С ним конечно. Оно оказалось слабее. Но как яростно пытались до меня добраться...

— Что это такое было? — тихо спросил Сварог.

— Представления не имею, — сказала Яна. — Не в состоянии была определить, никогда такого прежде не встречала. Что-то безусловно разумное, хищное... и насквозь ченое. У меня осталось впечатление, что оно люто ненавидит Дор Террах...

У Сварога, похоже, изменилось отношение к этому миру, стало гораздо хуже. Хорош мир, где над неоновыми вывесками и потоками автомобилей летают такие твари... Причудливое смешение технологий, примерно соответствующих концу двадцатого века той Земли, откуда он пришел, и самых невероятных тварей непонятной, но весьма необычной природы...

Яна вытирала лицо и мокрые волосы то правым, то левым рукавом. Они уже потемнели. Взяв ее за локоть, Сварог подтолкнул к распахнутой дверце:

— Садись, поехали быстро. А вы что стоите?

Когда машина трогалась, он, оглянувшись назад, увидел два быстро приближавшихся желтых огня — походило на мигалки на крыше автомобиля, более высокого, чем тот, на котором они ехали. Полиция? Нет, у них мигалки зеленые...

— Скажи-ка ему, чтобы прибавил газу, — бросил он, не отрывая взгляда от заднего стекла. Чем-то ему эти мигалки не нравились, и точка. Точно, машина, которую с такого расстояния уже не рассмотреть, останови-

лась ровнехонько на том месте, где они только что были. Вот не нравилось ему это, и все тут, самому непонятно, почему, но в подсознании сидела какая-то неприятная заноза — а Сварог в таких случаях привык доверять интуиции...

— Вита, — сказал он, наклонившись к ней. — Ты не медленно, как только мы доберемся до гостиницы, уходишь на н а ш у сторону.

— Мы с Каниллой хотели посмотреть у Элкона... — запротестовала она почти нормальным голосом.

— Так, — сказал Сварог. — Моды, часика два, да? Ну, коли уж разговор после т а к о й драки зашел о модах, ты окончательно опамятаовалась. Значит, действительность воспринимаешь адекватно. А она такова: если ты помнишь, командую операцией я. И вы все обязаны подчиняться моим распоряжениям. Не забыла?

— Не забыла, — чуть сварливо откликнулась она. — Но я ведь его прикончила...

— Приказ понятен? — металлическим голосом спросил Сварог.

— Понятен, командир... — откликнулась она недовольно.

— Вот и отлично, — сказал Сварог, продолжил мягче: — Только один аргумент, но, по-моему, достаточно весомый... Ты не думаешь, что таких тварей может оказаться целая стая? А гостиница за городом, о н и, я вижу, таких мест не боится. Ты уверена, что отобъешься от с т а и? Молчишь? Вот то-то. Скажи этому чурбану, чтобы прибавил газу, что-то мы медленно едем...

...Землекопы уже настолько углубились, что над раскопом виднелись лишь четыре макушки. Притоптав сапогом очередной окурок — их под ногами была уже целая россыпь, он от волнения дымил, как паровоз, — Сварог спросил:

— А вы уверены, что метод проверки выбрали, гарантирующий стопроцентную надежность? Вдруг это все

же Соседняя Страница, где есть н а ш и аналоги, которые тоже закопали что-то?

— Исключено, — сказал профессор. — Мои сотрудники кое-что скрупулезно рассчитали. Понимаете ли, мы еще очень мало знаем о Соседних Страницах и не умеем туда проникать, но способны многое рассчитать теоретически. С помощью той же С-топологии хотя бы. Мои С-топологи, не хвастаясь, сильнее тех, что работают в Магистериуме. Выводы недвусмысленны: то, о чем вы говорите, невозможно в принципе. Иначе оказалось бы, что материальный объект, — он показал на дворец, — и материальные субъекты, то есть мы с вами, принадлежат к разным пространствам, тем не менее одновременно занимая одно и то же место в одном пространстве. Такое невозможно. Вот, я выписал главные уравнения, убедитесь сами...

Он достал толстый блокнот в черной кожаной обложке с эмблемой Техниона и протянул Сварогу. Сварог пожал плечами. Спохватившись, Марлок убрал руку:

— Простите, конечно, вы не поймете...

Сварог, в жизни не слышавший об С-топологии, осторожно сказал:

— Профессор... а не может оказаться так, что ваши С-топологи ошиблись? Как крупно ошиблись А-физики с «точками Кондеры»?

— Исключено! — мотнув головой, отрезал Марлок. — Здесь совсем иная ситуация. А-физика работает с излучениями. С-топология, наоборот, исключительно с уравнениями. Излучение, какой-то его вид, можно просмотреть, что и произошло. Всё базисные законы С-топологии давно открыты, «просмотреть» какие-то просто не могли, можете вы себе представить, чтобы математики «просмотрели» часть таблицы умножения, и она появилась в неполном виде, скажем, без умножения на шесть? Это просто нереально. Так и здесь. Если бы какой-то из базисных законов упустили,

С-топология попросту не смогла бы состояться как наука. Так что поверьте уж на слово: если наши с вами аналоги и обитают на какой-то из Соседних Страниц, что вполне возможно, они никак не могут оказаться посредством «балкона» в одно и то же время в одном и том же пространстве. Вы как-то странно улыбаетесь...

— Вспомнил одну историю, — сказал Сварог. — Дело было в моем прежнем мире лет триста назад. Мой мир тогда по уровню развития примерно соответствовал земным королевствам — разве что без пароходов, паровозов, самолетов и пулеметов... но я не о том. Один знаменитый математик, дворянин, взялся учить математике великовозрастного сынка-лоботряса какого-то вельможи. И однажды долго и безуспешно пытался ему доказать, что такая-то теорема верна — доказать с помощью математики. Не понимал лоботряс математических доказательств, и все тут. В конце концов, уставши с ним биться, математик воскликнул: «Даю вам честное слово дворянина, что теорема верна!» Лоботряс просиял: «Вы бы так и сказали сразу, сударь! Как я могу сомневаться в честном слове дворянина?»

— Неудачный пример, — сказал Марлок, ничуть не обидевшись. — Право же, неудачный...

— Наверняка, — согласился Сварог. — Ну что же, я привык верить ученым на слово — пусть не всегда и не всем... Значит, стопроцентная гарантия?

— Стопроцентная... Извините, я отлучусь.

Он подхватил с земли мерную рейку, какой пользуются на земле, длинную, расчерченную черными и красными полосками, подошел к раскопу, присмотрелся — видимо, прикидывал, как не помешать землекопам, — опустил рейку в яму, из которой уже не видно было и макушек. Вернувшись к Сварогу и положив рейку, досадливо покачал головой:

— Два уарда семь пальцев... Вообще-то на такой глубине мы на Той Стороне и закапывали. Но это еще ничего не значит: за тысячелетия уровень земли мог не-

много подняться. Геологи меня заверили: не более, чем на уард. Пусть уж для надежности пройдут два...

Они замолчали. Сварог сунул в рот очередную сигарету, а профессор раскурил трубку. Из раскопа размеренно вылетала земля — ее уже набралась изрядная куча. В полусотне уардов от них протянулась полу-кругом цепочка стоявших спиной к раскопу гланских гвардейцев: обычно люди сюда не ходили, да случайный зевака ничего и не понял бы, но Сварог все равно велел оцепить раскоп. Рефлекс какой-то выработался: засекречивать абсолютно все, имевшее отношение к некоторым делам...

Земля вдруг перестала вылетать. Профессор встрепенулся: из раскопа явственно донесся стук лопаты о что-то твердое, тихий разговор. Потом оттуда громко крикнули:

— Нам бы лестницу, глубоко!

Опередив профессора, Сварог подхватил аккуратно сработанную деревянную лесенку, позаимствованную у дворцовых фонарщиков, опустил ее в раскоп. Оттуда проворно выкарабкался один из землекопов (все они были переодетыми в простое платье спецназовцами Сварога). Улыбаясь во весь рот, доложил:

— Ваше величество, есть что-то такое! Дальше мы поостереглись копать, вы такой приказ и отдавали...

Прямо-таки подбежав к раскопу и заглянув вниз, Марлок взмахнул рукой:

— Поднимайтесь все! Дальше я сам справлюсь!

— Лопаты оставлять?

— Нет, берите с собой! — отозвался профессор. — Справимся и без лопат!

Землекопы полезли с лопатами наверх. Едва на землю встал последний, Марлок кинулся к лестнице, полез вниз с невиданным проворством. Сварог последовал за ним. В яме, получившейся не менее двух с половиной уардов в глубину, стоял сырой запах свежевзрыхлен-

ной земли. Марлок, безбожно пачкая бархатные штаны, опустился на колени и принялся голыми руками копаться в нетронутой земле. Досадливо отплюнулся, повернул руку ладонью вверх, беззвучно пошевелил губами, и в руках у него оказался кинжал. Марлок принялся осторожно ковырять землю вокруг чего-то темного, торчащего из желтоватой земли. Сварог смотрел ему через плечо. С торжествующим возгласом Марлок показал ему темно-коричневый черепок, больше всего похожий на часть горлышка обычного глиняного горшка, отбитый вместе с куском самого горшка:

— Именно его мы и закапывали, именно такой!

И продолжал орудовать кинжалом, выковыривая из слежавшейся земли осколки горшка, пыхтя:

— Ничего удивительного, что он разбился, небольшие подвижки почвы, может быть, небольшое землетрясение, чего только не было при Шторме и при Вьюге... — послышался звук, словно металл лязгнул о металл. — Ага! Вот и подковы, и бутылка, тоже битая!

Он еще поковырял кинжалом, выворотил какой-то странный предмет и принялся отряхивать с него землю. Закончив, показал его с торжеством Сварогу: свинцовый, похоже, слиток своеобразной формы — плоский, наподобие солнышка с лучами разной длины. Профессор принялся считать лучи, касаясь каждого пальцем:

— Шесть... Девять... Одиннадцать... Семь длинных лучей и четыре покороче... Все сходится. Он самый.

— Как он мог так хорошо сохраниться? — спросил Сварог.

— Мы его предварительно на совесть обработали антикоррозийным составом, — сказал Марлок, встал с колен и произнес как-то буднично: — Вот и ответ, лорд Сварог. Со стопроцентной гарантией. Это не Соседняя Страница, Та Сторона — доштурмовое прошлое...

Странно, но Сварог не ощутил ни радости, ни даже восторга — одно тупое облегчение, словно поднялся по склону, таща на спине тяжеленный мешок, и сбросил

его, достигнув вершины. Лицо Марлока почему-то стало вовсе уж печальным.

— Что вы загрустили? — напрямик спросил Сварог. — Вас бы больше устроила Соседняя Страница?

— В каком-то смысле, — кивнул профессор безраздостно. — Видите ли, лорд Сварог, окажись Та Сторона Соседней Страницей, с ней не было бы тех сложностей, которые возникнут с прошлым...

— Какие? — с любопытством спросил Сварог.

— Не могу вот так сразу сформулировать точно, — признался Марлок. — Что-то смутное крутится в голове. Но сложности с прошлым, я уверен, будут, возможно, нешуточные...

Глава VII

ВСЕ ТЕ ЖЕ ЛЬДЫ, ОБРЮЗГШИЕ МОРЖИ...

Небольшой зал (резные дубовые панели по стенам, высокое окно, вернее, ало-сине-белый витраж из приятных для глаза узоров) служил для совещаний в узком кругу, а потому там стояло всего три ряда удобных мягких кресел, по семь в каждом (семерка здесь считалась «счастливым числом», а три семерки — «благоприятным сочетанием»). Занято было менее половины из них: Яна, Канцлер, Сварог, лорд Галан, лорд Финеас, глава Кабинета императрицы и шеф его спецслужбы, профессор Марлок, директор Магистериума, не столь уж и пожилой человек с красивой проседью на висках. И, наконец, главный объект интереса Сварога — академик Уртalo, директор Института А-физики Магистериума, корифей и светило означенной науки. Сварог специально занял кресло, откуда мог наилучшим образом разглядывать его краем глаза.

Корифей был импозантен, валаяжен и внушителен. Хотя ему недавно стукнуло шестьсот, выглядел он моложе, как все пожилые и старые лары. Пластиическая хирургия (пользовавшаяся не скальпелями, а какой-то

сложной аппаратурой) здесь достигла больших высот. Так что крайне мало было морщин, вовсе не было вторых подбородков, отвислых щек, дряблой кожи. Медальный, как писали классики о совсем другом человеке, профиль, красивое массивное лицо с решительным подбородком и уложенными волнами седой шевелюры. Сварог совсем недавно просмотрел его обстоятельное досье. Волевой, жесткий, обладатель цепкого ума, бесспорный талант. Что до частной жизни — гурман, держит повара, самолично готовящего еду, состряпанной магическим путем никогда не пользуется, знаток хороших вин и келимасов. До сих пор крутит отнюдь не платонические романчики с красивыми студентками Лицея. Канилла как-то призналась под настроение: еще на первом курсе корифей чуть ли не открытым текстом стал завлекать ее в постель. Однако она, как многие ее ровесницы, накопила немалый теоретический опыт (и любила довольно прозрачно намекать подругам, что уже испытала иные взрослые радости жизни во всем их многообразии), но опыт практический равнялся нулю (если не считать легких шалостей со сверстниками). Так что она попросту легонько испугалась и взаимностью академику не ответила. Сварог подозревал, что корифей ее выставил из Лицея не только за дерзость после того случая с взорвавшейся лабораторией, но и за несговорчивость.

На фоне окружающих академик смотрелся сущим павлином. Все пришли в обычной одежде, один корифей появился в парадном академическом мундире, расшитом спереди золотыми листьями неведомого растения от ворота до подола, достигавшего колен сюртука. При всех регалиях: шесть имперских орденов, шесть Золотых Колб в золотом круге. Золотая Колба, высшая награда Ученого Сообщества, объединявшего ученых Магистериума и Техниона, а также их сильванских филиалов, вдобавок тех научных сотрудников дру-

гих учреждений, что получили хотя бы первую ученую степень, — а магистрами было добрых три четверти ученой братии, три золотых шейных медали — в честь коронации дедушки Яны, ее отца и ее самой. Подобные совещания вовсе не требовали являться при полном параде — так что у невольно выступившего в роли новогодней елки академика вид был хотя и пышный, но на фоне остальных — чуточку смешной. Походило на то, что здесь имела место некая интрига — Сварог несколько раз перехватывал полные веселой иронии и, пожалуй что, легкого злорадства взгляды, которые украдкой бросал на корифея директор Магистериума. Он знал из досье, что эти двое, будь такая возможность, с превеликим удовольствием загрызли бы друг друга насмерть.

Корифей давненько уже к о п а л под директора, стремясь спихнуть его и занять его место, — но тот, будучи, собственно, не ученым, а крупным администратором, не давал себя сожрать так просто (как успешно отбивал покушения академика на свое кресло Председатель Ученого Сообщества). Весьма возможно, что именно директор (вряд ли самолично) уверил Уртalo, будто совещание будет из разряда тех, что требуют полного парада, и тот повелся, выставив себя в нелепом виде. Как и в политике, ученые интриганы пользуются любой возможностью насолить врагу, пусть и по мелочам...

Вот уже минут пять стояло молчание — Канцлер, как догадался Сварог, д е р ж а л паузу, словно опытный актер, легонько подогревая интерес у непосвященных (каковыми здесь были только оба ученых мужа). Военных и командира Серебряной Бригады не пригласили оттого, что никто до сих пор не представлял, к а к и е, собственно, задачи перед ними ставить.

Восемь минут... Поскольку Яна пока что не произнесла ни слова, согласно этикету полагалось молчать

и остальным, воздерживаясь от разговоров меж собой. Ага! Канцлер встал, повернулся лицом к невеликой аудитории, поклонился Яне:

— Ваше величество, милорды... Нынешнее совещание касается чисто научных вопросов, точнее говоря, некоего открытия, которое может привести и к отрицательным последствиям. В научных вопросах я себя не чувствую достаточно компетентным, поэтому передам слово лицу компетентному, вдобавок автору открытия. Заместитель начальника сектора А-физики научного отдела девятого стола Кабинета императрицы, лейтенант гвардии Канилла, графиня Дегро.

Должно быть, он подал какой-то сигнал — невысокая дверь у дальней стены распахнулась, и энергичной походкой вошла Канилла. Она тоже была великолепна. Парадный мундир девятого стола, на сей раз не безбожно зауженный, а нормального покроя (прямой приказ Сварога именно так и одеться), на плечах знаки различия, прямоугольники из витого золотого шнура с восьмиконечной звездочкой посередине каждого (это еще были не полноценные погоны, но Сварог намеревался вскоре ввести настоящие — как-то тосковала по ним душа, а здешняя армия погон не знала ни за облаками, ни на земле). Общегвардейский шеврон на левом предплечье, белоснежные сапоги (старое гвардейское пижонство вне строя), красивый золотой знак «За заслуги» (Сварог их учредил недавно, трех степеней), на златотканом поясе — красивый кортик, сработанный опять-таки по эскизам Сварога (в гвардии новинкой заинтересовались самым живейшим образом и сейчас вместо парадных мечей срочно разрабатывали свои варианты кортиков, каждому полку — особый).

Волосы заплетены в высокую строгую косу, весь облик насквозь деловой, как и надлежит. Канилла прищелкнула каблуками, сделала короткий офицерский поклон. Ухмыляясь про себя во весь рот, Сварог неотрывно наблюдал за академиком.

Ну конечно, челюсть у него не отвалилась — ученые интриги требуют не меньше искусства владеть лицом, нежели практические. Но все равно видно было, что корифея проняло всерьез. Никак не ожидал увидеть вышвырнутою им из Лицея соплячку в та к о й р о л и . «Подожди, сволочь старая, — ласково подумал Сварог, — это только присказка, сказка будет впереди...»

Сделав два шага вправо, к стене, Канилла остановилась у лакированного стола из темного дерева со стоящим на нем компьютером, включила его — на стене зажегся экран от пола до потолка. Наверняка она несколько раз прорепетировала свое выступление, возможно, и перед зеркалом — говорила гладко, четко, со скромными жестами, слишком отточенными, чтобы быть импровизацией. Рассказывала, как с помощью захваченной у обосновавшихся в Горроте заговорщиков аппаратуры обнаружила идущее из Нериады излучение «третьего ручейка», или «третьей точки Кондери» и убедилась в его искусственном происхождении. О «тарелочках» (и о камнях-компьютерах) она умолчала совершенно, потому, что ученым мужам (по общему мнению начальников спецслужб, Канцлера и Морлока) рановато было знать такие секреты. Ни словечком не упомянула о том, что первым поток с Нериады обнаружил именно Сварог — потому что это было сделано в нас kvозь ненаучной обстановке, и заправлял «экспериментом» не дипломированный служитель науки, а неграмотный ратагайский шаман. Таким образом, первооткрывателем представляла именно она — но Сварог вовсе не собирался бороться за свой приоритет и ничуть не сердился, что лавры первоходца достались не ему, наоборот — именно он и набрасывал черновик доклада, а Канилла добавила лишь чисто научные детали. Тактика, знакомая еще по прежней жизни: не было никакого Сварога ни на километр, ни на лигу вокруг, а кто станет утверждать обратное, тому померещилось... Вот уж к чему он не стремился, так это к научным лаврам первооткрывателя.

Время от времени Канилла иллюстрировала на экране свой рассказ формулами, диаграммами, схемами, графиками и прочей премудростью. Порой на пару минут переходила на высокопробную научную феню, из которой все присутствующие, кроме трех ученых, понимали лишь отдельные слова, и то не всегда. Однако (опять-таки по совету Сварога) постаралась ограничиться необходимым минимумом ученой таратории.

Экран погас.

— У меня все, ваше величество, милорды, — сказала Канилла.

— Может быть, у кого-нибудь будут вопросы? — громко осведомился Канцлер. Подождав с полминуты в молчании, благосклонно кивнул: — Вы можете идти, лейтенант.

Вновь прищелкнув каблуками и коротко поклонившись, Канилла четко повернулась через левое плечо (не пропали даром труды коменданта, констатировал Сварог), приставила ногу и той же энергичной походкой удалилась. Канцлер сказал:

— Ваше величество, милорды, прошу приготовиться к перемещению мебели...

Впервые столкнувшийся с этим явлением Сварог тем не менее проворно оторвал подошвы от пола, уперев ноги на специальную приступочку под сиденьем. Кресла пришли в движение — пустые отъезжали к стенам, те, в которых сидели люди, перемещались в центр зала, образуя незамкнутый круг — доклад кончился, начиналось совещание.

Довольно быстро круг установился. Канцлер сказал:

— Итак, господа, вы всё слышали. Могу добавить лишь, что по моей просьбе Технион проверил сделанные лейтенантом Дегро исследования и убедился как в их достоверности, так и полном отсутствии ошибок. Нет никаких сомнений: *п от о к с* Нериады существует в реальности, и происхождение у него — искусствен-

ное. Проблема, как легко догадаться, требует принятия неотложных и решительных мер. В значительной степени меры эти будут принимать спецслужбы, их руководители уже подали соответствующие проекты, поэтому не вижу смысла заслушивать их сейчас. Однако свой вклад, как вы понимаете, должны внести и научные учреждения. Профессор Марлок уже представил проект мер, которые Технион намерен предпринять. Очередь за Магистериумом. Господин директор, господин академик, вы можете вкратце изложить первые наметки? Чем конкретно нам в данной, не самой простой ситуации может помочь Магистериум?

Оба научных сановника молчали, словно застигнутые за курением младшие школьники. В конце концов директор с убитым видом легонько пожал плечами:

— Не располагая нужной аппаратурой и специалистами...

Упервшись в Сварога тяжелым неприязненным взглядом, академик Уртало, не изменив невозмутимого выражения лица, сказал:

— К сожалению, часть изъятой в Горроте аппаратуры забрал к себе не только Технион, но и почему-то лорд Сварог...

— Полагаю, я правильно понял, господа? — спросил Канцлер. — Вы в состоянии оказать любую потребную помощь, но не раньше, чем вас снабдят нужной аппаратурой и дадут консультацию специалистов со стороны? А сами вы, называя вещи своими именами, бессильны что-либо предпринять? Судя по вашему молчанию, так и обстоит...

Мысленно Сварог ему поапплодировал: это и называется — грязным лаптем да по блудливой роже... И сказал нейтральным дипломатическим тоном:

— Позвольте мне? Признаться, мне не вполне понятно, почему у господин академик употребил в мой адрес слово «почему-то». В каждой спецслужбе Империи существуют научно-исследовательские от-

дели, а потому я организовал такой и в девятом стое. Впрочем... Я могу ответить, п о ч е м у попросил предоставить часть аппаратуры мне. Простите, господин директор, господин академик, но у вас попросту нет специалистов, способных грамотно работать с «точками Кондери», — он сделал продуманную паузу и тем же нейтральным тоном нанес удар: — Собственно... специалисты у вас б ы л и . Двое. Однако они, как бы это сформулировать, работали частным порядком, иначе говоря, обеспечивали связь засевших в Горроте заговорщиков со своими сообщниками здесь, у нас. Местонахождение обоих, думаю, вам известно. Боюсь, в ближайшее время в Магистериум они не вернутся... Так вот, у меня как раз есть с т ь нужные специалисты. Троє. Потому я и попросил часть аппаратуры, на что, легко догадаться, получил санкцию вышестоящих инстанций. Разумеется, я всецело готов к сотрудничеству. Ситуация требует самой тесной консолидации сил. В любой момент, когда вам будет удобнее, к вам прилетит лейтенант Дегро, передаст чертежи и схемы, по которым вы в сжатые сроки создадите нужную аппаратуру. Она же даст все необходимые консультации, сколько бы времени это ни отняло. Вам остается лишь назначить время.

Уставившийся на него исподлобья Уртало спросил, явно прилагая нешуточные усилия, чтобы выглядеть невозмутимым:

— Лорд Сварог, у вас не найдется более опытного специалиста? Простите великодушно, но лейтенант Дегро мне представляется чересчур юной для столь серьезной миссии. К тому же она не имеет должного образования.

— Юность — это недостаток, который с годами проходит, — отпарировал Сварог. — Что до недостатка образования, ей это ничуть не помешало сделать открытие, которого почему-то не сделали люди с должным образованием и учеными степенями. Так

уж сложилось, что именно лейтенант Дегро является сейчас самым компетентным специалистом из трех у меня имеющихся. Ее доклад не вызвал ни вопросов, ни принципиальных возражений, а ее работа полностью одобрена Технионом. Не вижу причин посыпать к вам кого-то другого. Или вы все же намерены возражать? Не могу настаивать, это вне моей компетенции...

— Господин директор, господин академик... — сказала Яна тем самым тоном, что и здесь, и на земле считается явным признаком монаршего неудовольствия. — Я не вполне понимаю вашу позицию... которая мне, прямо скажу, не нравится. Ситуация сложная и откровенно опасная: непонятно откуда взявшийся источник искусственного излучения на Нериаде... Нужно собрать все силы в единый кулак... но вы, такое у меня создалось впечатление, противитесь визиту самого компетентного на сегодняшний день специалиста? Я правильно поняла?

Ее взгляд был полон холодного, рассудочного монаршего гнева — ничуть не наигранного. Директор, явно пребывая в некотором расстройстве чувств, промямлил:

— Ну что вы, ваше величество... Как можно противиться в такой ситуации? Разумеется, мы готовы к визиту лейтенанта Дегро и хотим, чтобы он состоялся как можно скорее...

— Господин академик? — подняла бровь Яна.

Уртalo, державшийся гораздо лучше директора, сказал:

— Мне остается лишь присоединиться к господину директору...

«Интересно, — подумал Сварог, глядя на обоих друзелюбно, — кто из вас двоих, стервецы, в результате этой конфузии получит дополнительные очки в вашей долгой потаенной драке?» И сказал:

— В таком случае, давайте обговорим сроки. Хотя, минуточку. Мне кажется, кое-какая аппаратура у вас

все-таки есть. Те двое заговорщиков использовали, как я помню из материалов расследования, аппаратные Магистериума? Если их аппаратура годилась для работы с «пятой точкой», быть может, она сгодится и для исследования «третьей»? Пока вы не смонтируете согласно консультациям лейтенанта Дегро новую?

— Обе аппаратные опечатаны, аппаратура законсервирована, — хмуро сообщил академик.

— Это долго — расконсервировать? — спросил Сварог с деловитым видом.

— Неполный рабочий день, — радостно сказал директор.

— А чьи печати? — спросил Сварог.

Устало усмехнулся уголком рта:

— Восьмого департамента Канцелярии земных дел...

— Я сразу же после окончания совещания распоряжусь их снять, — заверил Сварог.

«Вот так, научный ты барин, — подумал он, с той же дружелюбной, открытой улыбкой глядя на господина академика. — Прилетит девчонка, которую ты когда-то крупно обидел, и будет учить тебя, корифея, А-физике. Никак не скажешь, что это мелкая месть...»

Однако, покидая главное здание Кабинета Канцлера минут двадцать спустя, Сварог пребывал отнюдь не в самом лучшем расположении духа. Конечно, Канилла получит нешуточную моральную сatisфакцию. Конечно, здорово, что Магистериум еще раз чувствительно макнули мордой в грязь. Однако все это нисколечко не поможет решить главную проблему.

Но где же Полюс, где же Полюс, где же?

А если без красавиц — где источки, из которых распространяются по Талару каменные поделки непонятного назначения? На него до сих пор не вышли сбившиеся с ног сыщики и агенты. Не один посредник взят под колпак, но их контактов с источником пока что не проследили. Интагар предполагает: их пока что и не

было за ненадобностью. Всего неделю назад, говорил он, посредники получили довольно крупную партию «тарелочек» и подвесок и не скоро ее п е р е в а р я т . Им пока что не нужен источник, как и они — ему. Остается ждать у моря погоды.

Как там писала Екатерина Вторая по поводу Пугачева? «Противу злодея наряжена такая армия, что едва ли не страшна соседям была». Примерно то же самое можно сказать и сейчас. Подняты на ноги все спецслужбы империи и тайная полиция всех подвластных Сварогу королевств — и ей готовы оказать любое содействие все разведки и контрразведки. Имперская армия и Серебряная Бригада готовы по первому сигналу сыграть боевую тревогу и выставить армаду, способную разнести при необходимости Нериаду в пыль...

Вот только неизвестно, куда наносить удар, и кто ему должен подвергнуться...

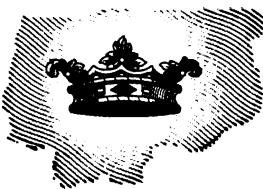
Он угрюмо подумал: если такое положение затянется, придется применять уже не единожды испытанный на практике метод. Брать все же кого-то из посредников. И вскоре посредник узнает, что в его доме произошел пожар, найдены обугленные трупы — и один из них может оказаться его собственным, в зависимости от степени искренности. В божедомках хватает неопознанных, никому не нужных трупов, которые ничего не стоит забрать для оперативных надобностей. Тамошние служители охотно всех до единого отдадут, чтобы избавить себя от лишних хлопот. Метод этот несколько раз применялся на памяти Сварога — и не всегда приносил удачу. Не потому, что подвергнутый такой обработке человек запирался — как правило, никто не запирался, — а оттого, что он не знал того, что стремились узнать допрашивающие. Выявленных посредников немало, и трудно определить, кого из них следует потихоньку и зъять. А мало-мальски массовые аресты производить нельзя — можно вспугнуть источник, и он

затаится, а то и сменит логово. И с Орком выходить на связь не спешат. Так что топчемся на прежнем месте...

Он зло выдохнул сквозь зубы и пошел к своему бранту, угрюмо мурлыкая под нос:

— Мы будем все мобилизованы,
вдали военный слышен гром.
Войны ботинки зашнурованы
тугим бикфордовым шнуром...

ЭПИЛОГ

Заложив руки за спину, Сварог стоял у длинного не-крашеного стола и задумчиво разглядывал выложенные в аккуратные линии две дюжины образцов — продолговатые куски разноцветного гранита размером примерно в два кулака. Выглядели они все одинаково: камень не тронут резцом, только один из торцов аккуратно срезан и отшлифован. Торопиться не следовало, нужно было хорошо присмотреться, прежде чем сделать выбор.

Мэтр Самон стоял рядом и терпеливо ждал. Сварогу он понравился: во-первых, видел его работы — памятники и скульптуры, во-вторых, у мастера не было и капли льстивости, он и с королем держался со спокойным достоинством знающего себе цену человека. Здоровенный могучий мужик на голову выше Сварога и изрядно шире в плечах, с короткой, но густой черной бородой и аккуратно подстриженными волосами без единой ниточки седины — хотя у многих в таком возрасте она появляется. Что ж, ничего удивительного в таком телосложении нет: это поэт или художник, чьи орудия труда — стилос и кисть, могут быть субтильными, а скульптор-каменотес как раз и похож больше на портового грузчика, потому что трудится не хуже грузчика, всю жизнь работает долотом и молотком, порой с особенно твердым камнем наподобие гранита...

— Вот этот, — решительно сказал наконец Сварог. — Да, вот этот...

Он взял кусок самого приглянувшегося камня: красный крупнозернистый гранит с многочисленными выступами правильной шарообразной формы, окруженными зелеными кольцами. Спросил:

— Как на ваш взгляд, мэтр? Вы разбираетесь в таких вещах гораздо лучше...

— Ваше величество, это должен быть памятник людям гражданским или военным?

— Военным, — глухо сказал Сварог, чувствуя, как лицо с тягивает холодом. — Геройски погибшим военным...

— В таком случае, государь, вы сделали верный выбор. Цвет символизирует пролитую кровь...

— Сколько ей еще литься? — произнес Сварог едва ли не шепотом.

Могучий скульптор его тем не менее услышал. И сказал:

— Наверное, до скончания времен, государь...

— Боюсь, так и обстоит... — медленно произнес Сварог. — Ладно, давайте о деле. Где залегает такой гранит, как выломать подходящую глыбу, как доставить — все это меня не интересует. Вы ведь обычно это делаете сами и знаете в этом толк?

— Конечно.

— Расходы вас заботить не должны, — сказал Сварог. — Сколько бы ни понадобилось денег, они будут. К вам сегодня же приедет человек от меня, познакомитесь, он будет следить, чтобы не было никаких заминок, и вам, если понадобится, оказывалось любое содействие. Оно ведь вам может понадобиться?

— По совести говоря, да, ваше величество. Порой случаются разные досадные помехи: чиновники вымогают взятки, бывают хлопоты с дорожными пошлинами, судовладельцами, да мало ли...

— Не будет ни помех, ни хлопот, — жестко сказал Сварог. — Человек этот не в Богадельне служит... Теперь — о том, что должно быть изображено. — Он коснулся указа-

тельным пальцем отшлифованного гранита: — Вот здесь, сверху — орел из чистого золота, классический акилла из военной геральдики. Тут необходим ювелир. Вы решали и такие дела? Отлично. На остальном пространстве — шесть сломанных мечей. Композицию продумайте сами, сделайте несколько вариантов, я потом посмотрю и выберу. И... И все.

— А надписи, ваше величество? Их не будет?

— Нет, — сказал Сварог. — Хотя, подождите... (он вспомнил дев с герба Якова Вилимовича Брюса). Надпись будет внизу совсем короткая. МЫ — БЫЛИ! Дайте мне знать, когда будут готовы эскизы. Никакой спешки, лишь бы получилось хорошо...

Он кивнул мэтру и неторопливо вышел из мастерской, разместившейся в уютном, тихом переулке, где стояли лишь солидные склады, так что шум никому не мешал (камнерезное ремесло — дело шумное). Охрана уже взлетела в седла, Барута подал ему поводья, и в ясном безоблачном небе светило солнце. Знак ликтору — и тот первым сорвался с места. Сварог прыгнул в седло и дал коню щенкаля. Крупной рысью выехав из переулочка на широкую, мощенную тесанным камнем улицу, поднял рыжего ратагайского жеребца в галоп. Ликтор скакал далеко впереди, хриплый рев его бронзовой буцины разнесся по тротуарам экипажи и всадников, подковы слаженно гремели по мостовой, и понемногу Сварогу стало казаться, что он несется к какой-то цели, что она у него есть вот сию минуту, и вскоре она будет достигнута, и придет победа, и смерти нет...

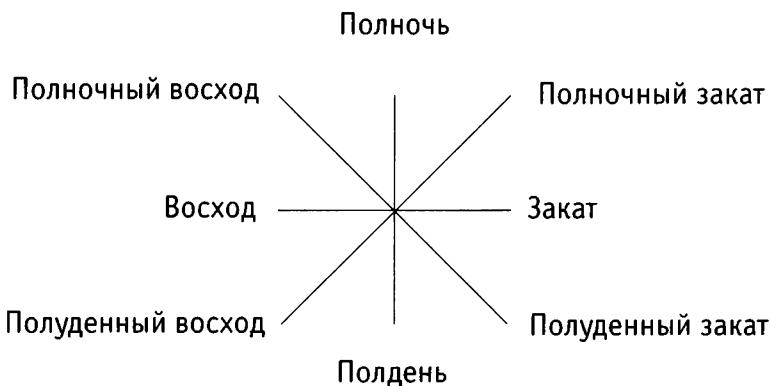
Но где же Полюс?

Красноярск, 2016

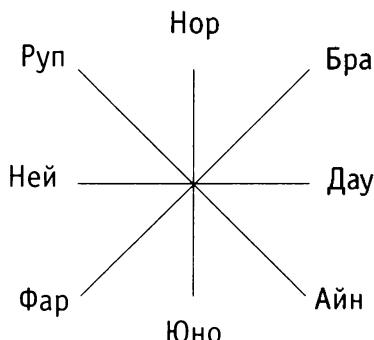

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стороны света по таларской традиции

Стороны света в морской терминологии Талара

О ЛЕТОСЧИСЛЕНИИ

При изучении хронологии следует непременно иметь в виду, что не существует до сих пор какой-то единой точки отсчета. Даже летосчисление ларов, Небесные Годы, было введено лишь через некоторое количество лет после окончания Шторма и переселения ларов в небеса. И это количество до сих пор не определено точно, разные исследователи называют разные цифры (от 7 лет до 11). К тому же ни у ларов, ни у кого-либо другого нет точно фиксированной даты окончания Шторма — ибо какое-то время его затухающие волны все еще прокатывались по планете.

Первые семьсот с лишним лет после Шторма на земле не существовало ни упорядоченной хронологии, ни четко датированных летописей (по крайней мере, современная наука не располагает фактами, способными как доказать, так и опровергнуть эту точку зрения). В дальнейшем, на протяжении долгих столетий, соперничавшие государства и отдаленные страны, порой вообще представления не имевшие о существовании друг друга, придерживались своих собственных систем летосчисления (более-менее полное представление об этом периоде дает труд Гармара Кора «Хаос и хронология», Магистериум, 3466 г. Х. Э.) Впоследствии из-за диктуемого жизнью стремления к упорядоченности после многих попыток достичь взаимопонимания и согласия (и даже нескольких войн по этому поводу) почти повсеместно было установлено единое летосчисление — так называемая Харумская Эра.

В настоящее время текущий год у ларов — 5506 год Небесных Лет (в этой системе датируются все императорские указы, предназначенные для жителей земли).

На земле — 3716 год Харумской Эры, однако есть два исключения:

1. Великие магистры, правители Святой Земли, двести сорок три года назад ввели летосчисление «со дня Гнева Господнего». Таким образом, в Святой Земле сегодня — 5511 год СДГГ.
2. После отделения Гланы от Ронера первый гланский король повелел «считать нынешний год первым годом Вольности». Сегодня в Глане — 613 год Вольности.

Таларский год состоит из семи месяцев — Датуш, Элул, Фион, Квинтилий, Ревун, Атум, Северус. Каждый месяц — из семи недель по семь дней. В конце первых шести месяцев есть еще по три дня без чисел, именуемых Безымянными Днями, или Календами. После Северуса следуют семь дней Календ. Календы Датуша, Квинтилия и Атума считаются «скверными днями», в этот период стараются воздержаться от дел, не пускаются в путешествия или плавания, не играют свадеб, не устраивают никаких торжеств. В древности на эти Календы даже прекращались войны. Календы Элула, Фиона и Ревуна, наоборот, считаются крайне благоприятными для начинаний и временем праздников. Календы Северуса — канун Нового Года, в эти дни торжества особенно пышны, именно к Календам Северуса дворяне стараются приурочивать свадьбы, а гильдии — свои праздники.

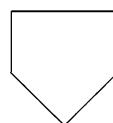
ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ щиты

Согласно правилам геральдики, существует лишь семь разновидностей гербовых щитов — для гербов государств, городов, дворян. Разновидности эти следующие:

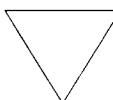
1. Дотир

2. Джунарг

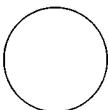

3. Даугар

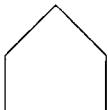
4. Дроглор

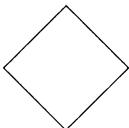
5. Домблон

6. Дегоар

7. Дуарат

Как правило, дотир и дуарат служат гербовыми щитами лишь для дворян, не имеющих титула, а гербы городов чаще всего имеют форму домблона.

ФЛАГИ ГОСУДАРСТВ

Флаги Виглафского Ковенанта*

Лоран — горизонтальные синяя и зеленая полосы, флаг обведен белой каймой (добавленной как знак траура после завершения строительства Большого Канала и потери провинций, оставшихся на континенте).

Харлан — «шахматная доска» из 6 черных квадратов, 6 белых и 6 коричневых.

* Ковенант — от слова «ковенантус», означавшего на одном из древних языков «согласие». Виглафский Ковенант, или Большой Концерт, — принятное в обиходе название ежегодного конгресса семи королей и великого герцога Харланского, съезжавшихся в ронерском городе Виглаф, где решаются самые важные дела и принимаются решения по вопросам большой политики.

Снольдер — желтое полотнище с черным силуэтом сфинкса.

Ронеро — горизонтальные синяя и черная полосы.

Глан — горизонтальные черная и красная полосы.

Горрот — белое полотнище с черным солнцем.

Шаган — вертикальные зеленая, желтая и черная полосы.

Сегур — горизонтальные синяя и красная полосы.

Прочие флаги

Святая Земля — фиолетовое полотнище с желтым крылатым диском.

Балонг — синее полотнище, затканное золотыми пчелами.

Ганза — темно-синее полотнище с белым кругом. В круге — черный силуэт корабля с зарифленными парусами.

Некоторые сведения о геральдическом значении иных цветов. Синий цвет издавна символизировал честь, честность, благородство. Фиолетовый — мудрость. Зеленый — надежду. Черный — упорство. Красный — отвагу, жизненную силу. Желтый — богатство. Белый вообще-то символизирует чистоту помыслов, но из-за того, что он издавна почитается символом смерти, в геральдике его стараются не употреблять.

ГЕРБЫ ГОСУДАРСТВ

Виглафский Ковенант

Лоран — дотир. Две синих и одна зеленая вертикальные полосы. На зеленой — три золотых кольца. На синих — по золотому якорю.

Харлан — дотир. Разделен на четыре квадрата, два белых и два коричневых. В белых квадратах — по коричневому мечу острием вверх. В коричневых — по белому мечу острием вверх.

Снольдер — даугар в фиолетово-желтую клетку. В центре щита — золотой лев, стоящий на задних лапах.

Ронеро — даугар. Разделен по вертикали на синюю и черную половины. На синей — золотая лилия, на черной — Зеркало Аннура, имеющее вид серебряного круга в золотой оправе.

Глан — дегоар. Щит — черный с золотой каймой. В центре — золотой силуэт медвежьей головы, по пяти углам — золотые цветы чертополоха.

Горрот — домблон. На белом фоне — черное весло, скрещенное с золотым скипетром.

Шаган — дроглор. На синем поле — золотой колокол.

Сегур — дуарат. Разделен горизонтальной линией на две половины. Верхняя — золотой парус на зеленом поле, нижняя — пять вертикальных полос (две зеленых, две желтых) и на их фоне — черный герб Морских Королей.

(Нужно добавить, что герб государства является и гербом его короля.)

ПРОЧИЕ ГЕРБЫ

Святая Земля — дуарат. На зеленом поле — золотой одноглавый орел (акилла), держащий в лапах меч и крест Единого Творца.

Балонг — джунарг. На красном поле с пятью узкими вертикальными линиями — золотые весы. Шит окаймлен золотыми пчелами.

Ганза — дроглор. На темно-синем фоне — красная ладонь.

КОРОНЫ ВИГЛАФСКОГО КОВЕНАНТА

Лоран — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма* с изображением дубовых листьев. Шестнадцать зубцов в виде шипов, отклоненных на 45° наружу от вертикальной оси обруча. У основания каждого — рубин, ограниченный «розой». Закрыта остроконечным колпаком из синего бархата на золотом внешнем каркасе в виде 8 сходящихся дуг.

Харлан — обычная герцогская корона, но украшенная четырнадцатью ограниченными бриллиантами и закрытая решетчатым плетением в форме полусфера.

Снольдер — корона закрытая. Два разомкнутых круга, каждый шириной в джайм, соединенных четырьмя перемычками. На перемычках — по рубину, ограниченному в форме полусферы. В каждом секторе меж перемычками — по три бриллианта, ограниченных «розой». Впереди, надо лбом, — золотое изображение кобры с раздутым капюшоном и бриллиантовыми глазами. Туловище кобры, изогнутое дугой выпуклостью вверх, закрывает корону, касаясь противоположного ее края, где вделан черный алмаз Бараини (неограниченный, весом 480 квинутнов**). Зубцы отсутствуют.

* Джайм — мера длины, применяемая лишь в геральдике (около 3 см).

** Квинутн — мера веса в ювелирном деле (0,25 г).

Ронеро — корона открытая. Обруч шириной в два джайма, по которому проходят три пояса из накладных лилий, и в центре каждого цветка — рубин, ограненный полусферой. Восемь зубцов в виде равнобедренных треугольников, слегка отклоненных от вертикальной оси обруча.

Глан — корона открытая. Кольцо шириной в джайм, двенадцать зубцов (6 в виде цветков чертополоха, 6 — в виде трилистников клевера). В основании каждого зубца — рубин «ленточной» огранки. Впереди, надо лбом, — желтый алмаз Индари (неограненный, вес 300 квинутнов).

Горрот — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма, по верхней и нижней кромкам проходят два накладных пояса, имеющих форму цепи с овальными звенями. В центре каждого звена — рубин, ограненный в форме трехгранный пирамиды. Восемь прямоугольных зубцов. Закрыта двумя полукружиями-дугами, в точке пересечения которых — солнце, выточченное из черного опала.

Шаган — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с семью зубцами в виде «ласточкина хвоста». У основания трех — ограненные рубины, у основания четырех — ограненные изумруды.

Сегур — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с гравировкой в виде якорей и скрещенных весел. Семь зубцов в виде трезубца Руагату, у основания трезубцев — ограненные сапфиры.

ПРОЧИЕ КОРОНЫ

Корона Великого Магистра Святой Земли — открытая. Обруч шириной в джайм. Впереди, надо лбом, — крылатый диск с неограниченным рубином в центре, на противоположной стороне — крест Единого Творца. Зубцы отсутствуют.

Балонг. Избираемый на три года Старшина Патрициев Круглой Башни носит корону в виде обруча шириной в два джайма с семью зубцами, повторяющими формой Круглую Башню.

Все короны изготовлены из чистого золота, не считая короны Великого Магистра — она из железа.

ДВОРЯНСКИЕ КОРОНЫ И ТИТУЛЫ

Дворяне Виглафского Ковенанта и Пограничья носят следующие титулы:

1. Принцы короны.
2. Принцы крови.
3. Герцог.
4. Князь.
5. Граф.
6. Барон.
7. Маркиз.

Принцы и принцессы короны — потомки правящего монарха. Они носят корону в виде обруча шириной в джайм, закрытого двумя полукружьями-дугами, в точке пересечения которых — миниатюрное подобие королевской короны.

Принцы и принцессы крови — потомки братьев и сестер правящего монарха. Носят корону, повторяющую герцогскую, но закрытую полукружием-дугой с миниатюрным подобием государственного герба.

Герцогская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью дубовыми листьями.

Княжеская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью земляничными листьями.

Графская корона — обруч с четырнадцатью шариками.

Баронская корона — обруч с семью треугольными зубцами, перемежаемыми семью шариками.

Корона маркиза — обруч с семью полукруглыми зубцами, и в центре каждого — прорезь в форме дуарата.

Короны титулованных дворян, имеющих права Вольных Ярлов, украшены рубинами (в 3711 г. Х. Э. Виглафский Ковенант лишил владетелей Вольных Маноров, в том числе и королей, прав Вольных Ярлов, сохранив таковые лишь за ярлами Пограничья, но и для последних введены ограничения по количеству лиц, коих ярлы вольны в течение года возвести в дворянство).

При посещении титулованным дворянином королевского дворца, а также в дни некоторых торжеств следует непременно быть в приличествующей титулу короне. В обычные же дни можно ограничиться золотой цепью, золотыми шпорами и перстнем с миниатюрным подобием короны.

Дворяне, дабы отличить свое положение, носят золотую цепь установленного образца и золотые шпоры.

Гланские обычаи несколько отличаются от иных, там существует своя система, признанная Виглафским Ковенантом:

1. Гланфорт (нетитулованный дворянин) носит золотую цепь и золотые шпоры.

2. Глэв (соответствует маркизу, барону или графу) — золотые шпоры и золотую цепь с семью подвесками в виде цветов чертополоха.

3. Глэрд (соответствует князю или герцогу) — золотые шпоры, золотую цепь с медальоном, на коем изображена медвежья голова.

В Балонге дворянства нет, но для знатнейших и богатейших граждан существуют титулы нобиля и патриция. Нобиль носит на груди золотой медальон с гравировкой в виде весов, окруженных пчелами, стоящий выше нобиля патриций — золотую пектораль с такой же гравировкой и жезл, увенчанный миниатюрным подобием Круглой Башни. Семеро Патрициев Круглой Башни, правящие Балонгом, обязаны во всякое время появляться на публике в алом плаще, затканном золотыми пчелами, и синей шапочке-митре, с четырех сторон украшенной золотыми изображениями Круглой Башни; при сем они опираются на посох с навершием в виде государственного герба. (Всякие попытки Балонга добиться приравнения нобилей и патрициев к дворянам неизменно отклонялись Ковенантом.)

О правилах, заведенных в Святой Земле, более полное представление даст соответствующий фрагмент из книги реверена Гонзака.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О РЕВЕРЕНЕ ГОНЗАКЕ

*Реверен** Гонзак (3627 Х. Э. — ?) — скрибанос, служивший при Царской библиотеке в Астree (Гиперборея, Сильвана). В 3668 г. Х. Э. прибыл на Талар. В период с 3668-го по 3679-й работал в библиотеках разных стран, жил в Лоране, Снольдере, Ронеро, побывал в Пограничье, Иллюзоре, Глане, Балонге, пяти из Вольных Маноров, совершил три морских путешествия. Не-

* Реверен — «почтенный». Так именуются на Сильване люди из сословия книжников — скрибаносы. Соответствует таларскому «мэтр».

которые историки считают его шпионом царя Гипербореи, но люди из таларских тайных служб никогда не высказывали своего отношения к этой версии. Необходимо учитывать, что порой крайне трудно провести границу меж профессиональным разведчиком и любознательным путешественником из дальних стран, поскольку кропотливо собираемая первым информация частенько попадает на тот же стол, что и ученые записки второго (о чем второй ничего не подозревает). Как бы то ни было, в Равене трудами Коллегии Ремиденума в 3681 г. Х. Э. вышла в свет книга Гонзака «Трижды семь писем скромного книжника Гонзака на Сильвану, другу своему Чей Чедогону о таларских делах, обычаях и установлениях». Вопреки заглавию, писем в книге всего шестнадцать. Гонзак пропал без вести в промежутке меж 36 Северуса 3679 г. и 14 Датуша 3680 г. Его следы теряются в полуночных провинциях Ронера, малонаселенных и пользующихся дурной славой «диковатых мест». Не исключено, что сильванский скрибанос, человек отнюдь не бедный, любивший жить и путешествовать с комфортом, стал жертвой разбойников или Волчьих Голов. Известно также, что Гонзак намеревался предпринять экспедицию в Хелльстад, для чего, быть может, и отправился в те места, где оборвался его след.

Книга Гонзака, пусть и незавершенная, помимо многих интересных наблюдений, представляет собой еще и своеобразную краткую энциклопедию, дающую постороннему читателю неплохое представление о таларском укладе жизни. Благодаря чему она и была в 4998 г. Н. Г. включена Императорской Коллегией Просвещения в список учебных пособий для благородных ларов по теме «Современный Талар». Выпущена в компьютерном и типографском вариантах.

О ТИТУЛАХ, СОСЛОВИЯХ И МНОГОМ ДРУГОМ

Письмо третье, реверена Гонзака

Рассказ об устройении общества, друг мой Чей Чедогон, я начну с королей, чему ты вряд ли удивишься, ибо, когда нам случится озирать гору, взгляд наш непременно падет прежде всего на вершину, а уж оттуда странствовать будет к земле.

Короли таларские — воистину самовластные владыки, что отражено и в тамошних законах, гласящих, что монарх пре-

бывает превыше закона, сам же, буде возникнет такая надобность (или, увы, каприз, как нам известно о венценосцах двух планет), может решать многие дела не по писанным законам, а исключительно по своей воле. Должен тут же оговориться, что самовластье это, кажущееся всеобъемлющим, ограничено иными древними традициями. Есть права дворян, и сословий, и гильдий, и даже крестьян, на кои посягать и король не волен. Однако ж за пределами сих ограничений открывается весьма обширная область для самодержавного произвола, и подданным остается лишь уповать, что восседающий на троне монарх наделен достаточным умом и здравомыслием, дабы не ущемлять народ свой без меры.

Как и в нашем отечестве, дворяне здесь первенствуют над всеми иными. Нельзя стать офицером, ни сухопутным, ни морским, если ты не дворянин. И высшие пять гражданских чинов доступны одним лишь дворянам, и землею с крестьянами могут владеть одни дворяне, и ордена иные жалуются одним дворянам. Им одним дозволено строить в домах балконы и иметь в окнах витражи.

Следом идут так называемые Семь Высоких Сословий.

Сословие Чернильницы объединяет судейских, адвокатов и чиновничество с первого гражданского чина по двенадцатый. Отличительным знаком оного служит серебряный пояс с серебряной же чернильницей установленного образца. Образцы таковые в разных государствах разные, а у чиновников есть еще и мундиры, в каждом ведомстве свои, и каждый гражданский чин имеет свои отличия, подобно тому, как это обстоит с воинскими чинами.

Сословие Храма составляют разных богов служители, коих отличают одеяния и атрибуты, единые для всего Талара, независимо от страны (о Святой Земле поговорим подробнее в другой раз).

Сословие Мер и Весов образуют купцы, банкиры и ювелиры, причем не всякие купцы, а лишь те, что имеют капиталы не ниже определенного предела. Отличительным знаком сего Сословия служит серебряный пояс с замшевым кошелем особого вида.

Сословие Циркуля — это инженеры и архитекторы, коих отличает короткий плащ особого фасона, скрепленный у гор-

ла серебряной цепочкой, крепящейся двумя серебряными же бляхами с изображением циркуля.

Сословие Соры — это ученые, книжники, книготорговцы и учителя. Они носят плащ особого фасона с пелериной, где цепочку крепят две серебряные бляхи с изображением книги и пера, а также круглый берет с серебряным изображением совы. В разных государствах цвет оного наряда бывает разным. Живи мы на Таларе, друг Чедогон, в таком наряде и щеголяли бы, что, впрочем, не лучше и не хуже наших с тобой шапочек реверенов, украшенных жемчужинами, да плащей и посохов.

Сословие Свободных Искусств (художники, музыканты, скульпторы и актеры) знаком своим имеет серебряную цепь с серебряной же бляхой, на коей изящно выгравирована мифологическая птица Сирин, издавна почитаемая символом творческого вдохновения. И не всякие актеры состоят в сем Сословии, а лишь те, что происходят из семей потомственных актеров театров, имеющих статус королевских. А прочие же актеры именуются пренебрежительно фиглярами, и место им отведено в одной из последних гильдий, о чем напишу ниже.

Сословие Чаш и Ланцета составляют медики и аптекари. Знаком им служит длинная мантия особого фасона, черная шапочка, украшенная серебряной бляхой с изображением обивающей чашу змеи, а также своеобразного вида кожаная сумка, служащая также и практическим целям, ибо в ней носятся снадобья, инструменты и прочее, потребное в работе.

Сословия эти обладают правом на покупку земли, но крестьяне во владение им не положены. В виде особой милости, случается, король жалует кому-либо право в течение определенного срока получать доход с того или иного коронного имения, и срок этот редко превышает год. Понятно, есть имения крайне прибыльные, а есть и скучные, что при оказании монаршей милости непременно и учитывается. Те, кто входит в Сословия, имеют право носить золотые украшения без ограничения количества, но без драгоценных камней — разве что король пожалует кому перстень с драгоценным камнем. Равным образом их столовая утварь из драгоценных металлов может быть украшена самоцветами лишь с соизволения короля.

Здесь стоит добавить, что согласно незыблемым законам природы, применимым и к жизни человеческого общества, недостаток чего-либо немедленно восполняется за счет иного качества — подобно тому, как слепые обладают невероятно тонким слухом, а горбуны бывают необыкновенно сильны. Вот и выходит — Сословия восполняют отсутствие драгоценных камней искусством выделки, а потому украшения их и утварь порой превосходят дворянские изощренностью выработки и мастерством украшательства.

Дворяне поступают на службу во множестве, ибо на Таларе повсюду действует закон первородства, согласно коему все сыновья имеют право на дворянское звание или титул, а вот имение движимое и недвижимое достается в целости самому старшему (или дочери, если нет потомков мужского пола). Прочие же сыновья, получив малое денежное вспомоществование, вынуждены искать службы за жалованье либо по талантам своим искать себе места в одном из Сословий. Предпочтительнее всего военная служба, а также и полицейская, но непременно на должностях, приравненных к офицерским. Кроме военной службы, для дворян, по традиции, более всего предпочтительны занятия, входящие в компетенцию Сословий Чернильницы и Совы, а также Циркуля (но в областях, относящихся к военному делу и мореплаванию). Не возбраняется и войти в иные Сословия, но дворянин, попавший в таковые, стоит в глазах общества несравненно ниже. Что до Сословия Мер и Весов, то дворянину зазорно заниматься торговлей либо банкирским делом. Промыслы, приличествующие дворянину, сводятся к четырем вещам: коневодству, виноторговле, изготовлению винных бутылок, морским перевозкам на собственных судах и ювелирному делу. Дворянин имеет право устраивать в своих землях заводы, но при строгом условии: заводы эти должны работать непременно на сырье, производимом в своих же поместьях, а если сырья этого нет, то и заводы устраивать нельзя. Дворянин еще обладает правом на речные перевозки на собственных судах — но опять-таки при строгом условии, что перевозит произведенное в собственных поместьях или закупленное для нужд такового. Все эти установления заданы в свое время весьма умыми людьми, ибо служат к выгоде общества и бесперебойной работе государственного механизма. Гильдии таларские имеют следующий вид:

ЗОЛОТЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Оружейники (цехи: Доспешных дел мастеров, Мечных дел мастеров, Арбалетных дел мастеров, Копейных дел мастеров, Пушечных дел мастеров, Ружейных дел мастеров, Ракетных дел мастеров, Пороховых дел мастеров).

2. Мастера тонких работ (Ювелирные подмастерья, Мастера врачебного инструмента, Мастера счетных устройств, Оптики, Часовщики, Мастера утвари для ученых).

3. Похоронных дел мастера.

4. Приказчики торговые и банкирские.

5. Меховщики.

6. Мастера каменного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Подновителей мостов).

7. Мастера деревянного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Подновителей мостов).

8. Водопроводных дел мастера.

9. Фонарщики (цехи: Фонарщиков, Мастеров фейерверка, Мастеров домашних светильников из металлов).

10. Стеклодувы (цехи: Стеклодувов, Стеклянной посуды, Уличных фонарей, Домашних светильников из стекла, Витражных дел мастеров).

СЕРЕБРЯНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Кораблестроители.

2. Моряки.

3. Речные матросы.

4. Мастера изящных работ (цехи: Изящной мебели, Благородной посуды, Благородных тканей).

5. Стражи порядка (сюда входят палачи, тюремная стража, полиция и ночные сторожа).

6. Содержатели псарап и псари.

7. Содержатели постоянных дворов и трактиров, игорных и танцевальных залов (сюда включены лишь те заведения, которые имеют высший разряд и предназначены для благородной публики — дворян и Сословий. А содержатели заведе-

ний рангом пониже включены в гильдию градских обывателей).

8. Гуртовщики.

9. Ремесленники по дереву (цехи: Столяров, Картников, Тележников, Сундучников).

10. Парикмахеры (опять-таки те, кто обслуживает благородную публику. Прочие же именуются скопом цирюльниками).

БРОНЗОВЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Пожарные.

2. Кузнецы.

3. Ветеринары.

4. Почтари и телеграфисты.

5. Шляпники.

6. Садовники и огородники.

7. Горнорабочие.

8. Содержатели домашней птицы, мелкого скота, птицеловы и пчеловоды.

9. Посудных дел мастера (Гончары, Бочары).

10. Торговцы провизией и изготовители таковой (цехи: Мукомолов, Хлебопеков, Виноделов, Пивоваров, Мясников, Зеленщиков, Бакалейщиков).

МЕДНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Портные.

2. Сапожники и обувщики.

3. Печники.

4. Водолазы.

5. Извозный промысел.

6. Вольные слуги.

7. Повара.

8. Мостильщики улиц.

9. Кровельщики.

10. Градские обыватели (к сей гильдии приписаны представители многих ремесел, не вошедших в прочие).

ЖЕЛЕЗНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Заводские мастеровые.
2. Мусорщики.
3. Мастера паровых машин.
4. Мастера воздушных шаров и планеров.
5. Маляры, фигляры, циркачи, газетиры.
6. Портовые рабочие.
7. Ткачи, шерстобиты и обойщики.
8. Нищие и проститутки.
9. Цирюльники.
10. Типографские мастеровые.

У каждой из гильдий есть залы для собраний, гильдейские знамена и праздники, отмечаемые в определенные дни, подчас с превеликой пышностью, когда речь идет о трех высших гильдейских разрядах. Золотые украшения дозволены лишь Золотым и Серебряным гильдиям, но единовременно можно носить не более одного, а во владении иметь неограниченное количество. Серебряные украшения дозволены Золотым, Серебряным и Бронзовым гильдиям — со схожими правилами ношения, не более двух одновременно. Медным же и Железным гильдиям запрещено строить для собственного проживания дома выше одного этажа, а также им не полагается держать в услужении слуг и служанок и запрягать в повозку более одной лошади (исключение составляют извозчики, но и то лишь в тех случаях, когда выезжают на свой промысел).

Легко понять, что система таковая имеет как свои достоинства (скажем, изощренное совершенство, ведущее к более спокойному и плавному течению жизни, равно как и устойчивости общественной пирамиды), так и недостатки. Недостатком, безусловно, следует посчитать то, что человек, будь он талантлив и многообещающ несказанно, не получит хода в ту область, где мог бы принести не в пример большую пользу (а область таковая, не пополняемая притоком свежих сил, неминуемо придет в упадок). Мысли такие, несомненно, посетили в старые времена кого-то из власти предержащих — ибо

в каждой державе есть министерство, ведающее Сословиями и гильдиями, в обязанность коего входит устройство экзаменов и иных испытаний, служащих для пополнения гильдий и Сословий новыми членами, достойными сего. Правда, из этого еще не следует, что каждый, кто достоин занять место ступенькою выше, на ступеньку эту поднимется, — увы, слишком часто мы в этой жизни видим примеры обратного, и ни одни писаные правила, сколь бы мудро они ни были составлены, не обеспечат каждому место, его достойное. В особенности если вспомнить о корыстолюбии одних и изворотливости других и предположить, что в иных случаях презренный металл быстрее и успешнее позволит подняться вверх, нежели таланты и способности...

Добавлю еще, что каждый приписанный к гильдии с того момента, как начнет трудиться если не мастером, то подмастерьем, повинен постоянно носить на груди гильдейский знак. Бляха эта очертаниями повторяет гербовый щит государства, разделена на две части, и в верхней помещен герб города (если город гербовый) либо герб короля (если город коронный) а в нижней — эмблема данной гильдии. Кроме того, знак снабжен отличиями, наглядно сообщающими окружающим, к какому из пяти гильдейских разрядов его владелец принадлежит.

Жены же членов гильдии носят уменьшенное подобие сего знака на груди, на цепочке. Если женщина не супруга чья-то, а сама есть мастер некоего ремесла (скажем, кондитерша, повариха либо содержательница таверны), то знак она носит на груди, как мужчины.

Есть у разных гильдейских разрядов и правила ношения одежды (запрещающие иным гильдиям иные ткани, признанные чрезмерно для них роскошными), но обширная сия тема требует отдельного письма.

И завершу рассказом о крестьянстве. Оное делится на крестьян сеньоров, крестьян короны и фригольдеров. Первые обитают во владениях дворян, вторые — в землях, числящихся королевскими доменами. Есть у них свои права, нельзя их убивать, пытать членовредительство и отнимать нажитое, но переходить к другим хозяевам они не вправе. Была у них некогда такая привилегия, но давно отнята, и не скажу, чтобы крестьяне

смирились с этим окончательно, иначе не бунтовали бы порой. Фригольдеры же имеют статус вольных, за каковой, легко догадаться, держатся паче жизни.

Фригольдеры повинны носить на шапке оловянный медальон с изображением пшеничного колоса. У крестьян короны таковой снабжен еще короной, а у крестьян сеньоров — гербом хозяина.

Нужно упомянуть, что законы жестоко карают за присвоение человеком отличительных знаков, на которые он не имеет права, пусть даже это совершено шутки ради. А если он пошел на это ради получения выгод, то наказание еще тяжелее. Как ни странно покажется, но наказание, пусть не столь суровое, ждет и того, кто выдает себя за особу, стоящую на общественной лестнице ниже, чем это есть в действительности. Впрочем, в таковых порядках, если призадуматься, есть здравый смысл — человек, добровольно спустившийся ниже, чем его поставила судьба, попросту глуп, если только это не служитель божий, взыскиющий аскетизма, или юный влюбленный, не нашедший других путей, дабы видеться со своей возлюбленной.

В чем-то, похоже, стройная система гильдий некритически следует закостенелым традициям. Так, заводские мастеровые и мастеровые паровых машин — люди изрядно образованные и умелые, и Железная гильдия для них, многие соглашаются, чересчур уж низка. Но представители молодых ремесел, увы, явились, когда лучшие места были уже заняты. В том-то и суть, что против повышения статуса вышепоименованных возражают в первую очередь сами высшие гильдии, ссылаясь на тысячелетний уклад жизни. Не вижу в том ничего удивительного, ибо давно ведомо, что люди сплошь и рядом питают к ближнему своему даже более сильную неприязнь, ревность и зависть, нежели к высшим. Высшее далеко, и завидовать им нелепо, ибо не всегда и представляешь толком, чему именно из жизни высших завидуешь, ибо не осведомлен о таковой в должной мере. Ближний же — рядом, на глазах, и негоже позволять ему превзойти тебя, особенно если знаешь в глубине души, что он такого превосходства заслуживает... Нессовершенен человек, друг мой Чедогон, и не нам изменить природу его...

О КУПЕЧЕСКОМ СОЮЗЕ, ИМЕНУЕМОМ ГАНЗА

Выдержки из шестого письма реверена Гонзака

Расскажу теперь, друг Чедогон, как выглядит на Таларе Ганза, чьих купцов нам доводилось встречать и на Сильване.

В противоположность Балонгу, своему извечному сопернику, Ганза не составляет государства в привычном понимании сего слова. Ганза есть союз ста одиннадцати городов, расположенных как на Харуме, так и на значимых морских островах, причем все без исключения города эти помешаются на берегах, морских и речных. А произошло так оттого, что Ганза возникла в древние времена, когда из-за слабости тронов, непрестанных войн на суше и разгула пиратов на водах торговое плавание что по морям, что по рекам было занятием крайне рискованным, и единственной защитой тут был собственный меч. Так и сложился союз купцов-корабельщиков, к вящей своей выгоде и безопасности неустанно укреплявших флот свой и города. И поскольку цели Ганзы были несложными, ясными и четкими, а укрепление государств — процессом не в пример более долгим, путанным и хаотичным, означенная Ганза, пусть и лишившаяся с бегом столетий прежней вовсе уж невиданной мощи, остается все же сильной. Есть у них торговый флот, есть военный, даже с пароходами, а города их изрядно укреплены и располагают сильными гарнизонами. И не подчиняются они законам того государства, где расположены, — не совершая, со своей стороны, ничего такого, что шло бы вразрез с законами «прилегающей державы» (как любят выражаться ганзейцы, коим похвальба и честолюбие свойственны в той же степени, что и всем прочим). А если какой король, что случается даже теперь, посягнет на лежащий в пределах его державы город Ганзы, то все прочие ганзейские города, объявив тревогу, идут на выручку, и сила их такова, что объявлена ими какой державе война способна державу сию не на шутку озаботить. А общего сговора всех королей и владык против Ганзы ждать не приходится — ибо не случалось еще в истории, да и не случится, мне думается, чтобы все без исключения монархи пришли к полному согласию касаемо столь сложного вопроса. Столь сердечного согласия удается достигнуть лишь в делах более простых, да еще направленных против слабейшего, — как это было с Сандоварским

Уложением*. Так что Ганзой за последние семьсот лет утрачено лишь четыре города (не включаю в это число тех, что оставлены самими ганзейцами под натиском Глаз Сатаны).

Промышляют ганзейцы главным образом торговлей и перевозкой товаров. Занимаются они и банкирским делом, но таковое почти повсеместно в руках Балонга, и успехи Ганзы на сем поприще ничтожны (что ее, говорят, злит). Сословия и гильдии у них те же, что и у большинства держав, хотя число гильдий и составляет у ганзейцев не пятьдесят, а сорок восемь, нет в Ганзе ни гуртовщиков, ни мастеров воздушных шаров и планеров — одиночным городам-государствам, стесненным по территории, сии ремесла ни к чему, равно как и телеграфисты. Кроме того, иные гильдии вроде корабельщиков и моряков с речными матросами стоят выше, чем в других державах, а иные — не в пример ниже. Крестьяне есть при сорока шести городах, и все они фригольдеры. А дворянства своего не имеется. Те из ронинов** (а таких немало), кто поступает на службу Ганзе, не располагают в ее городах теми привилегиями, что имеют дворяне других держав, зато пользуются всеми правами вольного ганзейца, а это им обеспечивает известное благополучие и защиту. Нужно еще добавить, что преступлений в ганзейских городах не в пример меньше из-за малого притока посторонних. В этом отношении города Ганзы, даже крупные, схожи с деревнями, живущими патриархально, размеренно и замкнуто. Что, впрочем, не означает идиллии, ибо природа человеческая несовершена.

Единого правителя у них нет, но раз в год собирается Ганзейская Палата из представителей всех городов для обсуждения накопившихся проблем и решения дел, буде таковые возникнут. Палата эта назначает в каждый союз (ганзейские города на континенте, числом 89, делятся на семнадцать союзов, а остальные, что разбросаны на островах, приравниваются к союзу каждый) Легата Палаты, и означенные Легаты по иным своим обязанностям и должностным функциям выполняют роль правителей.

Относительно ганзейского герба ходит старинная легенда — что-де во времена оны некий богатый судовладелец, готовясь

* Санدورское Уложение узаконило упоминавшееся выше решение о запрете владыкам Вольных Маноров возводить людей в дворянство.

** Ронины — младшие сыновья из дворянских родов, не имеющие права на наследство.

перейти в иной мир, завещал корабль свой тому из сыновей, кто, обойдя в шлюпочном состязании остальных, первым коснется рукой палубы. И один из сыновей якобы, видя, что победа от него ускользает, отсек себе руку и кинул ее на палубу, соблюдая тем самым букву уговора. Иные сказке этой верят, но я подобную слышал частенько и на Таларе, и на Сильване, причем речь шла о иных купцах, не ганзейских. И потому подозреваю, что имеем мы дело с бродячим сюжетом, переходящим от народа к народу.

Вот и все, пожалуй, о Ганзе.

О ЗАГАДОЧНОЙ И ПОРАЗИТЕЛЬНОЙ СТРАНЕ ИЛЛЮЗОР Письмо седьмое реверена Гонзака

Приступая к рассказу о преудивительном крае Иллюзор, опасаюсь, друг мой Чедогон, что ты можешь не поверить, хоть и знаешь прекрасно, что не в моем обычae предаваться шуткам и розыгрышам, когда речь идет о накоплении знаний об окружающем нас мире. И все же места, коим тысячи лет назад кто-то мудрый присвоил удивительно точное название Иллюзор, до того поразительны, что окончательно поверить в их существование можно, лишь повидав собственными глазами. Я и сам, каюсь, считал рассказы преувеличеными, проистекающими из присущей иным странникам манеры сваливать в одну кучу и собственные наблюдения, и пересказы из третьих уст, и упражнения шутников, — мы с тобой и сами, будучи юными студентами, находили порой забавы в том, чтобы угождать наивных чужеземцев байками о чудесах и диковинах, рожденными за кувшином черного пенистого... Иные из этих наших придумок попали и на страницы серьезных книг, за что мне потом было стыдно. Но с Иллюзором все обстоит иначе. Он существует, именно такой — к непреходящей головной боли ученых книжников, перерастающей порой в уныние и тупое изумление многообразию и изощренности загадок, подсунутых нам то ли добрыми духами, то ли злыми, то ли лишенными разума и души силами природы...

Представь, друг мой, что едешь ты верхом по стране, прямотаки брызжащей жизнью. В лесах рыскают дикие звери, олени и кабаны, на лугах пасутся стада, за плугом ходят пахари, по большим дорогам движется нескончаемый поток путников,

обгоняя тебя и спеша навстречу, — тут и пешие, и конные, и повозки купцов, и блестящие дворянские кавалькады, и воинские отряды. Проезжаешь ты городами и деревнями, где кипит жизнь во всем ее многообразии и блеске, и обитатели заняты когда каждодневными своими делами, когда торжествами и праздниками.

Таким предстает перед путником Иллюзор. Но очень скоро ты заметишь, что все окружающее немо — ни единый звук, кроме топота твоего коня и звяканья уздечки, не нарушает все-окхватывающей жуткой тишины. И если пойдешь ты прямо на встречного, пройдешь сквозь, не встретив на пути ничего, кроме пустого воздуха. Ибо все, что ты видишь, и все, кого ты видишь, — суть иллюзия. Не замечают они тебя, не видят, живя своей странной, иллюзорной, несуществующей жизнью. Люди, искушенные в познании, а также причастные к магии и ведовству, уверяли меня, что с призраками и иной нечистью бесплотные обитатели Иллюзора ничего общего не имеют. Скорее уж это запечатленные неведомым путем изображения, никому не делающие дурного и слепые ко всякой попытке установить с ними общение. Истина эта подтверждена за тысячелетия, ибо Иллюзор существовал уже в дописьменные времена, последовавшие за Штормом.

Надобно сказать, что иные строения Иллюзора существуют реально, точнее, остатки таковых — где фундаменты, где стена, где целое почти здание, особо прочно возведенное некогда неведомыми строителями. Но определить это можно лишь на ощупь — ведь всякий дом, амбар или мост взору твоему представляется совершенно целехоньким, будто вчера законченной постройкою. (Правда, там и сям валяются истлевшие доски и груды рухнувшего камня, так что дома предстают одновременно и в виде развалин, и в первозданном своем виде, и зрелище, признаюсь, экстраординарное.) Равно же, если повезет, можешь отыскать и утварь, а то и драгоценности — но немного, потому что лихие кладоискатели за пять тысячелетий постарались изрядно. А подчас отыщется и книга, достаточно сохранившаяся. Но читать тех книг не может никто — написаны они на непонятном языке неизвестными буквами. А храмы их, где бесплотные обитатели Иллюзора поклоняются богам, нам непонятны, и боги такие неизвестны.

Поскольку находимые там предметы выглядят именно так, как и должны смотреться пролежавшие тысячелетия вещи, в иллюзорном своем состоянии предстающие новехонькими, поскольку налицо развалины, легко понять, что Иллюзор есть тень минувшего, отображение существовавшей в неизвестные времена страны, где впоследствии все живое сгинуло неведомо куда (ибо нет там множества скелетов), а неживое понемногу ветшало. Вот только никто не знает, что это была за страна, что за бедствия на нее обрушились и какие причины вызвали нынешнее, столь диковинное и поразительное, состояние дел. Объяснений за тысячелетия накопилось множество, есть и пространные, изложенные весьма ученым языком, да вот беда — во-первых, каждое из них всем прочим противоречит, а во-вторых, ни единое проверить невозможно.

Опасностей Иллюзор не содержит почти никаких. Забредет иногда из других мест настоящий зверь, но редко — звери не любят Иллюзора. Кое-где, рассказывают, обитает нечисть, по всем признакам, укрывшаяся в Иллюзоре, дабы избежать преследований, коим нечистую силу успешно подвергают в иных уголках Талара. Бывает и разбойный народ, пересиживая погоню и укрывая клады, ибо лучшего укрытия и не придумаешь. Заходят сюда и книжники, ищащие истины, и просто любопытные, кому средства позволяют снарядить экспедицию.

А постоянно никто из живых тут не селится, разве что беглые крестьяне, коим податься уж вовсе некуда. Первоначально я, не освоившись, удивился было, отчего окрестные владетели не воспользовались столь легкой и удобной возможностью расширить свои рубежи, однако ж, проведя в Иллюзоре две недели, принужден был признать правоту моих проводников, толковавших допрежь, что жить здесь «тягостно». Поистине так. С каждым днем, проведенным среди немых теней Иллюзора, нарастает в душе тягостное ощущение то ли тоски, то ли тревоги. Возможно, ты его сам себе внушаешь, возможно, так дразнит твои чувства диковинность окружающего, да только от того не легче. К вечеру пятнадцатого дня не выдержал я и велел поворачивать коней к границам Вольных Маноров, хоть многое, достойное внимания, следовало бы еще осмотреть, и немало

любопытного осталось неизученным. Злясь на себя, досадуя, но не в силах превозмочь незримое тягостное давление, ехал я прочь во главе своего повеселевшего отряда...

Словом, Иллюзор необитаем. Лишь в полуночных его областях, где простираются прилегающие к морю обширные степи, что ни год появляются снольдерские и ронерские гуртовщики, пригоняя на летние выпасы рогатую скотину, ибо пастбища там богатейшие, хоть реальные травы и мешаются там с иллюзорными. Лошади, животные умные, тонко чувствующие и наделенные повышенной восприимчивостью ко всему необычайному, а также имеющему отношение к посторонним силам, тех пастбищ не любят, постигнув в меру разумения диковинность Иллюзора. Бык же, тварь тупая, виденным не тяготится, и странность иллюзорских пастбищ его не заботит — знай жрет, нагуливая тушу и покрывая степи диковинного края навозом.

На сей низменной ноте я, пожалуй, и закончу, ибо нечего более добавить к описанию странностей Иллюзора.

О КРАЕ, ИМЕНУЕМОМ СВЯТОЙ ЗЕМЛЕЙ

Выдержки из восьмого письма реверена Гонзака

Святая Земля, повествуют, была некогда обычным королевством, где уклад жизни ничем не отличался от налаженного в других державах. Но четыреста с лишним лет назад, когда страна, сотрясаемая многими невзгодами, от засухи до баронских бунтов, находилась в крайне расстроенном состоянии, некий священник по имени отец Патаран, служитель столичного храма Единого Творца, человек незаурядный, наделенный и красноречием, и умением доходчиво излагать толпе свои мысли, встал во главе движения, нареченного «Братством Совершенных», к кое-му примыкали не одни лишь простолюдины, но и немалое число гильдейских, членов Сословий, дворян, в том числе и титулованных. Братство это, проповедовавшее борьбу против всяческой неправедности и греховности путем отказа от мирской роскоши и разномыслия, в короткое время снискало себе изрядное множество сторонников — ибо во времена потрясений и бед, как мы не единожды имели случай убедиться, нетрудно возбудить в обществе ярость и жажду действия, в особенности если

четко обозначить виновных и обещать, что с незамедлительным устранением таковых жизнь наладится быстро...

Из всего этого возникла великая смута, принявшая характер большой войны сторонников короля против приверженцев Братства, причем в обоих лагерях хватало и титулованных дворян, и самого подлого люда, ибо раскол прошел не меж Сословиями, а внутри самих Сословий, не миновав ни одного. Продлившись с переменным успехом около полутора лет, война эта привела к гибели королевской фамилии, большим людским жертвам. Немалое число городов было разгромлено и сожжено. Победа Братства вынесла на опустевший трон отца Патарана, и новоявленный правитель немедля приступил к преобразованиям, проходившим быстро и энергично благодаря поддержке закаленной в боях армии. Вот и получилось, что на волне успеха отец Патаран произвел изменения столь всеохватные и решительные, что в иные, мирные времена для таковых потребовалось бы не одно десятилетие (а посему и жертв, как расставшихся с жизнью, так и принужденных бежать в изгнание, нашлось преизрядно).

Ныне Святая Земля управляет Великим Магистром, происходящим от потомков отца Патарана (он, вопреки канонам, безбрачия не соблюдал). И жизнь сего государства всецело посвящена, как заявляется, служению Единому Творцу и подготовке воинских сил, способных выйти против сатанинских полчищ. Это напоминает мне орден монахов-воинов из Гурганского царства, на родной нашей Сильване находящегося, но по обширности территории и многолюдству народонаселения Святая Земля многократно превосходит владения ордена. Прежнее деление на дворянство, Сословия и гильдии давно уничтожено. Есть там Божьи Дворяне — они начальствуют над полками, а землями с крестьянами не владеют, являясь лишь управителями. Есть Божьи Книжники, занятые богословием, есть Божьи Инженеры, Божьи Купцы, Божьи Ремесленники и Божьи Мореходы, суть занятий коих ясна из одних названий сих людских общностей. Есть также Братья Монахи, коих немало, и часть их сорганизована в воинские полки, должностным образом вооруженные и вышколенные. Ну а Крестьяне Божьи, как легко уразуметь, пашут и сеют. Изящные искусства там, слышно, не в чести, как и почитаемая преступлением роскошь, а храмы

всех иных богов, кроме Единого, давно порушены. И нет там ни наград, ни гильдейского деления, ни сословного, ни титулов, ни сеньоров. Иными словами, по рассказам бывавших в Святой Земле путешественников, жизнь там по сравнению с иными краями не в пример аскетичнее и бесцветнее. Разное говорят о заведенных в Святой Земле порядках, кто одобряет их, кто не принимает. Я же остаюсь верным старой привычке писать только о том, что видел собственными глазами или по крайней мере изучил вдумчиво по множеству книг, представляющих противоположные точки зрения. Памятую к тому же, что правом выносить окончательные суждения наделена лишь сама История. Пока же у меня недостаточно знаний о Святой Земле, в чем не стыжусь признаться, и от суждений воздержусь до путешествия туда, каковое твердо намерен предпринять в ближайшие годы.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Выдержки из одиннадцатого письма реверена Гонзака

Армии на Таларе не собираются от случая к случаю ради той или иной кампании, а постоянны. Содержатся они на долю доходов от королевских имений, а также на долю от налогов, взимаемых со всех, и с дворян в том числе. Армии Виглафского Ковенанта устроены все на единый образец и состоят из гвардии, «безымянных полков» и легионов. Гвардия, пешая и конная, набирается частью из ронинов, частью из горожан. Есть полки, состоящие целиком из дворян, хоть число таких полков и невелико. Гвардейские полки именуются по цвету мундиров и по роду войск — например, ронерские Синие Мушкетеры или горротские Черные Драгуны. Знамена у них четырехугольной формы, и древки их увенчаны позолоченным орлом, именуемым «акиля». Понятно, что офицеры гвардейских полков происходят из знатнейших дворян, большей частью титулованных, а солдаты получают повышенное жалованье как деньгами, так и в иной форме.

Следом идут «безымянные полки», конные и пешие, артиллерийские, ракетные и саперные. Набираются они из горожан и фригольдеров, хотя попадаются там и ронины. Полки эти именуются номерами и по роду войск — например, «пятый ки-

расирский» или «десятый пикнерский». Вместо знамен у них вексиллумы. Вексиллум есть древко с поперечной перекладиной, прикрепленной пониже вершины, — а уж на этой перекладине и подвешивается полотнище, четырехугольное чаще всего, иногда с бахромой, иногда с кистями. Древко вексиллума увенчано посеребренным акиллом. Служба в сих полках далеко не так почетна, как в гвардейских.

И, наконец, легионы. Эти набираются, что конные, что пешие, из крестьян короны либо сеньоров, именуются также номерами и по роду войск, и офицеры тамошние почитаются ниже всех других. Вместо знамен у них «копье» — древко, увенчанное посеребренным изображением государственного герба и небольшой перекладиной, короче, чем на вексиллумах, с коей свисают ленты определенного цвета.

На службе у каждого короля есть отряды Вольных Топоров, однако таковые используются главным образом на морских островах либо в мелких стычках на границе, когда война по всем правилам не объявляется, а бои тем не менее идут. Впрочем, порой им и в больших войнах доводится участвовать. В офицеры к ним армейские чины идут неохотно, ибо Вольные Топоры, иными спесивцами почитаемые даже ниже легионов, сами о себе весьма высокого мнения. Народ это своенравный, и не всякий офицер с ними уживается.

Есть еще королевская гвардия, почитаемая личной дружиной монарха, и подбору ее самим королем уделяется особое внимание, причем обычные правила в счет как бы и не идут, потому что полки эти — все равно что меч короля, охраняющий его персону и фамилию. По древней традиции (нам на Сильване прекрасно знакомой исстари) королевскую гвардию предпочитают набирать из иноземцев, гланцев в первую очередь, кои славятся высокой боевой выучкой и особенной верностью присяге. Земля в Глане скудна, многие ищут пропитания за его пределами, выбирая в первую очередь военную стезю, как наиболее приличествующую гланскому горцу. Случается еще, что в королевскую гвардию берут крестьян без различия их принадлежности, отдавая предпочтение как раз уроженцам самых глухих и отдаленных провинций — они по неразвитости своей чтят короля как сверхъестественное поистине существо, а в городах не имеют ни корней, ни знакомых,

ни родни. Королевская гвардия превосходно обучена бою на улицах, защите зданий и штурму таковых — всему, для чего она в первую очередь и предназначена. Помимо того, учат еще рукопашному бою, владению неуставным оружием, обращению с караульными собаками, стрельбе из арбалетов и мушкетов со зрительными трубками, именуемыми оптическими прицелами, а также, несомненно, и другим хитрым воинским искусствам, о которых широкой публике не разглашается. Служба офицером в королевской гвардии, пусть даже в таком полку, что составлен из темных провинциалов (коих долго учат различать правые и левые конечности, привязывая к оным при муштровке то сено и солому, то, ради пущего поощрения, колбасу и рыбу, кои солдат получает для съедения, как только перестанет путаться), — одна из почетнейших, и многие ее добиваются. Однако отбор туда строжайший — ведь немало в истории случаев, когда король становился жертвой гвардейцев, направляемых узурпаторами. Одним словом, друг мой Чедогон, все, что касается таларской королевской гвардии, мы исстари наблюдаем на Сильване, только что под другими названиями: есть области, где мышление венценосных особ движется совершенно схожими путями, какую державу или планету ни возьми...

Вернемся к армии. Что полком, что легионом командует офицер в чине полковника. И полк, и легион, как правило, состоят из пяти рот (только в кавалерии рота именуется «ала»), и в каждой из этих рот от двухсот до трехсот человек, разделенных на десять платунгов. Ротой командует капитан, и в подчинении у него находятся три-пять лейтенантов и десяток сержантов, командующих по необходимости кто одним платунгом, кто несколькими, в зависимости от обстановки и боевой задачи. При каждом полку имеются: артиллерийская батарея, ракетная батарея (в пехотных еще и особая рота, устанавливающая при нужде рогатки для защиты от неприятельской кавалерии), обоз, походные мастерские, штаб под командой офицера, лекарский отряд, один-два платунга (конные, независимо от рода войск), служащие исключительно для охраны штаба, ибо там много тайных бумаг, ценных для противника. А еще — полицейская команда и особое подразделение, именуемое «волчья сотня», — там собраны головорезы сметливые и дерзкие, способные и разведку провести, и заложить пороховую мину, и посеять панику в тылу противника,

перехватывая его курьеров, громя обозы. Вопреки общепринятым правилам войны, «волчья сотня» частенько переодевается в мундиры противника, отчего ставит себя вне законов войны, и при поимке их вешают, как шпионов. Впрочем, в сии сотни набирается столь отчаянный народ, иногда прямо с каторги, что подобная бесчестная участь их не особенно и пугает.

Словом, все вышеупомянутые мною вспомогательные отряды каждого полка, пожалуй, не уступают в численности его пяти строевым ротам, также и «калам».

Артиллерийские полки и ракетные делятся на батареи и роты под командою лейтенантов и капитанов. Солдаты их грамотнее и развитее прочих, поскольку имеют дело со сложными устройствами, — то же и с саперами, обязанными уметь обращаться со сложными осадными машинами, закладывать мины и контрмины и выполнять иные нелегкие задания. В помянутых полках также есть и свои штабы, и лекарские группы, и «волчьи сотни», и мастерские, и отряды воинского прикрытия.

У лейтенантов, капитанов и полковников с генералами чин обозначает золотое шитье на мундирах, а также обилие оного. Так уж сложилось, что знаками различия для лейтенантов стали повсеместно шитые лавровые ветви, для капитанов — тисовые, для полковников — виноградные листья, а для генералов — дубовые (по сему поводу один лейтенант, подвыпив, загадал мне загадку: «Что такое — дуб, и листья на нем золотые?» Оказалось, недалекий умом генерал). К чему в разных державах добавляются свои эмблемы разнообразного типа*.

Есть еще полки воздушные, оснащенные воздушными шарами и планерами. Первые, поднятые на привязи, служат для наблюдения за неприятелем, а со вторых, бывает, метают и гранаты в осажденную крепость или на позиции, и, хоть урон от таких атак обычно ничтожен, ущерб для боевого духа подвергнутых такому нападению велик. По этой причине повсеместная ненависть сопровождала воздушные войска при их появлении, как это, рассказывают, было в старину с огнестрельным оружием при его начавшемся в войсках распространении. Ненависть эта достигала такого накала, что еще на памяти нынешнего поколения военных пленного летуна, будь он и дворянин, вешали

* С тех пор как были написаны эти строки, в этой области военного дела произошли определенные изменения.

совершенно как шпиона, если не подвергали худшей участи. Специально созданная по сему поводу ассамблея Виглафского Ковенанта после долгих прений постановила такую практику недопустимой, и каждый монарх клялся королевской честью соблюдать законы войны по отношению к летунам, а нарушителей сего карать смертью. А король Снольдера, единственный, кто располагает летательными машинами под названием «самолет», понуждаемыми к летанию особыми механизмами (но ничуть не похожими на наши воздушные колесницы), набирает летунов из одних дворян и присваивает каждому офицерский чин, дабы полностью его обезопасить, — ведь убийство пленного офицера считается поступком недопустимейшим, и дворянство всех держав строго следит за соблюдением сего правила.

Флот таларский состоит из парусных кораблей, пароходов, а также судов, способных ходить и под парусом, и посредством колес. Вооружены они пушками, ракетными станками, метательными устройствами и огнеметами*. Малыми кораблями командуют лейтенанты, большими — капитаны, имеющие в подчинении несколько лейтенантов (причем лейтенант, командующий отдельным кораблем, именуется «флаг-лейтенант» и по рангу считается выше обычного лейтенанта, что подчеркивается дополнением к знакам различия). Эскадры же управляются адмиралами. В отличие от суши, где генеральский чин не делится на разряды, адмиральский практически повсеместно на разряды делится, в какой стране на два разряда, в какой — на три. Знаками различия для лейтенантов служит шитье в виде якорной цепи, для капитанов — таковой же цепи с якорями, а в отношении адмиралов существует большое разнообразие. Так, в Снольдере есть адмиралы Трех, Двух и Одного Фонаря, в Ронеро — адмиралы Красной, Синей и Белой эскадр, а в Лоране — адмиралы Небесные и Звездные (чины эти, как говорят, произошли от наименования парусов — один их ряд, средний, в морской практике именуется Небесным, а верхний — Звездным).

Служат в войсках и девушки, главным образом из дворянских семей, иногда и в офицерских званиях, их не столь уж много, но и не настолько мало, чтобы они считались диковинкой. Снисхождения к ним по сравнению с мужчинами не дела-

* Пулеметы в те времена на вооружении еще не появились.

ется никакого, а вот лишние опасности существуют: если попавшая в плен девушка не имеет офицерского звания, то при недосмотре начальников (а то и их попустительстве) может в неразберихе сражения подвергнуться самому разнудданному насилию. Причем порой надругательство оное имеет причиной вовсе даже не распутство, а выражает убеждение иных, что воевать женскому полу негоже. В военный же флот лица женского пола служить категорически не допускаются, чему причиной древняя традиция. Даже в качестве пассажира иные капитаны женщину, будь она в офицерском звании, берут неохотно. Ради курьеза упомяну, что лет десять назад один ронерский крейсер самым натуральным образом взбунтовался, когда его палубу вознамерилась посетить королева, и даже король, заслуженно прозванный Ужасным, вынужден был простить бунтовщиков, ибо очень уж древний и незыблемый обычай был затронут (но запрет таковой сохраняется лишь в регулярном военном флоте, ибо в торговом, сообщали мне, женщины плавают в небольшом количестве, а у пиратов — и в большом).

Есть на Таларе военные школы, где год, а то и два-три готовят морских офицеров, артиллерийских и саперных. Конница же и пехота обучения в особом заведении не требуют. Молодые люди из дворян, зачисленные в конный либо пеший полк кадетами, там непосредственно постигают военную науку. Когда (речь идет о мирном времени) вышестоящие командиры признают, что кадет достоин звания, ему присваивают чин «кадет-лейтенант», в коем он и пребывает до освобождения вакансии. Бывают и кадет-капитаны (а среди молодых офицеров кружит байка о некоем невезучем кадет-генерале, до кончины своей пробывшем в этаком чине в ожидании вакансии, но это не более чем ходячий анекдот). На войне, понятное дело, производство в чин случается быстрее. Нужно заметить, что во многих полках, гвардейских особенно, в полковники простым продвижением на освободившиеся вакансии не выбьешься — я о полках, где полковников назначает сам король, а не военное министерство.

В солдатах и матросах служат не менее десяти лет, а верхнего предела не назначено — лишь бы был крепок и неувечен, а там служи хоть до седых волос. Отслужившие десять лет могут при соблюдении определенных условий выйти в отставку, од-

нако еще семь лет находятся во «второй очереди», и в случае большой войны их могут вновь определить на службу, потому что так проще и выгоднее, чем брать необученного. Если вышедший в отставку после десяти лет беспорочной службы был до того крестьянином сеньора или короны, он получает статус фригольдера либо право приписаться к одной из трех низших гильдий, а если имеет не менее трех медалей — и к Серебряной. Если же отставник горожанин, может подняться гильдией выше, а при наличии медалей — и шагнуть через разряд. Порядки такие побуждают многих и многих искать военной службы — благо, в полном соответствии с таларской пословицей «У акиллы из-под крыла не выскочишь», достаточно беглому тюремному сидельцу или сбежавшему от хозяина крестьянину попасть в списки полка и принести присягу, как ни полиция, ни сеньор уже не вправе его из казарм извлечь.

В военном флоте есть свои особые полки морской пехоты, действующие в морском сражении абордажными командами, либо штурмующие прибрежные города, когда произойдет такая надобность. Иные из этих полков целиком набираются из каторжников, изловленных пиратов и тому подобного сброва, обязанного в обмен на свободу прослужить ровным счетом пятнадцать лет. Свободой такой удел можно назвать с превеликой натяжкой, ибо надзор за ними строгий и за попытку дезертирства вешают немедля, да и за многие другие проступки наказанием петля гораздо чаще служит, чем розга. И все же приток охотников в такие полки велик — лучше служить в морской пехоте, чем надрываться в каменоломнях или висеть на рее, к тому же бывает и военная добыча, а отслуживший пятнадцать лет получает полное прощение прошлых грехов. Вот только доживает до окончания срока не более одной десятой, поскольку их бросают в самые горячие места — да так уж человек устроен, что всегда надеется, будто убьют непременно другого...

Ганза тоже содержит на часть своих доходов и постоянную армию, и военный флот, и отряды Вольных Топоров. В Глане же постоянной армии почти что и нет — лишь два-три королевских полка, обычно размещенных на границах. Зато при угрозе извне тамошний воинственный народ, съязмальства обученный владеть оружием независимо от пола, быстро собирается под

знамена своих кланов, и армия эта весьма грозна, ибо защищает свою родную землю.

Постоянную армию не заменишь быстро неопытными рекрутами, стоит она дорого, и часто рисковать ею в крупных сражениях неразумно. Потому, как и у нас на Сильване, особо крупные войны, истощающие государство и требующие предельного напряжения всех сил, на Таларе бывают, но весьма редки. Те же, что вспыхивают и ведутся часто, сводятся к двум-трем битвам, где обе стороны выставляют лишь по несколько полков. Так же обстоит и с морскими сражениями, где сходятся не более десятка-другого вымпелов с каждой стороны. Иные войны ограничиваются осадой крепостей, иные — рейдами одного-двух полков на вражескую территорию.

Мирное же население, считается, не должно участвовать в войне, как бы к ней ни относилось. Единственным исключением предстает лишь воинственный Глан, чьи рубежи сильнее мечей охраняет ясное осознание того, что любому вторгшемуся придется ждать удара от каждой руки, из-за каждого куста. С другой стороны, по законам современной войны и у армии противника нет привычки зверствовать против мирного населения, хотя оно несет неизбежный ущерб в виде увода скота, грабежей и насилий над женским полом, а порой и взятые города бывают отдаваемы войску на разграбление. Такова уж война, сама по себе являющаяся бедствием...

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О МОРСКИХ ОСТРОВАХ

Выдержки из четырнадцатого письма реверена Гонзака

О всевозможных чудесах, диковинах, встречах и впечатлениях, с коими я столкнулся во время трех своих морских путешествий, напишу еще отдельную книгу, каковая, похвастаюсь, на две трети уже готова*. А пока что, друг мой Чедогон, ограничусь тем, что перечислю самые заметные морские острова и опишу их кратко.

Надобно прежде всего заметить с превеликой завистью, что мореплаванию на Таларе благоприятствует одно существеннейшее обстоятельство — моря там, в отличие от наших, пресно-

* Ни этой книги, ни каких-либо относившихся бы к ней заметок в бумагах Гонзака не обнаружено.

водные, и корабельщикам не грозит смерть от жажды. (Ходят даже разговоры среди ученых, что великая река Ител — есть поток, вытекающий из моря, подземным течением проделывающий часть пути и выходящий в Хелльстаде на поверхность. К этому предположению стоит прислушаться, учитывая странное строение реки Ител, словно бы из ниоткуда берущей немалое количество полноводных рукавов, на каковые она разделяется, — а ведь со всеми прочими реками обстоит как раз наоборот: притоки питают реки, а не реки в обилии порождают рука-ва. Однако проверить это предположение трудно: экспедиции к устью Итела опасны. Пробовали иные сбрасывать с кораблей в Фалейском заливе изрядное количество плотно закупоренных пустых бутылок, надеясь, что некоторые из них, пройдя гипотетическим подводным течением, всплывут в низовьях реки, но не слышно, чтобы принесло это успех, что, впрочем, как не доказывает существование подземного потока, так и не отвергает.)

Так вот, планета Талар делится на Полушарие Восхода и Полушарие Заката. В первом и лежит Харум. К полудню от него расположены острова Бару, числом одиннадцать. Четыре из них, более обширные, принадлежат Снольдеру, а про-чие семь — Горроту. Острова эти никакой пользы почти не приносят, не разведано там ни ценных руд, ни благородных металлов, а земля большей частью скучна для землепашства или скотоводства, так что владеющий ими извлекает выгоду главным образом моральную. Ибо государства подобны малым детям, каждый клочок земли для них — что любимая безделушка, каковую не отдадут другому, даже если надоела...

К закату от Харума лежит Катайр Крофинд, остров большой, размерами не уступающий Харлану. Там текут две реки, есть обширные пастища, оловянные и медные рудники, месторожде-ния мрамора и каменоломни, на коих трудятся каторжники. Есть там города и деревни. Катайр Крофинд принадлежит Снольдеру.

К полуночному закату от Катайр Крофина находится Ин-бер Колбта. Островов в данном архипелаге около девятисот, но редкий из них превышает размерами двух-трех югеров*, и расположены они крайне густо, очень близко друг к другу собраны, так что разделяющие их воды весьма узки, где ши-

* Югер — квадратная лига.

риною в полет стрелы, а где можно без труда перебросить камень с островка на островок. Протоки Инбер Колбта являются собой сущий лабиринт, где незнакомый с архипелагом кормщик может блуждать неделями, не находя выхода в океан, да и опытные лоцманы не рисуют углубляться в самое сердце Инбер Колбта, благо что и делать там занятому человеку нечего. Только на внешних островах останавливаются проплывающие корабли, ибо у Инбер Колбта проходит один из оживленных морских путей, и вездесущие ганзейцы еще в древние времена устроили там три порта, а в позднейшие годы разные государства заложили угольные склады для своих пароходов. В глубине же Инбер Колбта любят укрываться превосходно знающие те места пираты, и погоня за ними затруднительна, хотя случается. Всякое болтают о центральных областях Инбер Колбта, но я к этому еще вернусь в своей книге о тайнах океана. Инбер Колбта никому не принадлежит, и большинство его островов необитаемы. На таларском древнем языке, ныне вышедшем из употребления, «инбер колбта» означает «устье реки», и ученые люди уверяют, будто с птичьего полета архипелаг и впрямь напоминает, если мысленно дорисовать недостающее, устье гигантской реки, дельту с многочисленными островками. Возможно, есть правда в легендах, утверждающих, будто до Шторма места те были сушей с протекающей по ней рекой — от чего только и осталось, что Инбер Колбта.

Примерно на равном расстоянии меж Инбер Колбта и Лораном, только лигах в ста к полуночи, лежит остров Стагар, и он невелик. Жители его пользуются мрачной славой первых на Таларе морских колдунов, весьма сведущих во всем, что касается погоды, течений, бурь, дождей и ветров, а также морской нечисти. И слава эта вполне заслуженна — оттого-то, по некоему молчаливому уговору, харумские державы претензий на Стагар не предъявляют, стараясь с ним не связываться, благо и взять с него нечего. Формально остров принадлежит лоранской короне, от каковой на Стагаре существует губернатор с небольшим количеством чиновников и солдат, но вмешательства в местную жизнь он не оказывает, и последняя идет своим чередом. Коренных обитателей там насчитывается около трех тысяч, малая часть живет плугом, а большая — рыбной ловлей. Лоранцы туда не переселяются,

ибо Стагар скуден и каменист. Есть там при городке, также именуемом Стагаром, большой порт. В городке и пребывают губернатор с гарнизоном, а также некоторое число ссыльных, среди коих есть и знатные.

Примерно в полутора тысячах лиг к полуночному закату от Стагара лежит Темайр. Остров сей служит ларам портом, откуда летают на Сильвану и обратно те межпланетные исполинские ладьи, на одной из которых я сюда и прибыл. На Темайре есть большой порт, куда приплывают корабли, перевозя убывающих на Сильвану и прибывающих оттуда, вкупе с их товарами. Всем на Темайре распоряжаются лары.

Вот и все о Полушарии Восхода. Перейдем теперь к Полушарию Заката, изучая его сверху вниз.

На полуночи лежит Диори, огромный и загадочный остров, весь закованный льдами, что необъяснимо при таларском климате, везде одинаково ровном, не знающем зимы, снега и льда. А посему все сходятся, что льды Диори имеют объяснение неестественное. В глубь сей жуткой земли никто не рискует углубляться, да и на берегах Диори появляется еще меньше дерзких смельчаков, чем на рубежах Хелльстада. Если хоть десятая часть страшных рассказов о подживающих на Диори опасностях верна (а так оно, безусловно, и обстоит), то рекомо сокрытые там клады имеют надежнейших сторожей...

Ниже, на одной примерно широте, расположены Ферейские острова, Хай Грон и Бран Луг.

Ферейские острова, числом пять, принадлежали когда-то королевству Демур, ныне стертому с лица земли Глазами Сатаны. После гибели метрополии жители острова, оказавшись без подданства и защиты, переселились на Бран Луг. Так же поступил и гарнизон имевшегося на одном из островов военного порта, перейдя на ронерскую службу. Ныне на одном из них ронерцы заняли опустевший порт, приспособив его для своих нужд, ибо мимо того острова проходит морское течение, облегчающее путь их кораблям к Бран Лугу. А остальные четыре необитаемы, там пасутся стада одичавших коров, на которых охотятся и гарнизон, и пираты, и проплывающие честные мореходы, имеющие потребность в свежем мясе.

Далее лежит Хай Грон. Остров этот мал, площадью около двадцати югеров, и почти весь представляет собой бесплод-

ные скалы, если не считать узкой прибрежной полоски на закатной окраине, где расположился город с портом, наполовину принадлежащим Ганзе. Однако знаменит этот остров на весь Талар. В самой высокой точке Хай Гроне стоит храм морского бога Руагату, и легенда гласит, что под этим именно храмом зарыто знаменитое копье Морских Королей, коим только и можно убить Великого Кракена. Поверье это идет из седой древности и чересчур устойчиво для простой сказки. Но поскольку его сопровождает столь же древнее поверье, глашавшее, что разрушение храма Руагату или любой значительный ему ущерб вызовет страшное наводнение, всемирный потоп, не уступающий Шторму, державы Виглафского Ковенанта, все без исключения, держат на острове свои воинские команды, бдительно охраняющие храм днем и ночью. Признаюсь, впервые я столкнулся со случаем, когда все государства столь единодушны в серьезнейшем своем отношении к старинной легенде. Так что поневоле начинаю думать, что для такого поведения у них есть свои причины, и пророчество оное в старые времена действительно прозвучало из уст кого-то, чьи слова сбывались... Но не возьму в толк, где можно было зарыть копье. Храм я посетил немедля, туда пускают в сопровождении чиновников в дневное время, за умеренную плату. И уверяю тебя со всей ответственностью: храм сей стоит на сплошной скале, где невозможно зарыть что бы то ни было. Позже, уже на Харуме, в кругу ученых, я со всем пылом новичка предположил, что речь идет об устроенном в подземелье храма тайнике, но мои догадки тут же опровергли, рассказав, что за минувшие тысячи лет там, не выдавая своего подлинного лица, побывали многие колдуны и маги, а также горные инженеры и лозоходцы, поднаторевшие в поиске тайников и подземных полостей; и все они пришли к заключению, что подземелье храма (невеликое, кстати) тайников не содержит. Остается разве что предположить, что легендарное копье это, если и впрямь существует, магическим образом заключено в толще камня, откуда извлечь его может лишь посвященный. Случай таковые нам известны на обеих планетах. И таларские ученые со мной всецело согласились, ибо сами так думали: если копье существует, то разве что заключенным во внутренность камня, подобно мечу фоморов или копью Гримтаса.

Далее расположен Бран Луг, размерами не уступающий Катайр Крофинду, а то и превосходящий. Владение это ронерское. Только там, в силу некоторых природных особенностей, и расстет на Таларе хлопок (коим занято две трети острова). Также и сахарный тростник, хоть и растущий в иных уголках планеты, на Бран Луге наиболее хорош и обилен. Им засажена оставшаяся треть острова, из него добывают как сахар, так и излюбленный моряками ром — каковой, очищенный должным образом, весьма хорош. Труд по возделыванию обеих этих культур крайне тяжел, и своей волей туда редко кого заманишь, разве что от крайней нужды. И потому ронерцы посылают туда каторжников, а также нанятых у нас на Сильване рабочих.

К восходу от Бран Луга лежит Сегур. Остров этот невелик, размером в пятьсот югеров, но история его удивительна. Сегур — последний сохранившийся над уровнем моря клочок некогда обширного и богатого королевства, размерами не уступавшего некогда доброй четверти Харума и включавшего в себя также Бран Луг (но Бран Луг был глухой окраиной, а Сегур — землями, расположенными вокруг столицы). Девятьсот с лишним лет назад земля эта стала вдруг погружаться в океан и на протяжении примерно семидесяти лет погрузилась почти вся, после чего море уже ни Сегур, ни Бран Луг не тревожило. Людей за те семьдесят лет погибло немало, но, поскольку погружение сие было не единовременной катастрофой, а постепенным опусканием суши, жертв все же насчитывается неизмеримо меньше, чем было бы при внезапном могучем катаклизме, и очень многие, прихватив то, что смогли погрузить на корабли, рассеялись по иным землям. А поскольку столица былого королевства, современный город Сегур, пребывает и ныне на суше, то за уцелевшей королевской фамилией сохранены все права, а за островом Сегур — права королевства, в качестве какового Сегур и состоит в Виглафском Ковенанте. Сам я, обремененный житейским опытом и толикой проистекающего отсюда цинизма, полагал, что причиной такого великолдуния послужил отказ сегурского короля от образовавшегося острова Бран Луг в пользу великих держав (добавлю, что державы долго вели войны за единоличное обладание сим островом, пока там окончательно и безраздельно не утвердился Ронеро). Есть историки на Таларе, втихомолку со мной согласные, но в архивах письменных

следов такой сделки нет, разве что в королевских, нам недоступных. Ныне на Сегуре, кроме одноименной столицы (понятно, весьма обезлюдевшей), сохранился еще невыразимо прекрасный город Сегула, о котором толкуют, что за красоту его пощадили даже морские демоны — или сам Руагату, кое-го суеверная молва почитает виновником гибели королевства. Население Сегура сейчас не превышает десяти тысяч. Там обитает королевская фамилия с изрядным количеством дворян, и жизненный уклад разительно отличается от бытующего в иных странах. Из-за того, что крестьян и ремесленников осталось крайне мало, ибо именно они в первую очередь бежали из гибущей страны, а дворян, так и не покинувших в свое время Сегур, насчитывается преогромное количество, то большинству из них ради пропитания пришлось освоить занятия, почитавшиеся до того презренными. И нынешний Сегур являет собой зрелище редкостное. На каждом шагу там можно встретить бакалейщика или гончара, а то и пахаря, щеголяющего при прадедовских золотых шпорах и золотой цепи, дабы подчеркнуть свое происхождение. Дворяне составляют девять десятых всего населения, но подлинно дворянский образ жизни ведут не более двух сотен из них, а прочие заняты делами, относящимися в других краях к обязанностям Золотых, Серебряных, Бронзовых и частью Медных гильдий. Жизнь на Сегуре была бы и вовсе скучна, не сдавай короли три порта в аренду ганзейцам.

Почти в центре Полушария Заката расположены острова Девайкир, числом девять. Иные из них богаты золотом и серебром. По одному острову принадлежит Снольдеру, Ронеро и Горроту, устроившим в своих владениях рудники. Два заняты Ганзой, но не слышно, чтобы там добывали драгоценные металлы (разве что, по купеческой привычке, это держится в тайне). По одному острову досталось Лорану и Харлану, безрезультатно пока что ведущим поиски. Два острова бесхозны, и все, кому вздумается, и государственные рудознатцы, и одинокие ловцы удачи, ищут там следы ценных руд. Если найдут, следует ждать войны за обладание данными островами. Поскольку оттуда на континент часто отплывают корабли, груженные золотом и серебром, вокруг островов Девайкир прямо-таки роятся пираты (правда, остается неподсчитанным, сколько из них старается ради собственной выгоды, а сколько — замаскированные мор-

ские офицеры соперничающих держав или попросту нанятые означенными державами каперы).

На полуночном восходе лежит Море Мрака — таинственная обширная область, укутанная нетающим густым туманом, куда даже пароходы с запасом угля заходить не рискуют. С превеликим трудом, выложив столько золота, что хватило бы на покупку неплохого трехмачтового корабля, мне удалось уговорить капитана (далеко не самого трусливого из известных мне таларских мореходов) углубиться в Море Мрака на лигу — и многое я понял, так что отныне не стану упрекать в трусости тех, кто опасается входить в Море Мрака. Но сам туда непременно вернусь для обстоятельной экспедиции, как только подыщу надежную команду и добрый корабль*.

На полудне лежит остров Дике, немногим мене Бран Луга, принадлежит он Горроту, обитаем и многолюден, но не пашни и пастища составляют главную его ценность. В горах, в срединной его части, добывают знаменитый пещерный жемчуг, синее чудо, приносящее королям Горрота немалый доход. Расстет там еще красное дерево, а в горных копях добывают красную яшму и полосатую**, а также особый род аметиста, именуемого «бархатным», — фиолетовый цвет его при вечернем освещении изменяется в густо-красный. Есть там и рубиновые копи, и месторождения полудрагоценных минера лов — из них более всего известны венис*** и бакан****. Словом, недра острова Дике столь богаты, что горротских королей подозревают в говоре с гномами, но слухи эти, верней всего, рождены одной лишь завистью, ибо кто слышал, чтобы гномы обитали на острове, пусть и большом? Даже если Дике, как слышно, есть осколок затонувшей в незапамятные времена земли, гномы давно покинули бы его, ибо островов не любят.

В океане насчитывается несколько десятков прихотливо разбросанных одиноких островов, но они малы, большей частью необитаемы, и для нашего повествования интереса не

* Намерение это осталось неосуществленным, хотя кое-какие шаги Гонзак успел предпринять.

** За «полосатую яшму» малосведущий в горном деле Гонзак принял одну из разновидностей орлеца.

*** Речь идет о гранате-альмандине.

****Бакан — родонит, или орлец.

представляют ни малейшего — разве что из-за связанных с иными легенд и примечательных случаев, поверий и курьезов, которые я постараюсь изложить в своей книге о море.

О ГОРОДАХ

Выдержки из пятнадцатого письма реверена Гонзака

Города таларские делятся на дворянские, коронные и гербовые. Первые целиком принадлежат дворянам, на землях коих расположены, вторые — королю, а третьи — вольные, в ознаменование чего и наделены гербом, коим жители такого города крайне горды. Случается, конечно, что гербовый город лежит в границах дворянских владений, бывает, город окружен коронными землями, а случается, что столица, например, ронерская Равена, не королевский город, а гербовый. Происходит это оттого, что владения не раз меняли принадлежность, иным городам герб жаловался за заслуги, а у других отбирался за вину мнимую или подлинную. В городах всех трех разновидностей существуют одни и те же гильдии и сословия. Разница лишь в том, что в дворянском городе, будь он наполовину населен людьми вольными, власть дворянина весьма ощутима, как в коронном — власть короля. Зато гербовые города управляются исключительно своими магистратами, ревностно хранящими старинные привилегии. Для каждой разновидности городов существует известная разница в судопроизводстве и управлении правосудия, а также в персоналиях, оное отправляющих. Однако система эта чересчур сложна для короткого пересказа, как показались бы сложны чужеземцу наши правила на сей счет.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ГОЛОВНЫХ УБОРАХ

Головной убор играет на Таларе очень большую роль. По нему безошибочно узнают род занятий и социальное положение владельца. Появиться на людях с непокрытой головой — поступок крайне предосудительный, достойный последнего бродяги.

Бадагар — фетровая широкополая шляпа, обычный головной убор военных и дворян (у дворян украшена перьями, лентами, пряжками из драгоценных металлов с самоцветами).

Бонилон — твердая шляпа с высокой тульей в виде усеченного конуса и неширокими полями. Головной убор членов Золотой, Серебряной и Бронзовой гильдий. В зависимости от гильдии бывает украшена золотым, серебряным или бронзовым медальоном, вместо ленты — крученый шнурок.

Капарат — круглая твердая шапка, как правило, темных тонов. Ее носят члены сословия Мер и Весов. Бывает украшена ярким матерчатым верхом, золотом и серебряным шитьем, отшлифованными полудрагоценными камнями.

Каталана — фетровая или кожаная шляпа с высокой тульей и узкими полями, заломленными сзади. Наиболее распространена по обе стороны Каталяунского хребта, где ее носят дворяне, пограничные егеря, вообще все Сословия, кроме крестьян. В других местах — излюбленный головной убор охотников (поскольку шляпа этого фасона наиболее удобна для ходьбы по чащобе).

Лангила — матерчатая шляпа с очень широкими полями и круглым верхом, плотно сидящая на голове. Пропитывается водоотталкивающими составами и представляет обычный головной убор моряков и рыбаков. По-другому она именуется «штормовая лангила», или попросту «штормовка». Для ясной хорошей погоды существует разновидность, называемая «лангилатан» — твердая, поля не столь широкие. Лангилатан с металлическими головками и кокардами — форменный головной убор военных моряков.

Буниль — остроконечный колпак, войлочный или из плотной материи, с круглыми наушниками и квадратным назатыльником. Будничный головной убор крестьян. Праздничным служит габуниль — вязаный колпак, украшенный лентами.

Виклер — форменный головной убор чиновников, шляпа из твердой лакированной кожи, цилиндрическая, с узкими полями. Высота шляпы, наличие украшений, равно как и их количество, зависят от чина.

Крапон — твердая шляпа с тульей в виде конуса и узкими полями. Головной убор членов Медной и Железной гильдий.

Мурмалка — остроконечный матерчатый колпак с меховой оторочкой, старинный головной убор жителей Ратагайской степи, который носят все без исключения мужчины (сорт материала, разновидность меха, наличие перьев и украшений зависит от положения в обществе).

В Глане мужчины носят разнообразные береты. Все прочие головные уборы совершенно не в обиходе и именуются насмешливыми прозвищами.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОДЕЖДЕ

Камзол — короткая мужская одежда, едва прикрывающая бедра. *Кафтан* — более длинный, почти до колен. *Колет* — камзол без рукавов. Если упоминается, что на военном был мундир, это означает, что его штаны и камзол (или кафтан) — одного цвета. Дворяне, военные и члены некоторых сословий никогда не появляются на людях без плаща. Чиновники носят мундир или сюртук до колен длиной, с пуговицами сверху донизу. Сюртук всегда должен быть застегнут на все пуговицы — как и одежда купцов, длиннополый хомерик. Военные и дворяне, наоборот, держат верхнюю одежду полурастегнутой или расстегнутой вовсе, открывая кружевное жабо или форменный шейный платок.

Дворянки могут появляться в мужской одежде, но исключительно незамужние (замужним приличия такое позволяют лишь в долгой поездке).

ЗАМЕЧАНИЯ О БОГАХ И ХРАМАХ

Храмы ЕДИНОГО ТВОРЦА существуют во всех государствах и обитаемых землях (хотя и не везде окружены доброжелательством). Возведенные в старые времена легко отличить по трем-пяти золоченым куполам, каждый из которых увенчан крестом Единого. Храмы более современной постройки несколько выше и уже, с остроконечными четырехгранными крышами, и крест лишь один, в самой высокой точке храма. При всяком есть колокольня. Внутри нет ни изображений, ни статуй Единого — Творец никогда не показывался людям, и воплощать его в изображении не принято. Зато, как правило, по сторонам алтаря стоят статуи наиболее почитаемых в данной местности святых, окна украшены витражами, а у порога на полу сделано мозаичное или вырезанное в камне изображение дьявола, которого входящие попирают ногами.

Кроме Сословия храмовых священников существует еще четыре монашеских ордена: святого Роха, святого Круахана, святого Катберта-Молота и святого Сколота, занятые самой разнообразной деятельностью — от благотворительности и устройства школ до борьбы с приверженцами Черной Троицы.

АШОРЕМИ — в древности богиня охоты и лесов. Впоследствии стала и повелительницей ночи, каковое обстоятельство по прошествии лет привело к несколько комической ситуации, о какой будет сказано ниже. Первая ипостась богини, то есть патронаж над лесами, всем обитающим в них зверьем, а также теми, чьи труды связаны с лесом (охотники, птицеловы, бортники, смолокуры, дровосеки и т. д.), со временем окончательно перешла к Кернунносу. Ашореми осталась исключительно Царицей Ночи, а потому ее считают своей покровительницей и влюбленные, и разбойники с ворами (иронически прозванные «ночными служителями Ашореми»), и странствующие купцы, для которых ночь, заставшая их в дороге, — самое опасное время. Эти категории в основном и составляют паству храмов Ашореми. По старинке богине поклоняются и представители вышеприведенных «лесных» ремесел — те, кто живет вдали от Каталауна и других горных районов. Горожанки всех сословий и слоев общества верят, что молитва Ашореми облегчает роды и помогает вернуть любовь мужа.

Кое-где, в самых древних храмах, еще можно увидеть изображения Ашореми в облике мифологической ночной птицы Валари с восьмиконечной Полярной Звездой на груди. Но в основном богиня предстает прекрасной девушкой с луком и колчаном за плечами (это оружие уже считается не символом охоты, а стрелами любви, поражающими сердца).

Самый большой и старинный Храм Ашореми находится в Пограничье и пришел в изрядное запустение, хотя туда до сих пор приходят паломники и там совершаются богослужения. Храмы Ашореми отличаются обилием колонн, полным отсутствием окон и плоской крышей, увенчанной статуей богини над входом и Полярной Звездой по всем четырем углам. Служителями Ашореми могут быть и мужчины, и женщины. К алтарю богини приносят цветы, перед ним жгут благовонную смолу. Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями. Животное Ашореми — кошка.

БРИГИТА — богиня знаний, мудрости и изящных искусств. Изображается в виде птицы с женской головой или, что реже, совы. Ее приверженцы происходят главным образом из Словий Свободных Искусств, Совы и Циркуля. Храмов Бригиты, собственно говоря, не существует — лишь часовни, выполненные в виде каменных, закрытых с трех сторон навесов с изображением богини внутри. Служителей богини, как профессиональной касты, нет, эту роль выполняют особо уважаемые члены городских Общин Бригиты, носящие звание «смотрителей часовен». Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями.

ВЕЛИКАЯ МАТЕРЬ — самое загадочное божество Талара, в чьи секреты так и не смогли проникнуть полностью ни книжники, ни тайная полиция. Главные приверженцы этой богини — крестьяне обоего пола (исключая побережье, где силен Руагату, Каталаун и горные районы). Святилища Великой Матери, изображаемой в виде примитивно вытесанной из камня или дерева тучной женщины, можно увидеть в каждой деревне. Есть еще священные рощи и заветные места, посвященные Матери. И те и другие, по неписаному обычаю, идущему из глубины веков, настрого запрещено посещать мужчинам (слухи о том, что иные убийства были местью за нарушение запрета, так до сих пор не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть, несмотря на все усилия властей).

Жрицами Великой Матери могут стать исключительно женщины, причем их возраст сплошь и рядом не имеет значения (считается, что будущая жрица с колыбели отмечена богиней, и посвященные это легко определят). Праздники в честь Великой Матери приурочены к севу, жатве, обмолоту и другим видам полевых работ. В жертву богине приносят злаки, плоды и перворожденных ягнят (слухи о человеческих жертвах были тщательнейшим образом проверены имперской разведкой, но не подтвердились).

Помимо внешней, обрядовой стороны ритуалов, лицезреть которые допускается любой посторонний, существует, вне всякого сомнения, и некое тайное знание, но до нынешних пор не удалось вызнать о нем ничего конкретного. Известно, что Великая Матерь олицетворяет Природу, животворящую силу (а по некоторым источникам, и всю планету, полагаемую жрицами Великой Матери живым

и чуть ли не разумным существом). Одно время бродили упорные слухи (в городах, естественно), что реверен Гонзак пытался проникнуть в тайны Домов Великой Матери (нечто вроде монастырей, где живут женщины, посвятившие всю свою жизнь служению богине), за что и был убит при самых удивительных обстоятельствах. Насколько известно, проверкой этих слухов никто всерьез не занимался — ибо подобные сплетни во множестве появлялись и раньше в связи со смертью других известных особ, но подтверждения никогда не находили, и к ним перестали относиться серьезно*.

Следует отметить, что в военное время даже наиболее буйная и недисциплинированная солдатня обходит стороной Дома Великой Матери и избегает оскорблять жриц. Эта укоренившаяся в древние времена традиция чересчур устойчива для простого суеверия, что неоднократно отмечалось исследователями (так и не докопавшимися, правда, до причин).

КЕРНУННОС — бог лесов, охоты, диких животных и грома. Изображается в виде оленя с лошадиным хвостом или человека с оленьей головой. Главным образом ему поклоняются в области Каталаунского хребта, гор Адантел и Оттершо. Служители Кернунноса — исключительно мужчины. Храмы, как правило, располагаются в лесу (или окружены самое малое семью деревьями), они небольшие, кубической формы, с узкими высокими окнами, крыша крыта оленьими рогами. При храме обязательно имеется башенка, где по особым праздникам (так называемые «дни грома») зажигают священный огонь. Есть заповедные Леса Кернунноса. В общем, Кернунноса нельзя назвать «злым богом», но порой по отношению к людям (особенно тем, кто неподобающим поведением в лесу навлек его гнев) он бывает жесток и мстителен. Особых жертв ему не приносят, но принято оставлять в лесу часть охотничьей добычи или, проезжая мимо заповедного леса, украсить одно из крайних деревьев каким-нибудь подношением. Зверем Кернунноса исстари считается каталаунский тигр, и под особым покровительством бога находятся белые олени.

* Точности ради стоит упомянуть, что существует одиннадцать противоречащих друг другу версий исчезновения Гонзака, сведенных воедино и проанализированных в книге профессора Латеранского университета Пага Альмадовара «Путешествие в никуда» (Латерана, типография «Хоневир и сыновья», 3706 г. Х. Э.).

РУАГАТУ — бог моря, имеющий огромное число приверженцев на побережье и на Островах, особенно среди моряков и рыбаков (а также купцов, плавающих по морю). Изображается в виде могучего бородача с трезубцем, восседающего на касатке. Храмы Руагату (которые полагается возводить не далее чем в лиге от берега), пожалуй, самые пышные и красивые среди всех. Стены в них заменяют ряды колонн, крыши из нескольких куполов ярко раскрашены разноцветными красками в виде чешуи, снаружи и внутри храмы украшены мозаикой, статуями и изображениями как мифологических обитателей моря, так и реальных. Во время богослужения жгут благовония трех видов. У мореходов принято во исполнение обетов дарить храмам модели своих кораблей, зачастую из драгоценных металлов. Среди служителей — и мужчины, и женщины. При некоторых храмах есть приюты для старых и увечных мореходов. Любимицами Руагату считаются касатки, поэтому охотиться на них рискнет лишь самый отпетый, не верящий ни в бога, ни в черта. И наоборот, убить грибастого крокодила или кракена считается угодным Руагату делом.

СИМАРГЛ (КРЫЛАТЫЙ ПЕС) — бог войны. Около двух тысяч лет назад его кульп был занесен с Сильваны, и, в отличие от схожих случаев с другими сильванскими богами, не только прижился, но и широко распространился — главным образом среди военных, части обитателей Полуденного Каталауна и в Ратагайской Пуште. Изображается в виде пса с орлиными крыльями. Храмы сложены из красного кирпича разных оттенков, по виду напоминают старинные замки — с высокими крутыми крышами, зубцами по их кромке, машикулями, толстыми стенами, узкими стрельчатыми окнами (с витражами, изображающими сражения). Внутри — статуя Крылатого Пса, стены обычно увешаны пожертвованным по обету или даренным оружием (все древние храмы славятся прекрасными коллекциями старинного оружия). Принято освящать в храме купленное у мастера оружие. В старые времена полагалось оставлять перед статуей капельку своей крови, уколов палец, но вот уже несколько столетий, как этот обычай исчез.

При иных храмах есть приюты для старых и увечных солдат (каковых немало и среди служителей Симаргла). В противопо-

ложность сильванским обычаям, служители Симаргla — исключительно мужчины. Возле храмов Симаргla всегда можно увидеть собак — их подкармливают, так как собакам Крылатый Пес особо благоволит, выделяя среди прочих животных. Для приверженцев Симаргla убить или обидеть собаку — грех (зато отношение к кошкам насквозь противоположное).

Существуют Братства Симаргla — военные ордена. Их членов обязывает равенство независимо от происхождения, обет супружеской верности, клятва участвовать в любой войне, какую ведет государство. Ныне таких Братств семь — три в Снольдере, два в Ронеро, по одному в Глане и Лоране. Они могут выставить отряды, не уступающие по численности полку. На звоннице каждого храма установлен птелос. Симаргл — покровитель гильдии Оружейников.

ХОРС — бог солнца. Изображается в виде всадника на рыжем коне или золотого солнечного диска. Почитается главным образом в городах. Храмы возводятся в виде пирамиды из семи уступов, увенчанной солнечным диском. Внутри стоит статуя Солнечного Всадника и поддерживается неугасимый огонь (возжигаемый от солнца с помощью особых стекол). При храмах (или при главном храме, если в городе их несколько) содержится отобранный в соответствии со сложными каноническими правилами рыжий, «солнечный» конь, символизирующий Хорса в торжественных процессиях по праздничным дням (считается, что на нем невидимо восседает тогда сам Хорс). Служители бога — исключительно мужчины. Хорс покровительствует в животном мире лошадям и петухам («птице Хорса»), а из мастеров его особенным покровительством пользуются кузнецы. На вершинах храмов установлены гонги.

Времена Храмовых Войн давно минули, но определенные трения сохранились до нашего времени — взаимная неприязнь и отчуждение меж приверженцами Ашореми и Симаргla, Симаргla и Кернунноса, Кернунноса и Хорса, Хорса и Ашореми.

По недостатку места нет возможности рассказать о «потаенном народце» — лесных феях, духах источников, «болотных сидельцах» и пр., и пр. Лучше всего отослать читателя к классическому труду Уро Монкагера «Рассказ и размышления о Потаенном Народце» (лучшее иллюстрированное издание вышло

в 3710 г. Х. Э. в Ремиденуме). Неплоха также книга «Каталог Иномирья» — старинный труд анонимного автора, часто переиздающийся.

ЧЕРНАЯ ТРОИЦА — так именуется три черных бога, чьи храмы были в конце концов разрушены, а оставшиеся приверженцы загнаны в подполье — Сет-Змееног, Кром Круах (Кром Кровавый) и Рогатый (Клыкастый Козел). До сих пор в глухих уголках, несмотря на все преследования, время от времени еще совершаются «черные ритуалы» с человеческими жертвоприношениями. Адепты «черной троицы» в свое время и создали тайные общества, известные под собирательным названием «Черной благодати» или «Черной радуги».

О СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Господствующей религией там объявлено так называемое «учение Совершенства», или «учение святого Патарана, единственного богохvonовленного толкователя воли Единого Творца, очистившего служение Творцу от искажений и излишних сложностей». Но все остальные понтификаты Единого Творца за пределами Святой Земли относятся к этому учению отрицательно, отношений со Святой Землей не поддерживают, не признавая самого этого названия, а также не считают Патарана святым.

РОСПИСЬ КЛАССНЫХ ЧИНОВ, ИЛИ ЧИНОВНИЧЬИХ КЛАССОВ

1. Коронный министр.
2. Коронный советник.
3. Тайный советник.
4. Королевский советник.
5. Королевский секретарь.
6. Министерский советник.
7. Министерский секретарь.
8. Советник.
9. Департаментский советник.
10. Департаментский секретарь.
11. Канцелярии советник.
12. Секретарь канцелярии.

13. Секретарь.
14. Канцелярист.
15. Письмоводитель.
16. Писец.

Система эта применяется во всех государствах Харума, за исключением Вольных Маноров, Глана (где существует своя, более простая и патриархальная) и Балонга (где также принята своя). 1—5 классы приравнены к генеральским чинам, и получить их могут лишь дворяне (есть, впрочем, редкие исключения), 6—8 классы приравнены к полковникам, 9—10 — к капитанам, 11—12 — к лейтенантам, 13—14 — к сержантам.

МОНЕТНАЯ СИСТЕМА

Ронеро

Золотой аурей = серебряному аурею = 25 серебряным сестерциям. Есть еще золотые монеты «токен» (5 ауреев) и «солид» — 10 ауреев.

Серебряный сестерций = 10 медным сестерциям = 200 медным грошам.

Медные монеты: полугрош, грош, тройной грош, семигрошевик, десятигрошевик, сестерций, ливра (монета в 5 медных сестерциев).

Все монеты — круглые. Для Брян Луга чеканятся все их виды, но именуются они «островными», и вместо королевской короны на них изображен государственный герб.

Снольдер

Золотой денарий = 50 серебряным артигам. Есть золотые монеты «латеранский золотой артиг» (денария), «двуденарий» (2 денария), «сфинкс» (3 денария), «Цехин» (7 денариев, хождение имеет главным образом в Ратагайской Пуште).

Серебряный артиг = 14 серебряным патагонам = 280 медным гротирам.

Медный гротир = 5 пулам. Есть монеты в 1, 2, 3, 4 пула.

Все монеты — круглые. (Сфинкс еще с отверстием посередине.) Для Катайр Крофина чеканятся «морские» деньги.

Горрот

Золотой статер = 40 серебряный ассам либо 10 серебряным венталам = 600 медным ассам. Есть двойной статер, тройной статер и «галиа» — монета в 7 статеров.

Медный асс = 3 медным патарам. Есть монеты в поласса, полпатара, двойной патар.

Глан

Златник = 20 серебреникам = 280 медным шелегам. Есть двойной златник, тройной и «медведь» — монета в 5 златников.

Медный шелег = 7 круцежам. Есть полукруцеж.

Шаган

Золотой орт = 14 серебряным фартингам и 140 медным фартингам. Есть двойной орт, «колокол» (монета в три орта).

Серебряный фартинг, двойной серебряный. Медный полуфартинг, фартинг, тройной фартинг. (Монеты всех трех держав — круглые, кроме восьмиугольной в один гланский круцеж.)

Для острова Дике в Горроте особых денег не выпускается, хотя в последние времена это, кажется, намерены сделать.

Харлан

Золотой скеллер = 25 серебряным скетам = 500 медным биллонам. Есть монеты в 3, 6 и 10 скеллеров.

Серебряный балиган = 5 скетам.

Медные: четверть билона, полубилон, билон, двойной билон, пятерик и семерик.

Все золотые монеты — круглые, балиган — семиугольный, пятерик и семерик — семиугольные с отверстием в середине.

Лоран

Золотой денарий = 28 серебряным фоллисам = 280 медным фоллисам. Есть двойной денарий, «роза» (5 денариев) и «суверен» (15 денариев).

Серебряный фоллис = 7 медным караунам = 10 медным фоллисам.

Медные: полуфоллис, фоллис, караун, «фоллис с барабашком» (3 фоллиса), пять фоллисов.

Все золотые и серебряные монеты — прямоугольные (один из лоранских королей, полторы тысячи лет назад заменивший такими монетами круглые, спесиво заявил:

«Пусть они и неудобнее круглых, зато свидетельствуют о нашем величии». В те времена Лоран считался самой мощной державой континента, каковую роль со временем утратил, но облик денег остался прежним).

Все медные монеты — круглые, с отверстием посередине.

Балонг

Вместо золотых монет там находятся в обращении денежные знаки в 5, 7, 10, 14, 40 и 100 дукатов, с большим мастерством изготовленные из ввозимого с Сильваны в малых количествах самшитового дерева, на Таларе не произрастающего. Они обеспечены сокровищами особой кладовой Круглой Башни, довольно большого размера, круглые и охотно принимаются на всем Таларе (нужно заметить, что порой их подделывают точно так же, как и металлические деньги).

Есть серебряные монеты в 1, 2, 3 и 4 дуката, медные — в 1, 2, 5 и 10 дирхамов. И серебряные, и медные — все восьмиугольные, серебряные, вдобавок с отверстием посередине.

Ганза

Ганзейцы пользуются в основном деньгами «прилегающих держав», хотя для особых расчетов существуют круглые монеты — золотой и серебряный далер.

Сегур денег не чеканят давно по причине тщательно скрываемой бедности онного государства. В обращении, впрочем, еще находится небольшое количество древних золотых монет под названием «тымф», или «корабль», но ходят они исключительно на острове и скоро пропадут совсем, так как являются объектом охоты коллекционеров, как и фельсы — серебряный и медный.

Вольные Маноры права на чеканку монет были лишены около пятидесяти лет назад решением Виглафского Ковенанта.

«Старые» деньги еще ходят, но понемногу изымаются из обращения, как только сотрутся, к тому же купцы увозят их для коллекционеров, а также для переплавки.

Деньги Святой Земли из-за больших примесей серебра, а то и меди к золоту повсеместно считаются «худыми», «порчеными» и за пределами означенного государства хождения не имеют.

ОРДЕНА И МЕДАЛИ

Глан

Ордена:

- Чертополоха.
- Пещерного Медведя.
- «Громовая гора».

Медали:

- «Серебряное кольцо».
- «Медное кольцо».
- «Железное кольцо».

Все награды исключительно военные. В тех случаях, когда король все же желает наградить кого-то за заслуги на «гражданском» поприще, вместо цепи (так как все три ордена носятся на цепи, на шее) орден крепится на бант, прикалываемый к груди.

Балонг

Ордена:

- «Круглая башня».
- «Ладья богатства».
- «Созвездие».

Медали:

- «Золотая пчела».
- «Серебряная пчела».
- «Медная пчела».
- «Железная пчела».

Полная противоположность Глану: орденами и медалями награждаются лишь подданные Балонга, «приумножившие его богатства и действовавшие во славу дальнейшего благососто-

яния». За воинские подвиги (например, отвагу, проявленную экипажем судна в бою с корсарами) награждают деньгами или ценным оружием.

Горрот

Ордена:

«Черное солнце», (награждаются и военные, и гражданские).

«Рубиновый клинок» и Орден Симаргла (военный).

Орден Семи Островов*.

Орден Филина (гражданский).

Медали:

«Клинок».

«Орел» (военная).

«Сокровищница» (гражданская).

Харлан

Ордена:

«Трон великих герцогов»

(двойного назначения).

«Меч Славы» (военный).

«Фолиант» (гражданский).

Медали:

«Скрещенные топоры».

«Слава и смелость» (военная).

«Жемчужина мудрости».

«Бронзовое перо» (гражданская).

Ронеро

Высшие, двойного назначения ордена:

«Алмазный венец».

Орден Гербового Щита.

Военные ордена:

«Звезда отваги».

«Золотая лилия».

«Зеркало Аннура».

* В последнее время этим орденом стали награждать и военных моряков, проявивших храбрость в схватке с пиратами (ибо награждать за такое полноценными боевыми орденами в самом деле как-то не вполне уместно).

«Алое пламя».

«Скипетр морских королей» (военно-морской).

Гражданские ордена:

«Камень мудрости Пилу».

Орден Серебряной Совы.

«Бирюзовая цепь»*.

Военные медали:

«За храбрость».

«Серебряный топор».

«Башня» (вручается главным образом за отвагу, проявленную при защите или взятии крепостей).

«Стрела».

«Якорь» (военно-морская).

Гражданские медали:

«За беспорочную службу».

«Корабль».

«Лилия».

Снольдер

Высшие, двойного назначения ордена:

«Золотой сфинкс».

«Меч Дорана».

Военные ордена:

«Дракон и солнце».

«Огненный вепрь».

«Радуга и меч».

«Крылатый лев».

«Морской конь» (военно-морской).

Гражданские ордена:

Орден Короны.

Орден Вороны.

«Радуга и ларец».

«Великая Река».

Военные медали:

«Тисовая ветвь».

«Ярость и огонь».

«Дубовый лист».

* Этим орденом награждают главным образом гражданских чиновников, инженеров Сословия Циркуля и высших полицейских чинов.

«Львиный коготь».

«Огненное копье».

«Абордажная сабля» (военно-морская).

Гражданские медали:

«Процветание» (купеческая).

«Око» (полицейская).

«Ларец».

«Сфинкс».

Лоран

Высшие, двойного назначения ордена:

«Три золотых кольца».

«Отличие Престола».

Военные ордена:

«Рыцарская лента».

Орден Заслуги.

«Меч и кольцо».

«Золотой якорь» (военно-морской).

Орден Тигра.

Гражданские ордена:

«Звезда учености».

Орден Верности.

Орден Черного Медведя.

Орден Золотого Журавля.

«Великий канал».

Военные медали:

«Штандарт».

«Серебряная секира».

«Серебряный самострел».

«Победитель пламени».

«Отвага ратного поля».

Гражданские медали:

«Золотой скипетр».

«Свиток».

«Серебряный циркуль».

«Бронзовый циркуль».

«Солнечный луч».

«Серебряный компас».

Шаган

Высшие, двойного назначения ордена:

«Золотой колокол».

Орден святого Сколота.

Военные ордена:

«Меч грома».

«Золотой фрегат» (военно-морской).

«Изумрудный акилла».

Орден Синей Крепости.

«Стрела и скипетр».

Гражданские ордена:

Орден Красного Бобра.

Орден Кедра.

«Золотая кисть».

«Яшмовый кубок».

«Посох святого Роха».

Военные медали:

«Медвежья лапа»

«Алая молния».

«Штурвал и меч» (военно-морская).

«Бастион».

«Трилистник».

Гражданские медали:

«Хрустальный кубок».

«Штурвал и парус».

«Серебряная кисть».

«Жезл мудрости».

«Дубовая ветвь».

В Святой Земле орденов и медалей не существует, зато в ходу так называемые наградные пояса и посохи.

В Ганзе для награждения отличившихся и заслуженных граждан существует схожий с орденом знак трех степеней — «Золотой корабль», «Серебряный корабль» и «Медный корабль».

Ордена Вольных Маноров при всем их калейдоскопическом разнообразии чересчур многочисленны, и тому, кто ими интересуется, лучше обратиться к соответствующим книгам.

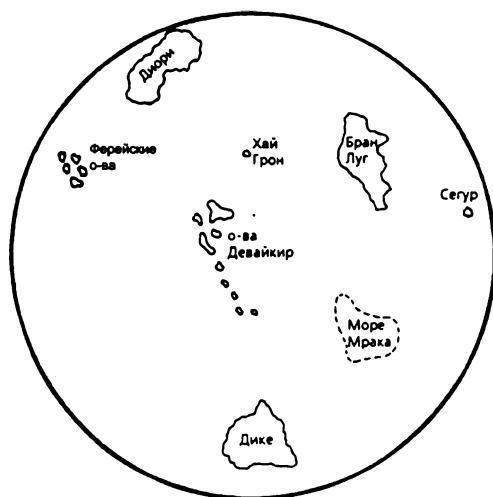

Ордена Сегура, равно как и медали, сохранены после катастрофы все до единого, однако изрядно утратили свой авторитет. Во-первых, по причине упадка Сегур практически не ведет никаких войн, и боевые награды выглядят несколько нелепо в этих условиях; во-вторых, что важнее, все сегурские награды давно превратились в дополнительный источник дохода для королевской казны: всякий, кто пожелает, может за соответствующую сумму стать обладателем любого тамошнего ордена или медали (за исключением высшего Ордена Морских Королей, вручаемого лично королем. Впрочем, и этот орден порой нетрудно раздобыть при отсутствии всяких заслуг, но при наличии должных связей или услуг, оказанных сегурскому престолу). Поэтому давно уже в обиход вошло выражение «сегурская награда», означающее нечто второсортное или добывшее не трудами и заслугами, а с помощью тугого кошелька или интриг.

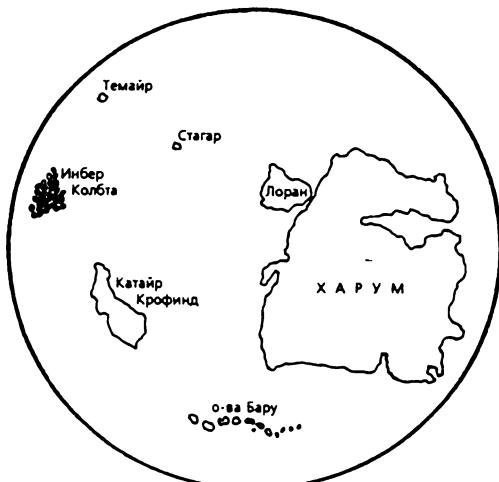
Карты

Планета ТАЛАР

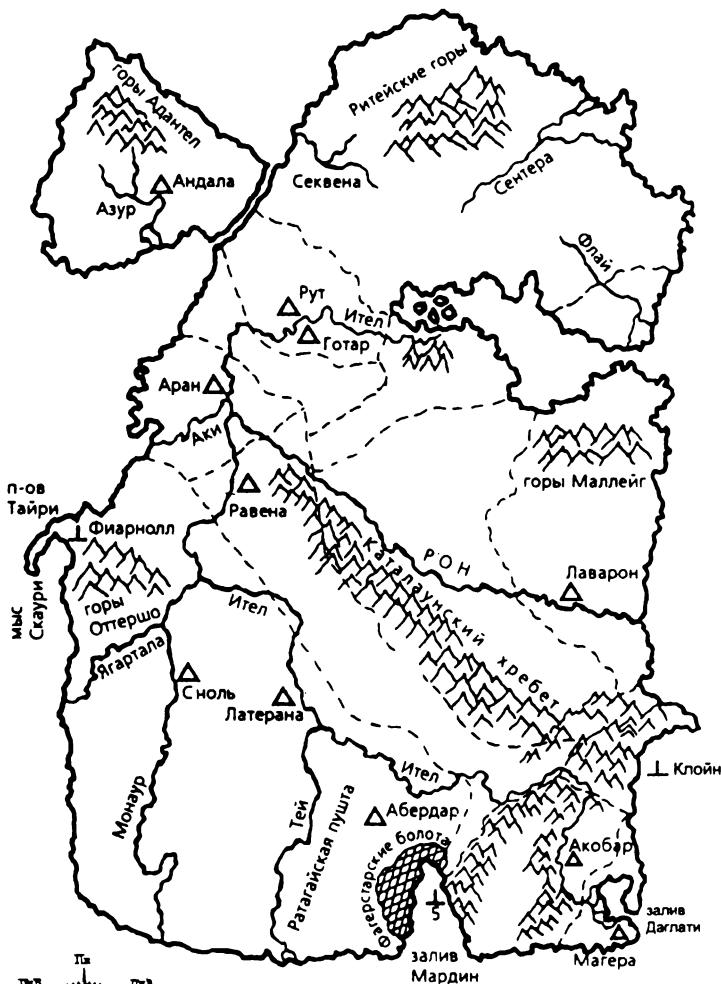
полушарие заката

полушарие восхода

ФИЗИЧЕСКАЯ КАРТА КОНТИНЕНТА ХАРУМ

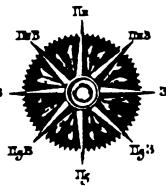

Условные обозначения

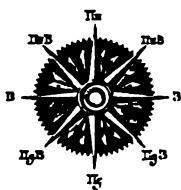
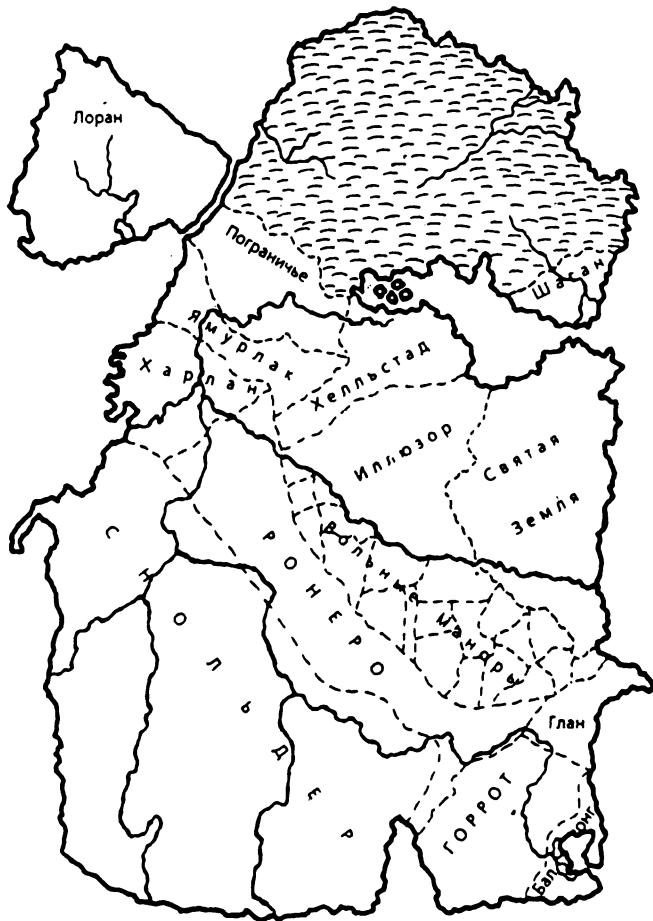
△ - города

└ - морские порты

знаком обозначен порт Джетарам

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА КОНТИНЕНТА ХАРУМ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Меч и корона.....	5
Глава II. Сложностей прибавляется.....	39
Глава III. Камни, ручейки, девушка	74
Глава IV. О камнях и не только о них.....	115
Глава V. Дворцовые будни.....	184
Глава VI. Мимолетные победы, достижения и открытия	224
Глава VII. Все те же льды, обрюзгшие моржи.....	259
Эпилог.....	271
Приложения	274

*Авторы стихов, приведенных в романе: Бертольд Брехт,
Ольгерд Довмонт, Виктор Соснора, Вадим Шефнер, Миха-
ил Щербаков.*

Бушков Александр Александрович
НАД САМОЙ КЛЕТКОЙ ЛЬВА
Роман

Ответственный за выпуск В. В. Кузьмин
Оформление обложки Ю. А. Меньшиковой
Компьютерная верстка С. В. Тихомирова
Корректор Л. А. Пруткова

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 16 лет
Налоговая льгота — Общероссийский классификатор
продукции ОК 005-93-953000.

Подписано в печать 26.07.2017.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура SchoolBook.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Уч. изд. л. 11,5.
Тираж 8000 экз. Заказ № 346.

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат
детской литературы» ОАО «Издательство «Высшая школа»
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, д. 46
Тел.: +7 (4822) 44-85-98. Факс: +7 (4822) 44-61-51
По вопросам приобретения продукции просим обращаться
по следующим адресам:

г. Москва и регионы РФ

ООО «Торговый дом «Абрис»

По вопросам розничного приобретения продукции:

Интернет-магазин: tdabris.ru

8(495) 981-10-39; 8(926) 611-98-46

zakaz@tdabris.ru

По вопросам оптового приобретения продукции:

8(495) 615-29-01 (многоканальный)

г. Симферополь, Республика Крым

ООО «Торговый дом «Абрис»

По вопросам розничного приобретения продукции:

8(3652)78-83-65; 8(3652) 78-84-07

krimea-zakaz@tdabris.ru

По вопросам оптового приобретения продукции:

8 (978) 091-05-91

znamie@textbook.ru

г. Санкт-Петербург

ООО «Абрис СПб»

По вопросам розничного приобретения продукции:

Железнодорожный пр., д. 20

(м. «Ломоносовская»)

8 (812) 612-11-03,

8 (812) 327-04-50 (51),

факс: 8 (812) 560-24-17

Книжная ярмарка

ДК им. Крупской,

пр. Обуховской Обороны, дом 105,

ст. м. Елизаровская, павильон № 43

8 (812) 335-01-61

Интернет-магазин:

spb-zakaz@tdabris.ru

По вопросам оптового приобретения продукции:

8(812)560-92-73

info@prosv-spb.ru

г. Калуга

ООО «Школьный МИР»

По вопросам розничного приобретения продукции:

ул. Достоевского, д. 29 п. 66

8 (4842) 57-58-51

zakazmir40@mail.ru

По вопросам оптового приобретения продукции:

Тел./факс: 8 (4842) 57-58-51 / 8(4842)53-89-26

8(4842)53-89-26

8 (910) 866-51-81

ooomir40@yandex.ru

г. Киров

ООО «Абрис Вятка»

По вопросам розничного приобретения продукции:

ул. Комсомольская, 63

8 (8332) 705-805, 705-787, 705-788

AbbrisVTK@textbook.ru

По вопросам оптового приобретения продукции:

Тел: 8 (8332) 705-805

Интернет-магазин: tdabris.ru

20 лет приключениям Сварога

нашему
Клубу льва

Все ниже и ниже склоняется
голова Сварога под тяжестью
новых корон. Но звон бокалов
и любимых женских голосов
отвлекает его от горечи потерь.
А нарастающий шорох, шелест,
шум Соседних Страниц отзвуком
древнего Шторма вновь
заставляет взяться
за королевское дело.
Сквозь нежный свет танцующей
под тенью ночи Дриады Сварог
видит, как рвутся потоком с небес
тонкие полосы пронзительно-
синего света.
Вот-вот в них утонет Талар...
И против нового злодея
наряжена такая армия.
что едва ли не страшна соседям.
Знать бы, куда нанести удар!

ISBN 978-5-00111-184-9

9 785001 111849